

## Редакционный совет научного журнала «Вестник НГУ. Серия: История, филология»

### Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

### Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

### Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

### Члены редакционного совета

- Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)
- Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)
- А. В. Головнёв чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
- А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)
- А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Россия)
- О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)
- А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)
- С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)
- В. А. Ламин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)
- Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)
- Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)
- Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)
- П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)
- И. В. Силантьев чл.-кор. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

## **Редакционная коллегия выпуска «Археология и этнография»**

### **Ответственный редактор**

А. И. Кривошапкин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. РАН (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

### **Ответственный секретарь**

Д. В. Селин канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

### **Члены редколлегии**

- Л. А. Бобров д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. Н. Крадин акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия)
- Р. М. Краузе д-р истории, проф. (Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте, Германия)
- Б. Е. Кумекон акад. Национальной академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан)
- Л. В. Лбова д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- А. Наглер д-р истории (Германский археологический институт, Берлин, Германия)
- Н. В. Полосьмак чл.-кор. РАН, д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- З. Самашев д-р ист. наук, проф. (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан)
- К. Ш. Табалдиев канд. ист. наук, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан)
- Е. Ф. Фурсова д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- С. Хансен д-р истории, проф. (Германский археологический институт, Берлин, Германия)
- Я. Хохоровский д-р истории, проф. (Институт археологии Ягеллонского университета, Краков, Польша)
- Сукбэ Чжун д-р истории, проф. (Университет культурного наследия Республики Корея, Пуё, Республика Корея)

# **Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”**

## **Chief of the Advisory Board**

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

## **Chief Editor of the Series**

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

## **Executive Secretary of the Series**

Sergey G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

## **Members of the Advisory Board**

Khizri A. Amir Khanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Aleksander K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

## **Editorial Board**

### **of the Issue “Archaeology and Ethnography”**

#### **Executive Editor**

A. I. Krivoshapkin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

#### **Executive Secretary**

D. V. Selin Candidate of Sciences (History), (Novosibirsk State University, Russian Federation)

#### **Board Members**

- L. A. Bobrov Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. N. Kradin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Far Eastern nations of Far East Branch of the Russian Academy of Science, Far East Federal University, Vladivostok, Russian Federation)
- R. M. Krause Doctor of Sciences (History), Professor (Goethe University of Frankfurt, Germany)
- B. E. Kumekov Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakstan, Doctor of Sciences (History), Professor (L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan)
- L. V. Lbova Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- A. Nagler Doctor of Sciences (History) (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)
- N. V. Polosmak Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History) (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Z. S. Samashev Doctor of Sciences (History), Professor (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences, Astana, Republic of Kazakstan)
- K. Sh. Tabaldiev Candidate of Sciences (History), Professor (Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan)
- E. F. Fursova Doctor of Sciences (History) (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- S. Hansen Doctor of Sciences (History), Professor (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)
- J. Chochorowski Doctor of Sciences (History), Professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
- Suk-Bae Jung Doctor of Sciences (History), Professor (Korean National University of Cultural Heritage, Buyeo, Korea)

# В Е С Т Н И К Н Г У

## Серия: История, филология

Научный журнал  
Основан в ноябре 1999 года

2023. Том 22, № 5: Археология и этнография

---

---

### СОДЕРЖАНИЕ

#### Преподавание археологии в вузах

- Головченко Н. Н., Грибанова Н. С., Вайцель Д. Э.* Опыт разработки археологического мультимедийного контента для студентов педагогических университетов 9

#### Археология Евразии

- Павленок Г. Д., Бочарова Е. Н., Таймагамбетов Ж. К., Анойкин А. А.* Особенности первичного расщепления в индустриях развитого верхнего палеолита стоянки Ушбулак по данным ремонтажа (на материалах слоя 5.1) 20
- Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е., Селецкий М. В., Воробей И. Е., Некраш А. А., Пташинский А. В.* Результаты полевых археологических исследований стоянки Раздельный II (Центральная Камчатка) в 2022 году 35
- Лебединцев А. И.* Проблема происхождения, локализации и хронологии тарьинской поздненеолитической культуры Камчатки 52
- Селин Д. В., Чемякин Ю. П.* Особенности технологии керамики атлымской культуры (по материалам поселений Барсовой Горы) 64
- Хан Чжин Сон, Кан Ин Ук.* Этнокультурная принадлежность могильника Сичагоу по материалам поясных блях культуры хунну 79
- Кудинова М. А.* Погребальные комплексы периода Северной Вэй в окрестностях г. Гу-юань, Нинся-Хуэйский автономный район, КНР 95
- Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С.* Удила и псалии из археологических памятников Северного Алтая жужанского времени (по материалам комплекса Чобурак-I) 105

*Русланов Е. В.* Селище Ябалаклы-1: новые материалы по чияликской культуре Южного Предуралья 118

*Бобров Л. А., Анисимова М. А., Батыров В. В.* Жалованная сабля калмыцкого нойона Бамбара из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи 131

### **Этнография народов Евразии**

*Бадмаев А. А.* Образ кукушки в традиционных представлениях и обрядности бурят 147

*Табарев А. В., Славинская Е. Е.* Ночной гость Тинтин: истоки образа демонического персонажа в фольклорных и археологических материалах Эквадора 157

Список сокращений 169

Информация для авторов 170

# V E S T N I K N S U

## Series: History and Philology

Scientific Journal  
Since 1999, November

2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography

---

---

### CONTENTS

#### Teaching of Archaeology in High Schools

- Golovchenko N. N., Gribanova N. S., Vaytsel D. E.* Experience in the Development of Archaeological Multimedia Content for Students of Pedagogical Universities 9

#### Archaeology of Eurasia

- Pavlenok G. D., Bocharova E. N., Taimagambetov Zh. K., Anoikin A. A.* Primary Knapping Methods in Upper Paleolithic Industries at the Ushbulak Site Based on the Results of Refitting (Layer 5.1) 20
- Fedorchenko A. Yu., Belousova N. E., Seletsky M. V., Vorobey I. E., Nekrash A. A., Ptashinsky A. V.* Results of Field Archaeological Research at the Razdelniy II Site (Central Kamchatka) in 2022 35
- Lebedintsev A. I.* The Problem of the Origin, Localization and Chronology of the Tarya Late Neolithic Culture of Kamchatka 52
- Selin D. V., Chemyakin Yu. P.* Features of the Technology of Ceramics of the Atlym Culture (Based on the Materials of Settlements of Barsova Gora) 64
- Han Jinseong, Kang In Uk.* Ethnic and Cultural Affiliation of the Xichaogou Burial Ground Based on Materials of the Xiongnu Culture Belt Plaques 79
- Kudinova M. A.* Northern Wei Tombs in the Vicinity of Guyuan, Ningxia Hui Autonomous Region, China 95
- Seregin N. N., Tishkin A. A., Matrenin S. S., Parshikova T. S.* Bits and Cheek-Pieces from the Archaeological Sites of the Northern Altai of the Rouran Period (Based on the Materials of the Choburak-I Complex) 105

<i>Ruslanov E. V.</i> The Yabalakly-1 Settlement: New Materials on the Chiyalik Culture of the Southern Urals	118
<i>Bobrov L. A., Anisimova M. A., Batyrov V. V.</i> The Saber Highestly Granted to Noyon Bambar Presented in the Collection of Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps	131
<b>Ethnography of the Peoples of Eurasia</b>	
<i>Badmaev A. A.</i> The Cuckoo Image in the Buryats Traditional Concepts and Rituals	147
<i>Tabarev A. A., Slavinskaya E. E.</i> Night Guest Tintin: The Origins of a Demonic Character in the Folklore and Archaeological Materials of Ecuador	157
List of Abbreviations	169
Instructions to Contributors	170

Научная статья

УДК 902

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-9-19

## Опыт разработки археологического мультимедийного контента для студентов педагогических университетов

Николай Николаевич Головченко<sup>1</sup>

Наталья Святославна Грибанова<sup>2</sup>

Денис Эдуардович Вайцель<sup>3</sup>

<sup>1-3</sup> Алтайский государственный педагогический университет  
Барнаул, Россия

<sup>1</sup> nikolai.golowchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>

<sup>2</sup> museum@altspu.ru

<sup>3</sup> d.vay.98@mail.ru

### Аннотация

Статья посвящена обобщению опыта интеграции фондов Историко-краеведческого музея и оборудования Технопарка универсальных педагогических компетенций Алтайского государственного педагогического университета с ресурсами исторического парка Новосибирской области «Россия – моя история» для создания мультимедийного учебно-просветительного контента, применимого при преподавании курса «Археологический туризм». Показана важность многоканального восприятия объектов археологического наследия в педагогическом процессе. Обсуждаются особенности разработки программы с элементами игры, основанной на материалах археологических памятников Алтая. Большое внимание уделяется требованиям к описанию и анализу критериев отбора предметов, экспонируемых мультимедийно. Показано, что ситуативная геймификация способствует образному восприятию конкретных археологических эпох и связанного с ними материального комплекса.

### Ключевые слова

мультимедийный исторический парк «Россия – моя история», технопарк универсальных педагогических компетенций, краеведческий музей, педагогическая археология, иммерсивные технологии, геймификация

### Благодарности

Работа подготовлена при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках реализации государственного задания на выполнение прикладной НИР по теме «Научно-методическая подготовка учителя к работе с информационными ресурсами мультимедийного исторического парка “Россия – моя история” в системе повышения квалификации и профессиональной переподготовки педагогических кадров» (Государственное задание № 073-00087-22-04 от 06.06.2022)

### Для цитирования

Головченко Н. Н., Грибанова Н. С., Вайцель Д. Э. Опыт разработки археологического мультимедийного контента для студентов педагогических университетов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 9–19. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-9-19

## Experience in the Development of Archaeological Multimedia Content for Students of Pedagogical Universities

Nikolai N. Golovchenko<sup>1</sup>, Natalia S. Gribanova<sup>2</sup>, Denis E. Vaytsel<sup>3</sup>

<sup>1-3</sup> Altai State Pedagogical University  
Barnaul, Russian Federation

<sup>1</sup> nikolai.golowchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>

<sup>2</sup> museum@altspu.ru

<sup>3</sup> d.vay.98@mail.ru

### Abstract

*Purpose.* The article is devoted to the generalization of the integrating the Local History Museum and the equipment of the Altai State Pedagogical University Universal Pedagogical Competences Technopark funds with the resources of the historical park of the Novosibirsk region “Russia is My History” experience in order to create multimedia educational content applicable when teaching the “Archaeological tourism” course.

*Results.* The importance of multi-channel perception of archaeological heritage objects (description, photo, drawing, 3D modeling) in the pedagogical process is shown. The development features of a program with elements of the game based on the materials of the archaeological sites of Altai (“Antiquities of Altai”) associated with their attributive and informative properties are discussed. Much attention is paid to the requirements for the description and analysis of the selection criteria for objects exhibited in multimedia. The features of the multimedia content integration into the educational process are considered.

*Conclusion.* It is shown that situational gamification contributes to the figurative perception of specific archaeological eras and the material complex associated with them. It is concluded that the continued introduction of multimedia technologies in the teaching of historical disciplines will increase interest in science among students of the Pedagogical University. The combination of traditional and innovative teaching methods applied in practice both in higher and secondary schools will lead to an increase in the quality of historical and general education.

### Keywords

multimedia Historical Park “Russia is My History”, Technopark of Universal Pedagogical Competencies, Local History Museum, pedagogical archeology, immersive technologies, gamification

### Acknowledgements

The work was prepared with the financial support of the Russian Federation Ministry of Education as part of the state task implementation of applied research on the topic: “Scientific and Methodological Training of Teachers to Work with Information Resources of the Multimedia Historical Park *Russia is My History* in the system of advanced training and professional retraining of teaching staff” (State task no. 073-00087-22-04 dated 06.06.2022)

### For citation

Golovchenko N. N., Gribanova N. S., Vaytsel D. E. Experience in the Development of Archaeological Multimedia Content for Students of Pedagogical Universities. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 9–19. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-9-19

## Введение

2021 год ознаменовался кардинальными изменениями в технологическом ландшафте педагогических университетов России и Алтайского государственного педагогического университета (ФГБОУ ВО «АлтГПУ» – далее АлтГПУ) в частности. Во исполнение подпункта «и» пункта 1 перечня поручений Президента Российской Федерации по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21.04.2021 № Пр-753, приказа Министерства просвещения Российской Федерации от 11.06.2021 № 321 на базе АлтГПУ был создан межфакультетский технопарк универсальных педагогических компетенций (далее – Технопарк).

Технопарк представляет собой современное технологически насыщенное образовательное пространство для усиления практической междисциплинарной подготовки будущих педагогов, а также для профессионального совершенствования научно-педагогических работников АлтГПУ и педагогов общеобразовательных организаций. Одной из основных задач Технопарка является разработка, апробация и реализация инновационных образовательных программ и междисциплинарных проектов совместно с другими структурными подразделениями

ми АлтГПУ (включая Историко-краеведческий музей и Институт истории, социальных коммуникаций и права (далее – ИИСКиП)) и его социальными партнерами в рамках сетевого взаимодействия.

В то же время в ходе реализации федерального проекта «Современная школа» национального проекта «Образование» при АлтГПУ был создан Педагогический Кванториум (далее – Кванториум) имени Павла Константиновича и Любви Алексеевны Одинцовых.

Кванториум – это площадка, формируемая на базе образовательной организации высшего образования, подведомственной Министерству просвещения Российской Федерации, и оснащенная высокотехнологическим оборудованием, средствами обучения и воспитания с целью развития условий по обеспечению системы образования высококвалифицированными кадрами для реализации учебных предметов прежде всего естественнонаучной и технологической направленностей. Одной из приоритетных задач Кванториума является организация обучения студентов методикам и технологиям преподавания учебных предметов с использованием современного оборудования, средств обучения и воспитания (в том числе для подготовки к педагогической деятельности на базе детских технопарков «Кванториум», центров естественнонаучной и технологической направленностей «Точка роста», центров цифрового образования «IT-куб»).

Кроме того, на базе АлтГПУ открыта площадка общероссийской общественно-государственной просветительской организации «Российское общество “Знание”» и подписано Соглашение о взаимодействии с государственным автономным учреждением культуры Новосибирской области «Исторический парк “Россия – моя история”» (далее – исторический парк «Россия – моя история»).

От Министерства просвещения Российской Федерации в 2022 году АлтГПУ получено государственное задание на выполнение прикладной научно-исследовательской работы по теме «Научно-методическая подготовка учителя к работе с информационными ресурсами мультимедийного исторического парка “Россия – моя история” в системе повышения квалификации и профессиональной переподготовки педагогических кадров».

В связи с достигнутыми договоренностями и технологическими инновациями встала задача интеграции нововведений в текущий образовательный процесс. Одним из наиболее четко отвечающих требованиям метапредметности и междисциплинарности курсов, преподающихся студентам ИИСКиП, является «Археологический туризм», базой для реализации которого служит богатое археологическое собрание университетского Историко-краеведческого музея (более ста коллекций). Начало формирования музейного собрания было положено еще в 50-х гг. XX в., и оно ежегодно пополняется новыми материалами полевых экспедиций.

Настоящая статья посвящена обобщению опыта интеграции фондового собрания Историко-краеведческого музея и оборудования Технопарка АлтГПУ с ресурсами исторического парка Новосибирской области «Россия – моя история» для создания мультимедийного учебно-просветительского контента, примененного при преподавании курса «Археологический туризм». Разумеется, презентуемый в данной работе опыт может быть распространен как на другие образовательные организации, так и на иные дисциплины археологического и музееведческого профиля.

### **Обоснование выбора формы контента**

Принципиально важным решением стал выбор формы разрабатываемого мультимедийного контента. Поскольку предусматривалась его эксплуатация одновременно в учебных (археологических, педагогических) и просветительских (музейных, туристических) целях, важно было сохранить, но не зайти слишком далеко в тренде на кастомизацию учебного процесса в педагогических университетах [Веряев, Каменская, 2022, с. 373].

С одной стороны, в учебных целях контент должен был отражать основные археологически изучаемые эпохи истории Алтая<sup>1</sup>. С другой стороны, он должен был легко встраиваться в современные методические разработки по организации учебных и внеурочных, музейных занятий с использованием ресурса регионального компонента, быть доступным для восприятия широкой аудитории: студентов, учащихся образовательных организаций и посетителей исторического парка «Россия – моя история».

В связи со шквальным и неконтролируемым распространением гаджетов и различных технологических новшеств в сфере продвижения учебной информации возникает реальная проблема персонификации всех уровней образования. Данный процесс нельзя предотвратить, его можно лишь возглавить. Отдельными исследователями уже высказывались предположения о том, что в скором времени в школах появятся новые педагогические специальности (игромастер и игропедагог) [Атлас..., 2020, с. 43], в связи с чем уже сейчас необходимо формировать требуемую базу знаний, умений и навыков среди всех педагогов-предметников, включая историков<sup>2</sup>.

Геймификация, понимаемая как внедрение игровых элементов в неигровые процессы, зачастую воспринимается и как условие повышения мотивации, вовлеченности (иммерсии) обучающихся в образовательный процесс [Веряев, Каменская, 2021, с. 90]. Учитывая данный тренд, было решено разработать информационную программу с элементами игры, обеспечивающую многоканальное восприятие объектов археологического наследия (описание, фото, прорисовка, 3D-моделирование и т. п.) в педагогическом и просветительском процессе. В самом деле, в условиях образовательных учреждений, учебных занятий и просветительских мероприятий (особенно выездных в школы) далеко не всегда можно организовать работу обучающихся напрямую с археологическими комплексами [Головченко, Труевцева, 2021, с. 10–12].

Вместе с тем применительно к такой дисциплине, как «Археологический туризм» мы считаем необходимым отметить, что никакие факультативные мультимедийные новшества не заменят привлекательный и образовательный потенциал работы с памятником, вмещающим его ландшафтом, личный опыт знакомства с подлинными древними предметами в рамках ежегодных полевых практик.

### Процесс разработки контента

Сотрудниками Историко-краеведческого музея и учебной научно-исследовательской лаборатории «Историческое краеведение» АлтГПУ совместно с историческим парком «Россия – моя история» Новосибирской области разработана информационная программа с элементами игры, получившая название «Древности Алтая» [Грибанова и др., 2022, с. 39–59]. При подготовке содержательного наполнения программы были использованы находки, хранящиеся в Историко-краеведческом музее университета, всего 32 предмета (по восемь на эпоху камня, бронзы, раннего железа и Средневековья).

Эпоха каменного века проиллюстрирована находками с Гилевского водохранилища-б (каменные скребло, бифас, долото, топор [Демин, Ситников, 2007, с. 9–10, рис. 1, 6]) и урочища Карбан (многоплощадочный, радиальный и призматический нуклеусы, скребловидное орудие).

---

<sup>1</sup> В данном случае под этим термином понимается территория Алтайского края и Республики Алтай, на памятниках которых проводили исследования археологи АлтГПУ (А. П. Уманский, М. А. Демин, П. И. Шульга, С. М. Ситников, С. С. Запрудский, А. Н. Телегин, Н. Н. Головченко и др.).

<sup>2</sup> Данный процесс характерен не только для системы образования. К примеру, в индустрии туризма и гостеприимства предполагается появление специальности игрофикатор туристического опыта [Атлас..., 2020, с. 30]. В ИИСКП АлтГПУ реализуется направление «Туризм», на котором уже сейчас разрабатывается программа подготовки специалистов по анимационному сопровождению туристической деятельности. В схожем направлении реализуются и отдельные мероприятия научно-просветительских проектов в Новосибирске – «АрхеологияPro» и «Новая археология».

Эпоха бронзы представлена наконечником копья с озера Хомутиное, биметаллическим наконечником андроновской культуры из погребения 41 и бронзовым ножом из погребения 52 могильника Чекановский Лог-2, бронзовой серьгой из погребения 22 могильника Плотинная [Уманский, Демин, 1974а, с. 13; Памятники..., 1990, с. 43, рис. 5], серпом с поселения Утянка-1 [Ситников, 2014, с. 183], золотой серьгой с раструбом из погребения 24 и сосудом с могильника Чекановский Лог-10 [Демин, Ситников, 2007, с. 41–42, рис. 45, 46], а также сосудом ирменской культуры с могильника Плотинная [Уманский, Демин, 1974б, с. 17].

Серия артефактов эпохи раннего железа включает в себя зеркало-погремушку и алтарик-курильницу из кургана 5 могилы 1 Рогозихи-1 [Уманский и др., 2005, рис. 11, 12], бронзовый котел из кургана 1 могилы 1 Обьездного-1, кинжал из Шипуновского района, а также железный чекан из кургана 15 могилы 1 Новотроицкого-1 [Головченко, 2022, рис. 3] и золотое изображение горного козла из кургана 15 могилы 3 [Шульга и др., 2009, рис. 124, 18], поясную пряжку из кургана 16 могилы 2 [Там же, рис. 80, 6], золотую нашивную пластинку с изображением коня из кургана 2 могилы 9 Новотроицкого-2 [Там же, рис. 51, 11].

Материальная культура Средневековья представлена бронзовой булавкой и керамическим сосудом из кургана 2 могилы 2 Грязново-3 [Памятники..., 1990, с. 118, рис. 20], бронзовыми медальоном, ложкой, сердцевидной подвеской из могилы 1 Мало-Панюшово [Уманский, Неверов, 1982], железным наконечником стрелы из кургана 33 могилы 1 Карбана-1 [Серегин и др., 2022, табл. 9, 1], наконечником копья из Ильинки и бляшкой из уздечного набора, обнаруженного в кургане 2 могиле 1 Обьездного-2 [Телегин, 1999].

При отборе предметов авторы исходили из необходимости продемонстрировать типичные для эпохи и территории артефакты, а также показать предметы, имеющие высокую информативность, экспрессивность и привлекательность. Основная масса демонстрируемых находок опубликована в научной литературе. При подготовке программы для каждого предмета было составлено индивидуальное описание, включающее в себя основные сведения о предмете: краткую историческую характеристику, датировку, размеры, сведения о происхождении (памятник, автор и год раскопок). Особое внимание нами отводилось доступности изложения данной информации.

Созданный таким образом контент встраивался в уже имеющуюся авторскую программную оболочку исторического парка «Россия – моя история» и ее механику. Запущенная на планшете, тачскрине, ноутбуке или ином гаджете, данная программа легко интегрируется в любые учебные и музейные мероприятия в качестве дополнительного, интерактивного, информационного ресурса. Пройдя по различным кликерам (рис. 1, 1), пользователь может ознакомиться с основной информацией об Алтайском крае и Республике Алтай или сразу перейти на ленту времени.

На ленте времени представлены археологические периоды истории Алтая – каменный, бронзовый и железный века, а также Средневековье, проиллюстрированные интересной находкой соответствующего времени. Пользователь может выбрать любой заинтересовавший его период и получить о нем дополнительную информацию (рис. 1, 2). Со страницы краткого описания исторического периода открывается игровой компонент информационной программы. Нажав кнопку «Игра», пользователь попадает в симулятор археологических раскопок (рис. 2, 1), перед ним открывается разбитый на квадраты участок условного «памятника». Игрок может взять лопату в нижнем правом углу экрана и исследовать любой понравившийся квадрат, затем взяв кисточку очистить обнаруженный им предмет. После чего пользователь получит доступ к содержательному описанию выявленного им артефакта (рис. 2, 2).

Представленная разработка интегрируется с регионоведческим контентом парка «Россия – моя история» г. Новосибирска (в котором присутствует информационный стенд о материалах исследований археологических памятников региона – городища Чича, Бердского, Чаусского и Умревинского острогов), становясь одним из звеньев в экспозиционной цепочке соответствующего тематического раздела. Проходя по залам парка, рассматривая его мате-

риалы по истории Сибири, посетитель получает возможность в интерактивной и увлекательной форме ознакомиться с археологическим наследием Алтая, хранящемся в Историко-краеведческом музее АлтГПУ.



Рис. 1 (фото). Информационная программа с элементами игры «Древности Алтая»: 1 – стартовая страница; 2 – страница описания исторического периода.

Фото Н. Н. Головченко

Fig. 1 (photo). Information program with elements of the game “Antiquities of Altai”: 1 – start page; 2 – page description of the historical period.

Photo by N. N. Golovchenko

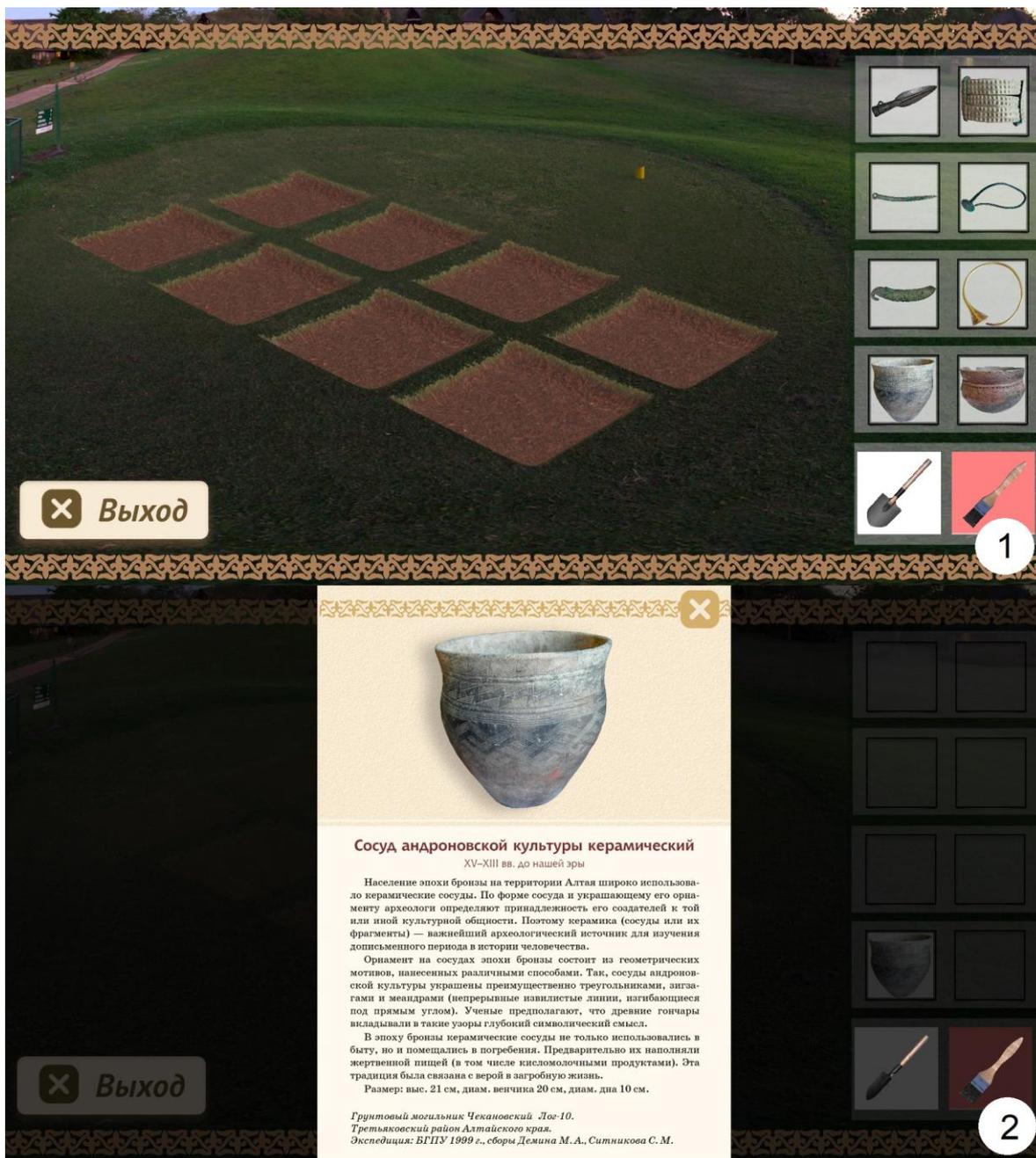


Рис. 2 (фото). Информационная программа с элементами игры «Древности Алтая»: 1 – страница симуляции археологического раскопа; 2 – страница описания археологической находки.  
Фото Н. Н. Головченко

Fig. 2 (photo). Information program with elements of the game “Antiquities of Altai”:  
1 – page of simulation of an archaeological excavation; 2 – page of description of an archaeological find.  
Photo by N. N. Golovchenko

В качестве примера схожего контента парка «Россия – моя история» уместно упомянуть интерактивный стол с информационной программой об Аркаиме, городище синташтинской культуры XX–XVI вв. до н. э. (Челябинская область). Работая с данным ресурсом, посетитель может получить карту «Страны городов», информацию о памятнике, его планировке, 3D-ре-

конструкции. При этом 3D-модели представляют в парке не только археологические объекты, но и архитектурные сооружения других эпох.

В учебном процессе по курсам «Археологический туризм», «Древние и средневековые памятники территории Алтая» программа «Древности Алтая» может выступать информационным компонентом при изучении отдельных периодов древней истории региона или основой для организации поисковой и педагогической работы в рамках тематических семинарских занятий.

Ощутимым недостатком программы является лишь отсутствие встроенной системы проверки полученных потребителем знаний. Данный недостаток компенсируется дополнительным ресурсом – мультимедийно представленной викториной, выполненной в Microsoft PowerPoint. При этом разработкой такой викторины могут заниматься и сами обучающиеся, задействовав в процессе ее подготовки другие материалы, также происходящие с археологических памятников Алтая. Из фондов Историко-краеведческого музея АлтГПУ для подготовки подобной викторины нами была отобрана серия вещей, обычно не представленных в традиционной экспозиции. Артефакты были оцифрованы в Технопарке и Кванториуме АлтГПУ с помощью 3D-сканера, после чего модели были загружены на облачный хостинг sketchfab.com, ссылки на них оформлены в QR-коды. Таким образом, появилась возможность использовать объемные копии музейных предметов для презентации непосредственно на учебном занятии, в викторине, в экспозиции музея, в ходе различных музейных мероприятий, а при необходимости и в историческом парке «Россия – моя история» при ее интеграции в информационную программу «Древности Алтая».

В практическом преломлении важно, что 3D-модель можно изготовить не только посредством работы со сложной техникой (сканером, которые есть в Технопарке и Кванториуме), но и в упрощенной форме, воспользовавшись приложением для смартфона, таким как polusam. Это делает получаемый студентами опыт презентации объектов историко-культурного наследия более мобильным в педагогическом плане.

Данный пример – это необходимая в современных условиях педагогическая технология. Оцифровка не единичных находок, а целых собраний может послужить основой для создания на базе образовательной организации или туристического центра своего виртуального музея, экспозиции которого могут быть устроены с учетом опыта организации креативных пространств исторического парка «Россия – моя история». При этом мультимедийные технологии плотно связываются с корпусом дополнительных информационных ресурсов, имеющих у музея и создающих иммерсивный эффект восприятия истории. Такими ресурсами музея образовательной организации или туристического центра могут явиться тематический хендаут (раздаточный материал), историческая миниатюра, диорамы (бутафорные живописные картины, создающие иллюзию присутствия зрителя в изображаемом историческом или природном пространстве) и терраин (объекты окружения экспозиции, цель которых сделать ее более детальной, яркой и интересной).

Образное восприятие конкретных археологических эпох и связанного с ними материального комплекса может успешно формироваться игровыми подходами. Однако необходимо учитывать, что археология материальна, никакие фотографии, 3D-модели и иные, даже новейшие средства визуализации, включая дополненную и виртуальную реальность, никогда не заменят непосредственного контакта с реальным предметом. Невозможно выстроить процесс археологической, туристической и педагогической подготовки исключительно на игровых методиках, очевидно, они могут использоваться лишь ситуативно в качестве пробуждающего или поддерживающего интерес приложения к основному курсу. Особенно остро данная проблема встает в ракурсе персонификации образования, заостряющего внимание на индивидуальных целях и задачах обучающихся, в то время как археологическая наука, и прежде всего ее полевая составляющая, предполагает опыт «очной» работы в больших коллективах.

### Заключение

На данный момент программа «Древности Алтая» апробирована в рамках музейных мероприятий в Историко-краеведческом музее АлтГПУ, выездных просветительных и профориентационных занятий с учащимися средних общеобразовательных школ Барнаула (взаимодействие школьников с программой курировалось студентами ИИСКиП АлтГПУ), а также на региональной площадке Всероссийского фестиваля науки «Наука 0+».

В учебном плане программа показала себя вызывающим интерес ресурсом, с которым хочется работать студентам-историкам и «туристам» АлтГПУ, будущим учителям, гидам и экскурсоводам. Задействованные в апробации программы обучающиеся активно включились в разработку различных вариантов ее использования на семинарах, уроках, экскурсиях. Были высказаны предложения по созданию виртуальной экскурсии с элементами квеста, в которую данная программа могла бы быть интегрирована.

Возникший живой интерес к программе «Древности Алтая» позволяет нам сделать вывод о том, что продолжение внедрения мультимедийных технологий в преподавание исторических дисциплин будет способствовать повышению интереса к науке среди студентов педагогического университета, а разумное сочетание традиционных и инновационных методов обучения, применяемых на практике как в высшей, так и в средней школе, приведет к повышению качества исторического и общего образования. В конечном счете, если археология добывает, изучает, сохраняет и популяризирует знания о прошлом, а педагогика формирует наше будущее, очевидно, особое осмысление и развитие должен получить и феномен современной (мультимедийной) педагогической археологии.

### Список литературы

- Атлас новых профессий 3.0. М.: Интеллектуальная Литература, 2020. 456 с.
- Веряев А. А., Каменская В. О.** Геймификация как условие повышения мотивации и вовлеченности обучаемых в педагогический процесс // Актуальные вопросы педагогики и психологии образования. Материалы XII Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Году науки и технологий в Российской Федерации. Барнаул, 2021. С. 89–92.
- Веряев А. А., Каменская В. О.** Геймификация: от метафоры к педагогической технологии // Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса: Сб. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь: Ариал, 2022. С. 372–378.
- Головченко Н. Н., Труевцева О. Н.** Иммерсивные технологии в популяризации археологического наследия Новотроицкого некрополя // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 7: Археология и этнография. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-7-9-20
- Головченко Н. Н.** Чекан с антропоморфным изображением из Новотроицкого некрополя (материалы к курсу «Археологическое наследие Алтая») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 9–19. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-9-19
- Грибанова Н. С., Головченко Н. Н., Труевцева О. Н.** Использование мультимедийных ресурсов в историко-просветительной работе музея образовательной организации: Учеб.-метод. пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2022. 105 с.
- Демин М. А., Ситников С. М.** Материалы Гилевской археологической экспедиции: Часть I. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2007. 274 с.
- Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая. Барнаул: Изд-во БГПИ, 1990. 131 с.
- Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С., Уманский А. П.** Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-I). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2022. 276 с.

- Ситников С. М.** К археологической карте Хабарского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2014. Вып. 20. С. 177–185.
- Телегин А. Н.** Раскопки курганной группы Обьездное-2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 1999. № 10. С. 143–145.
- Уманский А. П., Демин М. А.** Бронзовый инвентарь могильника эпохи поздней бронзы у станции Плотинная // Вопросы истории СССР. Барнаул, 1974а. С. 3–14.
- Уманский А. П., Демин М. А.** Керамика карасукского могильника у ст. Плотинная // Некоторые вопросы истории СССР. Барнаул: Изд-во БГПИ, 1974б. С. 3–18.
- Уманский А. П., Неверов С. В.** Находки из погребений IX–X вв. до н. э. в долине реки Алея на Алтае // СА. 1982. № 2. С. 176–182.
- Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И.** Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. 204 с.
- Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А.** Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 329 с.

### References

- Atlas novykh professii 3.0 [Atlas of New professions 3.0]. Moscow, 2020, 456 p. (in Russ.)
- Demin M. A., Sitnikov S. M.** Materialy Gilevskoi arkhеologicheskoi ekspeditsii [Materials of the Gilevskaia archaeological expedition]. Barnaul, 2007, 274 p. (in Russ.)
- Golovchenko N. N.** The Iron Combat Hatchet with an Anthropomorphic Image from the Novotroitsk Necropolis (Materials for the Course “Archaeological heritage of Altai”). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 9–19. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-9-19
- Golovchenko N. N., Truevtseva O. N.** Immersive Technologies in the Promotion of the Archaeological Heritage of the Novotroitsk Necropolis. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 9–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-7-9-20
- Gribanova N. S., Golovchenko N. N., Truevtseva O. N.** Ispol'zovanie mul'timediinykh resursov v istoriko-prosvetitel'noi rabote muzeya obrazovatel'noi organizatsii [The use of multimedia resources in the historical and educational work of museum an educational organization]. Barnaul, 2022, 105 p. (in Russ.)
- Pamyatniki istorii i kul'tury Severo-Zapadnogo Altaya [Historical and cultural monuments of the North-Western Altai]. Barnaul, 1990, 131 p. (in Russ.)
- Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S., Umansky A. P.** Severnyi Altai v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (po materialam arheologicheskogo kompleksa Karban-I) [Northern Altai in the era of the Great Migration of Peoples (based on the materials of the archaeological complex Karban-I)]. Barnaul, 2022, 276 p. (in Russ.)
- Shulga P. I., Umansky A. P., Mogilnikov V. A.** Novotroitskii nekropol' [Novotroitsky necropolis]. Barnaul, 2009, 329 p. (in Russ.)
- Sitnikov S. M.** К археологической карте Хабарского района [To the archaeological map of the Habarsky district]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]*, 2014, vol. 20, pp. 177–185. (in Russ.)
- Telegin A. N.** Раскопки курганной группы Обьездное-2 [Excavations of the kurgan group Ob'ezdnoe-2]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]*. 1999, vol. 10, pp. 143–145. (in Russ.)
- Umansky A. P., Demin M. A.** Bronzovyi inventar' mogil'nika epokhi pozdnei bronzy u stantsii Plotinnaya [Bronze inventory of the burial ground of the Late Bronze Age at the Plotinnaya station]. In: *Voprosy istorii SSSR [Questions of the USSR history]*. Barnaul, 1974, pp. 3–14. (in Russ.)

- Umansky A. P., Demin M. A.** Keramika karasukskogo mogil'nika u st. Plotinnaya [Ceramics of the Karasuk burial ground at st. Plotinnaya]. In: Nekotorye voprosy istorii SSSR [Some questions of the history of the USSR]. Barnaul, 1974, pp. 3–18. (in Russ.)
- Umansky A. P., Neverov S. V.** Nakhodki iz pogrebenii IX–X vv. do n. e. v doline reki Aleya na Altae [Finds from burials of the 9<sup>th</sup> – 10<sup>th</sup> centuries BC in the Alea River valley in Altai]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1982, no. 2, pp. 176–182. (in Russ.)
- Umansky A. P., Shamshin A. B., Shulga P. I.** Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozhikha-1 na levoberezh'e Obi [The burial ground of the Scythian time Rogozhikha-1 on the left bank of the Ob]. Barnaul, 2005, 204 p. (in Russ.)
- Veryaev A. A., Kamenskaya V. O.** Geimifikatsiya kak uslovie povysheniya motivatsii i вовлеченности обучающихся в педагогический процесс [Gamification as a condition for increasing motivation and involvement of students in the pedagogical process]. In: Aktual'nye voprosy pedagogiki i psikhologii obrazovaniya [Topical issues of pedagogy and psychology of education]. Barnaul, 2021, pp. 89–92. (in Russ.)
- Veryaev A. A., Kamenskaya V. O.** Geimifikatsiya: ot metafory k pedagogicheskoi tekhnologii [Gamification: from Metaphor to Pedagogical Technology]. In: Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie obrazovatel'nogo protsessa [Psychological and pedagogical support of the educational process]. Simferopol, 2022, pp. 372–378. (in Russ.)

### Информация об авторах

**Николай Николаевич Головченко**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

**Наталья Святославна Грибанова**, кандидат исторических наук, доцент

**Денис Эдуардович Вайцель**, директор Межфакультетского технопарка универсальных педагогических компетенций Алтайского государственного педагогического университета

### Information about the Authors

**Nikolay N. Golovchenko**, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher

**Natalia S. Griбанова**, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

**Denis E. Vaytsel**, Director of the Interfaculty Technopark of Universal Pedagogical Competences of Altai State Pedagogical University

*Статья поступила в редакцию 15.09.2022;*

*одобрена после рецензирования 30.12.2022; принята к публикации 14.01.2023*

*The article was submitted on 15.09.2022;*

*approved after reviewing on 30.12.2022; accepted for publication on 14.01.2023*

Научная статья

УДК 902.01

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-20-34

## Особенности первичного расщепления в индустриях развитого верхнего палеолита стоянки Ушбулак по данным ремонтажа (на материалах слоя 5.1)

Галина Дмитриевна Павленок<sup>1</sup>  
Екатерина Николаевна Бочарова<sup>2</sup>  
Жакен Кожаметович Таймагамбетов<sup>3</sup>  
Антон Александрович Анойкин<sup>4</sup>

<sup>1,2,4</sup> Институт археологии и этнографии  
Сибирского отделения Российской академии наук  
Новосибирск, Россия

<sup>3</sup> Национальный музей Республики Казахстан  
Астана, Казахстан

<sup>1</sup> lukianovagalina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3727-776X>

<sup>2</sup> bocharova.e@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7961-0818>

<sup>3</sup> zhaken.taimagambetov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3541-0600>

<sup>4</sup> anui1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2383-2259>

### Аннотация

Статья посвящена результатам комплексного анализа, направленного на выявление специфических характеристик техники первичного расщепления методом ремонтажа в индустрии слоя 5.1 стоянки Ушбулак, а также результатам сопоставления с другими индустриями стоянки. Проведенный анализ материалов слоя 5.1 позволил реконструировать три стратегии расщепления камня, определяющие облик этой индустрии. Сравнение материалов с индустрией слоев 7–6 показало принципиальные различия в сырьевых предпочтениях, техниках первичного расщепления и орудийных наборах создателей этих ассамбляжей. Отсутствие какой-либо преемственности между каменными индустриями нижней пачки слоев Ушбулака и слоем 5.1 дополнительно подчеркивается продолжительным хронологическим перерывом между ними. Общий анализ данных, основанный в первую очередь на радикальных изменениях в структуре и технологических составляющих каменных индустрий, позволяет предположить, что в палеоколлективах, населявших Шиликтинскую долину, произошли кардинальные изменения в интервале 35–25 тыс. л. н.

### Ключевые слова

Ушбулак, Восточный Казахстан, развитый верхний палеолит, технологии расщепления камня, первичное расщепление, ремонтаж

### Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 21-78-10146 «Верхнепалеолитическая мозаика – культурно-технологическая изменчивость каменных индустрий предгорных зон севера Центральной Азии во второй половине позднего плейстоцена»

### Для цитирования

Павленок Г. Д., Бочарова Е. Н., Таймагамбетов Ж. К., Анойкин А. А. Особенности первичного расщепления в индустриях развитого верхнего палеолита стоянки Ушбулак по данным ремонтажа (на материалах слоя 5.1) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 20–34. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-20-34

© Павленок Г. Д., Бочарова Е. Н., Таймагамбетов Ж. К., Анойкин А. А., 2023

## Primary Knapping Methods in Upper Paleolithic Industries at the Ushbulak Site Based on the Results of Refitting (Layer 5.1)

Galina D. Pavlenok<sup>1</sup>, Ekaterina N. Bocharova<sup>2</sup>  
Zhaken K. Taimagambetov<sup>3</sup>, Anton A. Anokin<sup>4</sup>

<sup>1, 2, 4</sup> Institute of Archaeology and Ethnography  
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Novosibirsk, Russian Federation

<sup>3</sup> National Museum of the Republic of Kazakhstan  
Astana, Kazakhstan

<sup>1</sup> lukianovagalina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3727-776X>

<sup>2</sup> bocharova.e@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7961-0818>

<sup>3</sup> zhaken.taimagambetov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3541-0600>

<sup>4</sup> anui1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2383-2259>

### Abstract

*Purpose.* The aim of this study is detailed reconstruction of the reduction sequences of the layer 5.1 lithic industry.

*Results.* Through a comprehensive analysis of the material complex from the layer 5.1 we reconstructed three knapping strategies characterizing the industry. The first strategy is based on the usage of the narrow core working surface to obtain blades and lamellar flakes. The second strategy is the alternating usage of the working surface and striking platform aimed at blank production. The reduction sequence is characterized by the usage of narrow surfaces bounded by natural sides. The third strategy is the bladelets and microblades production using one narrow or two adjacent (narrow and wide) working surfaces. The comparison of the material complex of the layer 5.1 with the complexes of layers 7–6 indicates principal differences in the raw material preferences, primary knapping methods and toolkits.

*Conclusion.* Based on the lack of continuity of the primary knapping and the principles of spatial exploitation of Ushbulak site area, we suggest a complete change in the population of the Shilikta valley at the boundary of MIS 3 and MIS 2.

### Keywords

Ushbulak, Eastern Kazakhstan, Upper Paleolithic, reduction sequence, primary knapping methods, refitting

### Acknowledgements

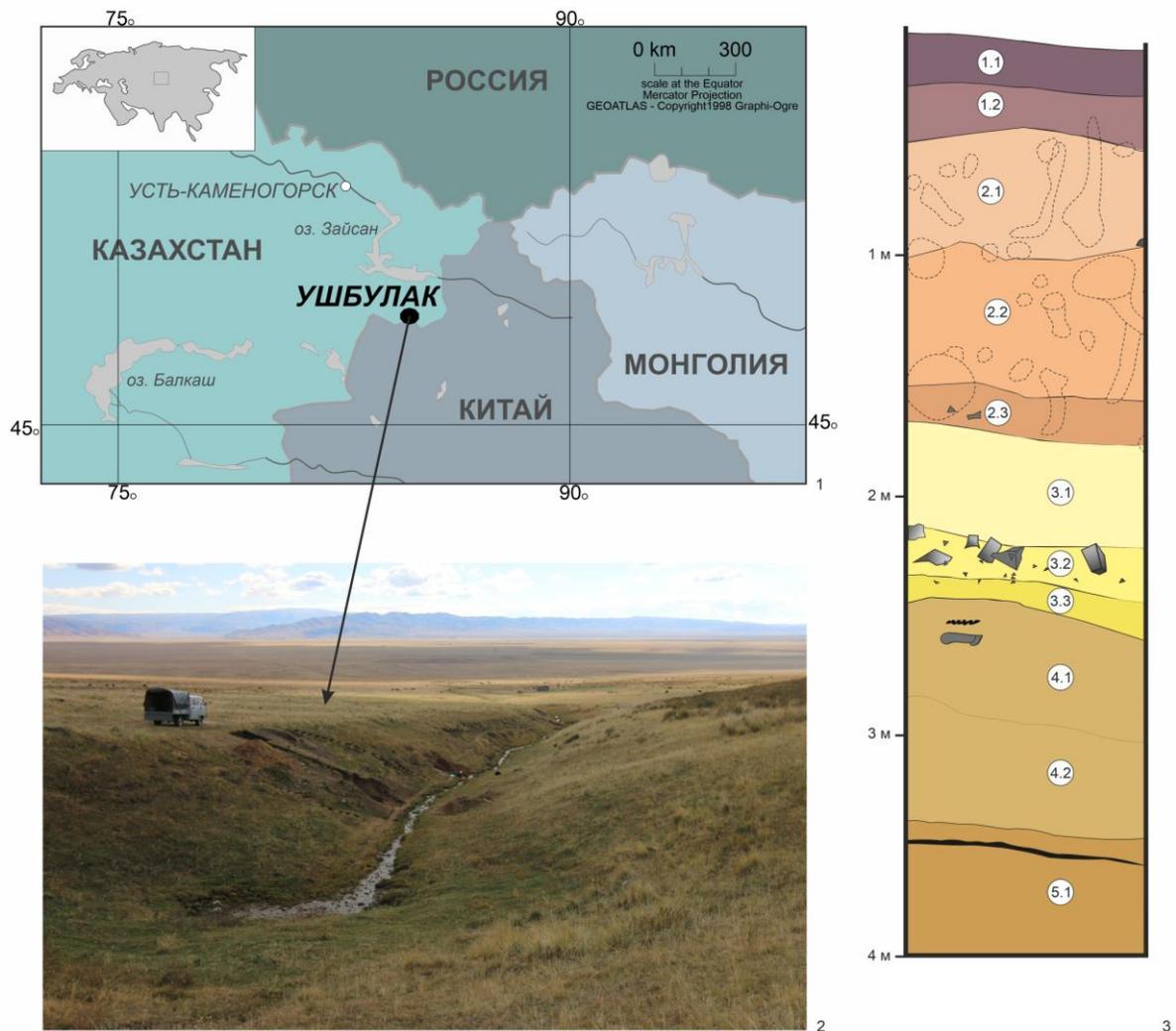
This study was funded by the RSF research project no. 21-78-10146 “The Upper Paleolithic mosaic – cultural and technological lithic industries variability in the piedmont regions of the Northern Central Asia in the second half of the Late Pleistocene”

### For citation

Pavlenok G. D., Bocharova E. N., Taimagambetov Zh. K., Anokin A. A. Primary Knapping Methods in Upper Paleolithic Industries at the Ushbulak Site Based on the Results of Refitting (Layer 5.1). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 20–34. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-20-34

## Введение

Долгое время территория Казахстана, за исключением его южной предгорной части, оставалась крайне бедной территорией по наличию стратифицированных палеолитических стоянок, особенно в северо-восточной его части, где до последнего времени единственным многослойным объектом оставалась стоянка Шульбинка, расположенная в среднем течении Иртыша. Ситуация в регионе начала меняться в результате работ Российско-Казахской экспедиции ИАЭТ СО РАН и Национального музея РК (2015–2022 гг.), когда на территории Восточно-Казахстанской области были открыты стратифицированные стоянки каменного века Карасай и Ушбулак [Shunkov et al., 2017; Anokin et al., 2019; Pavlenok et al., 2021]. Материалы стоянки Ушбулак (рис. 1, I), являющейся в настоящее время ключевым объектом верхнего палеолита в регионе, позволили во многом по-новому взглянуть на вопросы генезиса и развития индустрий поздних этапов палеолита в этой части Центральной Азии.



### Условные обозначения

- - кротовина
- ▭ - обломочный материал
- ⑤.1 - номер слоя
- ▭ - песчаная линза
- - прослой Fe-Mn

*Рис. 1.* Общая информация о стоянке Ушбулак:  
 1 – расположение на карте; 2 – вид на памятник (снято с С);  
 3 – стратиграфический разрез юго-восточной стенки раскопа 1

*Fig. 1.* General information about the Ushbulak site:  
 1 – location on the map; 2 – view of the site (taken from N);  
 3 – stratigraphic section of the south-eastern wall of the excavation 1

Стоянка располагается в восточной части Шиликтинской долины (Зайсанский район Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан), на левом борту руч. Восточный (рис. 1, 2) [Shunkov et al., 2017]. В ходе исследования толща рыхлых отложений на памятнике общей мощностью до 7 м была разделена на восемь геологических слоев, отражающих шесть основных этапов развития рельефа в районе стоянки:

- слой 8 – пачка плохо сортированных щебнисто-дресвянистых отложений с включением единичных глыб в тяжелосуглинистом заполнителе; отложения селевых потоков;
- слои 7 – щебнисто-дресвянистые отложения с супесчаным заполнителем; пролювиальный генезис;
- слой 6 – суглинки от тяжелых до легких (вверх по разрезу); пролювиально-склоновый генезис;
- слои 5–4 – супеси тяжелые, в верхней части – дресвяно-песчаные; пролювиально-склоновый генезис;
- слои 3–2 – супеси, обогащенные дресвяно-песчаным материалом; делювиально-пролювиальный генезис;
- слой 1 – современный гумусовый горизонт.

В семи слоях был зафиксирован археологический материал (слои 7–1), который по совокупности данных был разделен на четыре основных культурно-хронологических комплекса, совпадающих с основными палеогеографическими этапами. Это начальный верхний палеолит (слои 7–6), развитый верхний палеолит (слои 5.1–4), финальный верхний палеолит (слои 3–2) и эпоха палеометалла (слой 1) [Anoikin et al., 2019].

Наиболее массовый и выразительный материал (~ 16 000 экз.) залегал в слоях 7–6 и отражал все этапы каменного производства – от отбора отдельностей каменного сырья до оформления орудий. Активное исследование этих материалов проходило по нескольким направлениям, включая атрибутивный, трасологический и экспериментальный методы, что позволило существенно продвинуться в понимании технологий, используемых древними обитателями стоянки в период начального верхнего палеолита [Харевич и др., 2020, Anoikin et al., 2019, Kharevich et al., 2022]. Вместе с тем, хотя археологический материал верхних слоев стоянки и был существенно беднее (~ 1 300 экз.), однако также позволяет охарактеризовать особенности каменного производства на следующих этапах верхнего палеолита. Так, материалы из слоя 5.1, сформировавшиеся в результате кратковременного посещения территории памятника древними людьми, позволяют наглядно продемонстрировать разнообразие технических приемов обработки камня на этом этапе развития литического производства, в том числе методом ремонтажа, часто недоступного исследователям в силу объективных причин (сохранность материалов, хозяйственная специфика объекта и т. д.).

Целью данной работы является детальная реконструкция схем расщепления камня в индустрии слоя 5.1. Этот ассамбляж относится к развитому верхнему палеолиту и датируется хронологическим интервалом 22–21 тыс. л. н. [Курбанов и др., 2021]. Основными задачами исследования, таким образом, являются проведение комплексного анализа специфики техники первичного расщепления в индустрии слоя 5.1 и сравнение результатов, полученных методом ремонтажа, с техническими характеристиками ядрищ и сколов. Также в круг задач входит сопоставление полученных данных с результатами анализа других индустрий стоянки, в первую очередь с комплексами начального верхнего палеолита.

## Методика

Технологический анализ каменной индустрии предполагает максимально полную реконструкцию технологического цикла обработки каменного сырья на конкретном археологическом памятнике. Поставленная цель достигается преимущественно с помощью трех методов: технико-типологическое описание с использованием атрибутивного анализа, ремонтаж и экспериментальное расщепление камня. В рамках настоящей работы предлагается рассмотреть первые два метода с акцентом на методе ремонтажа.

Метод ремонтажа позволяет доказательно реконструировать стадии редуccionной последовательности при расщеплении камня. Связи между отдельными формами расщепленного камня воспроизводятся наглядно, а определение отдельных фрагментов редуccionной последовательности в качестве целевых или технических сколов имеет неопровержимые доказа-

зательства [Bar-Yosef, Van Peer, 2009]. Это в итоге позволяет говорить о схемах расщепления и отдельных технических приемах утилизации каменного сырья, реконструированных на практике, а не теоретически. Ограничения метода заключаются в том, что не каждая схема раскалывания камня, зафиксированная в ремонтжируемых артефактах, будет являться основой расщепления в исследуемой индустрии. Однако синтез методов, объединяющий работу с массовым материалом и работу с уникальными предметами, позволяет максимально достоверно реконструировать процесс расщепления камня в изучаемом комплексе.

### Общая информация

Слой 5.1 стоянки Ушбулак исследовался в 2018–2019 гг. на трех участках: раскоп 1 (9 кв. м), траншея, соединяющая раскопы 1 и 2 (4,5 кв. м), и шурф 13 (4 кв. м), при этом основные археологические материалы были получены на раскопе 1 (рис. 1, 3) [Павленок и др., 2019б].

Важным элементом слоя 5.1 является искусственная структура – выкладка камней, впервые зафиксированная в культурных отложениях стоянки Ушбулак на раскопе 1 и дополнительно подтверждающая непо потревоженное состояние слоя (рис. 2). Выкладка представляет собой намеренно принесенные камни крупной и среднещебнистой размерности в количестве 25 экз., из которых 5 экз. ориентированы субвертикально или стоят на ребре. Структура имеет полукруглую форму диаметром до 1,2 м. При раскопках в 2018 г. часть камней, составляющих искусственную конструкцию, была выявлена вблизи двух «стенок» раскопа 1. Последующее исследование стоянки не выявило продолжения выкладки за пределами изученной в 2018 г. площади. Петрографическое изучение камней, составляющих выкладку, показало, что часть из них определяется как амфибол – роговая обманка, и часть принадлежит к дайковым или эффузивным порфирирам. Общим для всех образцов этих пород является скрытая и/или явная трещиноватость. Необходимо отметить, что сырье с подобными характеристиками в каменном производстве не использовалось [Павленок и др., 2019а].

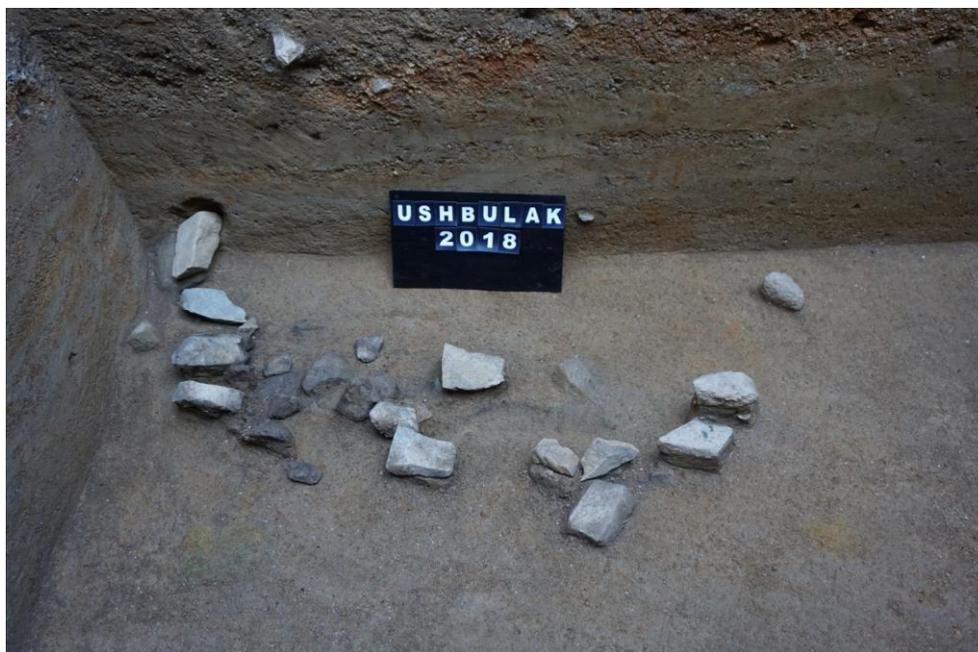


Рис. 2 (фото). Искусственная выкладка камней в слое 5.1 (снято с СВ)

Fig. 2 (photo). Stone feature in the layer 5.1 (taken from NE)

Изучение коллекции артефактов каменной индустрии показало, что в качестве сырья использовались разные, но внешне и по «потребительским свойствам» похожие породы: темно-серые, почти черные, скрытокристаллические или очень тонкозернистые, с повышенной твердостью. Петрографическим анализом среди них определено два основных типа: осадочные породы алевролит-аргиллитового ряда и эффузивные или дайковые породы, а также туфы. Анализ геологической карты Восточного Казахстана показал, что на территории, где расположена стоянка, широко распространены массивы гранитоидов и комплексы афировых и порфириновых эффузивов, андезитовых и базальтовых порфиритов и их даек [Геология СССР, 1967, с. 91–92]. По этой причине даже без специального сравнения образцов пород артефактов с коренными породами района можно заключить, что породы, использованные в каменной индустрии памятника Ушбулак, имеют местное происхождение.

Общая коллекция каменных артефактов слоя 5.1 насчитывает 852 экз. Большую часть коллекции составляют отходы производства – обломки, осколки, фрагменты сколов и чешуйки – 515 экземпляров (60 %).

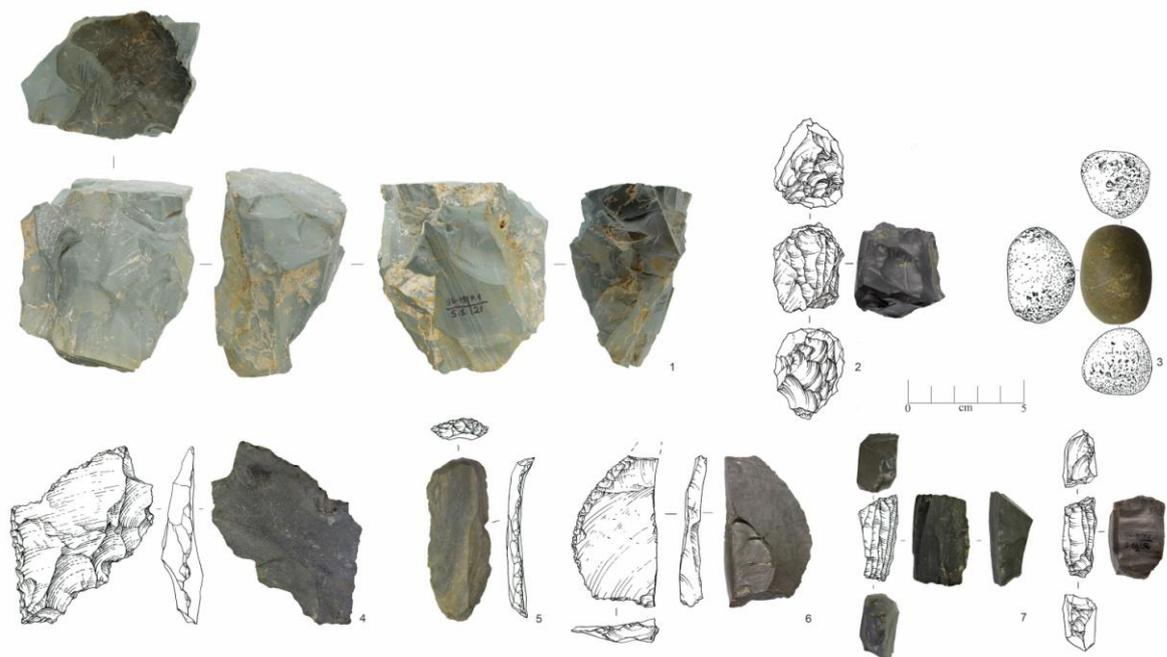
Коллекция артефактов без отходов производства составляет 337 экз., из которых нуклеидные изделия насчитывают 6 экз. (2 %). В основу процедур, направленных на реконструкцию технологий расщепления камня, было положено атрибутивное описание 232 изделий. В анализ были включены все типологически выраженные нуклеусы и сколы, кроме мелких отщепов (121 экз.) как малоинформативных.

### Технико-типологическая характеристика коллекции

Нуклеидные изделия представлены шестью предметами, в числе которых один блок сырья без следов апробации, один отбойник-ретушер (рис. 3, 3) и четыре ядрища. К начальной стадии расщепления был отнесен крупный торцовый нуклеус со сходящимися латералиями (рис. 3, 1). Размер и пропорции фронта косвенно свидетельствуют об ориентированности на изготовление пластин. Остальные ядрища были оставлены в крайней степени сработанности. Морфология нуклеусов позволяет заключить, что это изделия торцовые, использованные преимущественно для получения микропластин (рис. 3, 2, 7), с одним или двумя сопряженными фронтами, расположенными на узкой и широкой поверхностях (рис. 3, 8). С торцовой плоскости ядрищ снимались преимущественно пластинки и микропластины, с широкой плоскости – мелкие пластины. Все нуклеусы имеют противоположащие ударные площадки.

В исследуемой коллекции сколов (331 экз.) высок процент технических форм – около 25 % от всех сколов (86 шт.). Наиболее распространенные технические сколы – это различные виды краевых снятий и полуреберчатые (60 шт.). К этим типам относятся сколы всех пропорций, в том числе и редкие микропластины. Следующая по встречаемости разновидность – это первичные и вторичные сколы (17 шт.), включающие отщепы, пластины и пластинчатые отщепы. Сколы подправки ударной площадки и фронта редки (6 шт.) и имеют пропорции отщепов и пластин. Единичные сколы (3 шт.) – занывающие и удаления залома – также имеют пропорции пластин и отщепа.

Сколы-заготовки (микропластины, пластинки, пластины, пластинчатые отщепы и отщепы) представлены примерно в одинаковых долях, если исключить из подсчетов мелкие отщепы. Огранка сколов преимущественно продольная, причем как для укороченных, так и для удлиненных снятий этот показатель не менее 50 %. Кроме того, все типы снятий, кроме микропластин, показывают стабильные (но малые) значения для бипродольной и ортогональной огранок. Ударные площадки преимущественно гладкие для крупных сколов и линейные / точечные – для мелких. Для мелких сколов (пластинки и микропластины) наблюдается в подавляющем большинстве случаев редуцирование карниза. Для крупных сколов примерно в равных долях представлены сколы с редуцией и без таковой. Кроме того, на отщепах также наблюдается небольшой процент обратного редуцирования.



*Рис. 3.* Каменный инвентарь слоя 5.1:  
1, 2, 7, 8 – нуклеусы; 3 – отбойник-ретушер; 4–6 – орудия

*Fig. 3.* Stone inventory of the layer 5.1:  
1, 2, 7, 8 – cores; 3 – hammerstone-retoucher; 4–6 – tools

Среди орудий (10 экз.) представлены: двойной концевой скребок из пластины, интенсивно ретушированной по обоим продольным краям (рис. 3, 5); ретушированный нож с обушком-сломом (рис. 3, 6); продольно-поперечное выпуклое скребло; одинарная и тройная проколки из отщепов; отщепы с ретушью (рис. 3, 4) (4 экз.); микропластина с притупляющей ретушью.

### Результаты ремонта

Всего для коллекции удалось восстановить 15 склеек, объединяющих 48 отдельных артефактов. Кроме того, методом ремонта были восстановлены еще 11 артефактов разной степени фрагментации (рис. 4). 26 склеек насчитывают от двух до 13 элементов. Часть из них (№ 11, 13, 14, 18) были опубликованы по результатам анализа коллекции 2018 г. [Павленок и др., 2019а]. В настоящей статье приводятся данные о расположении 18 и описание 10 наиболее информативных из полученных склеек.

Склейка № 1 отображает процесс расщепления небольшого блока сырья (рис. 5), рабочая поверхность которого не превышает 44 мм и ограничена естественными поверхностями. Из собранных в склейку сколов первыми были удалены технические пластины во встречном направлении к основному блоку, представляющие собой полустественное продольное ребро. Первый этап расщепления (рис. 5, 2) сопровождается гладкими площадками без дополнительной обработки рабочей кромки. Вторым этапом (см. рис. 5, 2) было оформление второй рабочей поверхности (ударной площадки?) двумя параллельными естественно-краевыми пластинчатыми отщепами со стороны фронта, из которых один удалось восстановить в склейке, а второй восстанавливается лишь гипотетически. Необходимо отметить тщательную редукцию ударной площадки скола – удалось восставить одну из чешуек, полученных

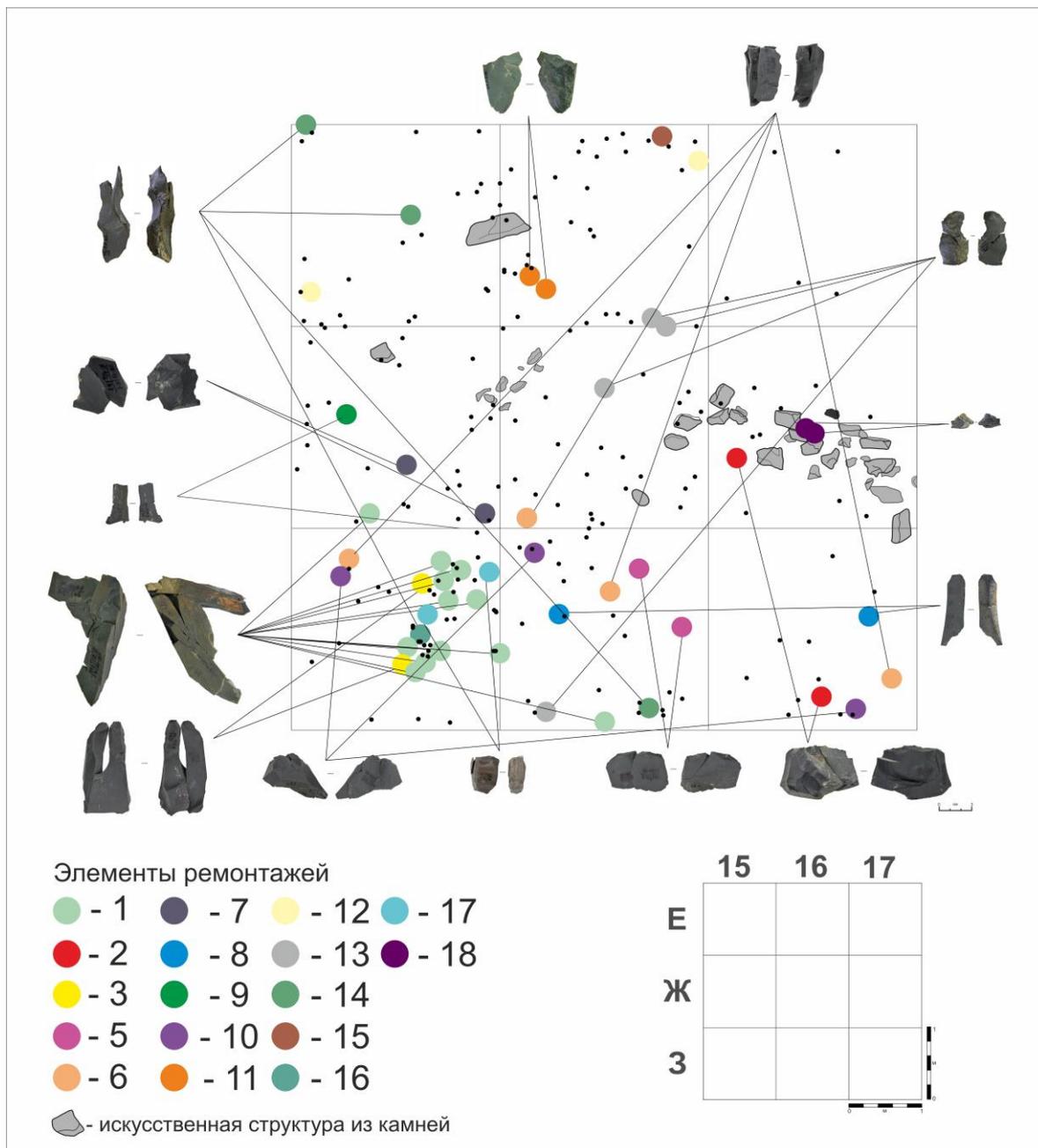


Рис. 4. План находок каменных артефактов слоя 5.1 с указанием расположения элементов склеек, а также искусственной конструкции

Fig. 4. Distribution of stone artifacts in the layer 5.1, indicating the refitted elements and the artificial structure

в результате этого процесса. На третьем этапе расщепление было вновь перенесено на первую рабочую поверхность (см. рис. 5, 2). Сперва снят технический пластинчатый отщеп, завершающий удаление бокового естественного ребра, но уже в продольном направлении, и затем три коротких отщепа. Четвертым этапом снова был совершен перенос расщепления на вторую рабочую поверхность, и сняты с плоскости первой рабочей поверхности три последовательных пластинчатых отщепа (см. рис. 5, 2). Пятым этапом на этой же плоскости

было снято еще два пластинчатых отщепов, но уже во встречном направлении по отношению к уже снятым сколам (см. рис. 5, 2). Окончание расщепления конкретно этого восстановленного фрагмента нуклеуса (этап 6) завершилось на первой рабочей поверхности снятием естественно-краевого пластинчатого отщепов в продольном направлении (см. рис. 5, 2). Склейка, скорее всего, маркирует один из начальных этапов расщепления. В целом сколы, ее составляющие, хотя формально и относятся к категории технических (это преимущественно естественно-краевые сколы, захватывающие участки латералей, покрытых галечной коркой), таковыми могут и не являться в рамках конкретной индустрии. По размерам (что отражено на графике, рис. 6) и общей морфологии большинство пластин и пластинчатых отщепов этого блока схожи с заготовками для орудий.

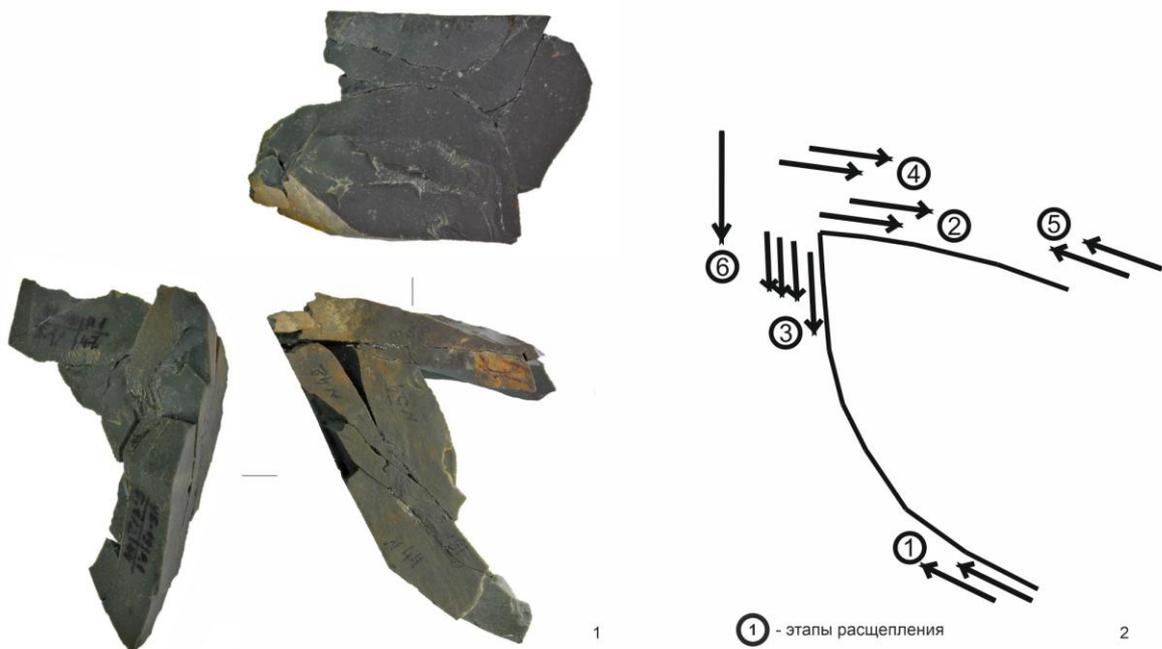


Рис. 5. Склейка № 1:

1 – фото; 2 – схема расщепления

Fig. 5. Artifact no. 1 reconstructed using the refitting method:

1 – photo; 2 – reduction sequences

Серия склеек (№ 2, 5, 10), объединяющих по два или три скола, составляют единый блок. Они отражают один из первых этапов подготовки блока сырья к серийному расщеплению. Сколы, входящие в них – отщепы и пластинчатые отщепы, имеют крупные и средние размеры в контексте индустрии (30–50 мм) и участки галечной корки на дорсальных поверхностях. С уменьшением размеров сколов в склейках наблюдается определенная динамика в морфологии сколов. Так, самые крупные сколы (склейка № 2) имеют наибольший процент галечной корки на дорсальных поверхностях (до 50 %), а также крупные многогранные ударные площадки с частичным прямым и частичным обратным редуцированием рабочих кромок. Средние сколы (склейка № 5) имеют около 30 % корки и двугранную ударную площадку без обработки кромки. Самые мелкие сколы в аналогичной склейке (№ 10) имеют менее 25 % корки и компактные гладкие ударные площадки с тщательной редуциацией по всей рабочей кромке.

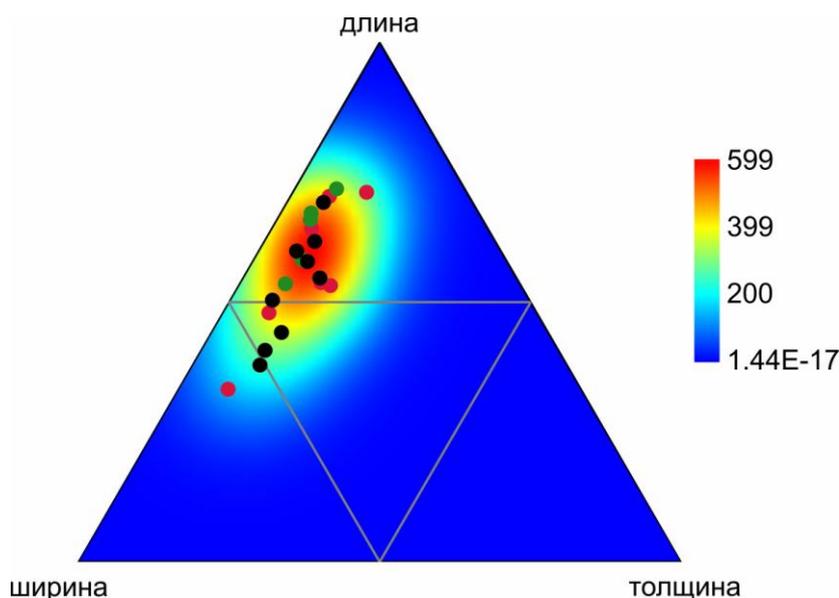


Рис. 6. Тернарный график пропорций размеров сколов для орудий и элементов склейки № 1 (цветом представлена карта плотности точек, построенная на основе метода ядерной оценки плотности). Черный – орудия; красный – условная ударная площадка склейки; зеленый – условный фронт склейки

Fig. 6. Ternary plot of the proportions of sizes of flakes for the tools and elements of refitted artifact no. 1 (the color represents the point density map constructed on the basis of the method of nuclear density calculation). Black – tools; red – notional striking platform of refitted artifact; green – notional front of refitted artifact

Склейка № 3 фиксирует пример яркого технологического приема-ошибки: снятие крупной изогнутой достаточно массивной пластины и следом за ней снятие (вместо аналогичной пластины) сильно занырывающего скола – стульчика, удалившего противоположащую ударную площадку. Скорее всего, в данном случае наблюдается этап начала целевого расщепления – об этом свидетельствуют максимальные в контексте рассматриваемой индустрии значения длины пластин (более 80 мм), а также нерегулярная огранка, несущая следы подготовительных сколов. Расщепление велось на узком фронте, и роль противоположащей ударной площадки, скорее всего, вспомогательная. Об этом свидетельствует огранка двух сколов склейки – преимущественно продольная, с мелкими вспомогательными встречными негативами, составляющими не более  $\frac{1}{4}$  длины скола. Остаточные ударные площадки очень компактные, с тщательным редуцированием рабочей кромки, и отражают два разных этапа оформления ударной площадки нуклеуса. Еще одна особенность площадок – достаточно острый угол между площадками и фронтом, что, возможно, и обусловило снятие таких массивных в дистальной части сколов.

Склейка № 6 отображает пять последовательно снятых сколов – три массивные пластины, один пластинчатый отщеп и один мелкий отщеп (скорее всего, неудавшийся скол). Склейка отражает достаточно узкий фрагмент фронта, однако нет бесспорных свидетельств, что это был осознанный выбор. Крупные боковые сколы на данной склейке могут быть и результатом последовательного снятия более крупных целевых удлиненных сколов, а не специальным заужением и ограничением рабочей поверхности. Данная склейка важна для понимания организации зоны расщепления на этапе регулярного снятия сколов. Подготовка ударной площадки была реализована единым крупным сколом. Весь контроль за расщеплением полностью был перемещен на рабочую кромку путем активного ее редуцирования.

Склейка № 7 представляет собой отображение классического приема оформления ребра и последующего его удаления. Единственная особенность – достаточно маленькие размеры скола с полуреберчатой огранкой (до 30 мм).

Склейка № 8 восстанавливает первичную пластину. Наличие редукции даже у первичного скола может говорить о тщательной обработке зоны расщепления с целью снять именно удлиненный скол и тем самым создать направляющие ребра для последующего расщепления. Длина скола – 67 мм – косвенно свидетельствует об исходных размерах сырья.

Склейка № 9 восстанавливает медиальный фрагмент первичной пластины. Особых технологических данных она не несет, однако уменьшает количество неопределимых осколков, неизменно выпадающих из исследовательского фокуса, а также связывает коллекции раскопок 2018 и 2019 гг.

Склейка № 16 восстанавливает последовательно снятые удлиненные сколы. Первый скол – это мелкая пластина с петлевидным дистальным окончанием. Этот скол ушел в залом и на самом деле является достаточно коротким снятием относительно длины нуклеуса, который восстанавливается по длине следующей пластины в склейке. Между сколами был еще один, имеющий целью удалить получившуюся ступеньку на фронте, но также ушедший в залом. После этого, судя по разнице в высоте ударных площадок, была подправлена ударная площадка, и снята пластина, которая удалила как заломы в продольном направлении, так и противоположащую ударную площадку с заломы, которые оставил скол, снятый во встречном направлении.

Склейка № 17 восстанавливает связь торцового микронуклеуса с микропластиной, снятой с него.

### Обсуждение результатов

На основании проведенной работы по анализу продуктов первичного расщепления и полученных склеек можно реконструировать три основных стратегии расщепления камня в индустрии слоя 5.1 стоянки Ушбулак.

Первая стратегия основана на утилизации узкой рабочей поверхности нуклеуса с целью получения пластин и пластинчатых отщепов. Она находит отражение в морфологии крупного торцового нуклеуса со сходящимися латералиями (см. рис. 3, 1), также именно этот прием отражен в склейках № 3 и 6. Косвенно о тяготении к ограниченному участку расщепления свидетельствует и склейка № 1. Для первой стратегии выявлены следующие технические приемы: наличие противоположащей вспомогательной ударной площадки; на этапе начала регулярной утилизации ударная площадка могла подправляться для каждого скола отдельно, а контроль расщепления осуществлялся тщательным редуцированием рабочей кромки; на этапе регулярного снятия сколов подготовка ударной площадки для снятия серии сколов осуществлялась единым крупным сколом, а контроль расщепления был полностью сосредоточен на рабочей кромке. Максимальные размеры восстановленных блоков сырья и сколов, полученных с них, составляют чуть более 80 мм.

Вторая стратегия основывается на склейке № 1, где зафиксировано попеременное использование плоскостей фронта и ударной площадки для реализации целевых сколов-заготовок (см. рис. 5). Схема характеризуется использованием узких плоскостей для расщепления, ограниченных естественными плоскостями. Негативы серии сколов, снятых на одну плоскость, являлись ударной площадкой для сколов, снимаемых на смежную плоскость. Практически все сколы, снятые в продольном направлении, характеризуются тщательной редуцировкой рабочей кромки, тогда как сколы, снятые во встречном направлении, зачастую не имеют столь тщательной подготовки. Общая морфология большинства пластин и пластинчатых отщепов этой склейки схожи с заготовками для орудий, что находит отражение также и в метрических параметрах (см. рис. 6).

Третья стратегия – микрорасщепление, находит отражение в морфологии микронуклеусов (см. рис. 3, 2, 7, 8), а также в склейке № 17. Целью утилизации были мелкие пластинчатые сколы – преимущественно микропластины и реже пластинки. Характерными техническими приемами выступают использование узкого фронта или двух смежных фронтов – узкого и широкого; использование двух противоположащих ударных площадок, где вторая, скорее всего, выступает в роли вспомогательной, так как расщепление продольное.

### Заключение

В результате комплексного анализа материалов слоя 5.1 стоянки Ушбулак были реконструированы три стратегии расщепления камня, определяющие облик этой индустрии. Многослойность стоянки позволяет искать аналоги полученных реконструкций в первую очередь в материалах других слоев изучаемого памятника. В настоящее время в наиболее полном объеме подобные исследования выполнены для ассамбляжей слоев 7–6 стоянки, отнесенных к индустриям начального верхнего палеолита (далее – НВП). Массовый материал и хозяйственная специализация этой индустрии (мастерская на выходах сырья) в сочетании с методом реконструкции позволили сделать аргументированное заключение об основных используемых техниках первичного расщепления и определить специфику основных этапов утилизации ядрищ и используемых технологических приемов. При этом специфика слоя 5.1, определяемая его сохранностью и фиксацией одного эпизода обитания, позволяет на гораздо менее многочисленном материале (< 1 000 экз.) сделать не менее аргументированные выводы, но уже на основе других методов обработки материалов (преимущественно ремонт).

Сравнение двух индустрий в первую очередь показывает принципиальные различия в сырьевых предпочтениях их создателей. Для ассамбляжей слоев 7–6 характерно использование крупных блоков (до 30 см) однотипного сырья (силициты), в слое 5.1 изначальные размеры отдельностей не превышают 8–10 см, а сам каменный материал очень разнороден. Это может быть связано с изменениями в локализации источников определенных видов сырья, а также со сменой производственной парадигмы, когда качество и размер отдельностей сырья не имел уже решающего значения, и древнего мастера устраивало то сырье, которое было в шаговой доступности.

Не менее значимые отличия демонстрирует сравнение техник первичного расщепления. В нижних слоях НВП Ушбулака доминирует бипродольный метод утилизации крупных (до 20–25 см) ядрищ, не изменяясь и сохраняя свое значение всё время ( $\geq 10$  тыс. лет) присутствия этой индустрии на территории памятника [Kharevich et al., 2022]. Первичное расщепление в слое 5.1 связано с торцовыми формами относительно небольших нуклеусов и микронуклеусов, утилизируемых как в одно-, так и в двуплощадочных вариантах, и направлено на получение пластинчатых заготовок до 8 см в длину, а также микропластин. Схема расщепления, когда скалывание велось на двух смежных плоскостях, из которых невозможно выделить ударную площадку и фронт (плоскости использовались попеременно и имели идентичное технологическое значение), не находит аналогов в более ранних комплексах стоянки.

Орудийные наборы обоих комплексов также имеют мало общего. В слоях 7–6 широко представлены концевые скребки, интенсивно ретушированные пластины, тронкированно-фасетированные, выемчатые изделия; выделяется серия изделий-маркеров – пластина с захватом, изделия с вентральной подтеской дистального края, скошенное острие, пластинка с притупленным краем, остроконечник и скребок с черешком, нуклеусы-резцы. Малое количество орудий слоя 5.1 не позволяет провести детальное сравнение и лишь отражает классический для развитого верхнего палеолита набор изделий – двойной концевой скребок, проколки, нож и однолезвийное скребло.

Отсутствие преемственности между каменными индустриями нижней пачки слоев Ушбулака и слоем 5.1 дополнительно подчеркивается и продолжительным хронологическим пере-

рывом между ними, что хорошо отражено в стратиграфической летописи памятника [Курбанов и др., 2021]. Разное хозяйственное использование территории носителями этих индустрий, скорее всего, не является определяющим в этих различиях, но, тем не менее, дополнительно подчеркивает их. Так, во время начального верхнего палеолита на территории стоянки продолжительное время функционировала мастерская, где массово утилизировалось высококачественное сырье из расположенных на незначительном удалении источников, а также осуществлялась спорадическая деятельность, связанная с разделкой и потреблением охотничьей добычи. В слое 5.1, скорее всего, фиксируется один эпизод посещения стоянки, ограниченный во времени и связанный с кратковременной охотничьей деятельностью, сопровождающийся установкой жилой (?) конструкции и расщеплением нескольких блоков сырья, в рамках текущих хозяйственных нужд.

Таким образом, общий анализ данных, основанный в первую очередь на резких изменениях в структуре и технологических составляющих каменных индустрий, позволяет предполагать, что в палеоколлективах, населявших Шиликтинскую долину, а возможно, и эту часть центральноазиатского региона, произошли радикальные изменения в интервале 35–25 тыс. л. н. Отсутствие преемственности как в каменном производстве, так и в принципах эксплуатации пространства стоянки позволяет предполагать полную смену населения этих территории на рубеже МИС 3 и МИС 2.

### Список литературы

- Геология СССР. М.: Недра, 1967. Т. 41: Восточный Казахстан, ч. 1: Геологическое описание. 467 с.
- Курбанов Р. Н., Ульянов В. А., Анойкин А. А., Павленок Г. Д., Семиколенных Д. В., Харевич В. М., Таймагамбетов Ж. К., Мюррей Э. С.** Первая люминесцентная хронология начального верхнего палеолита Восточного Казахстана (по материалам стоянки Ушбулак) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2021. № 5. С. 131–148.
- Павленок Г. Д., Анойкин А. А., Бочарова Е. Н., Кулик Н. А., Ульянов В. А.** Слой 5.1 верхнепалеолитической стоянки Ушбулак: археология, петрография, планиграфия // Теория и практика археологических исследований. 2019а. Вып. 26, № 4. С. 154–163. DOI 10.14258/tpai(2019)4(28)-11
- Павленок Г. Д., Анойкин А. А., Бочарова Е. Н., Ульянов В. А., Гладышев С. А., Марковский Г. И., Таймагамбетов Ж. К.** Изучение материалов финала верхнего палеолита на стоянке Ушбулак в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019б. Т. 25. С. 187–194. DOI 10.17746/2658-6193.2019.25.187-194
- Харевич В. М., Зоткина Л. В., Анойкин А. А., Таймагамбетов Ж. К.** Вспомогательные инструменты расщепления в каменных индустриях начальной поры верхнего палеолита (по материалам стоянки Ушбулак) // Stratum Plus. 2020. Вып. 1. С. 239–256.
- Anoikin A. A., Pavlenok G. D., Kharevich V. M., Taimagambetov Z. K., Shalagina A. V., Gladyshev S. A., Ulyanov V. A., Duvanbekov R. S., Shunkov M. V.** Ushbulak – a new stratified upper paleolithic site in northeastern Kazakhstan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019, vol. 47, iss. 4, pp. 16–29. DOI 10.17746/1563-0102.2019.47.4.016-029
- Bar-Yosef O., Van Peer P.** The Chaîne Operatoire Approach in Middle Paleolithic archaeology. *Current Anthropology*, 2009, vol. 50 (1), pp 103–131. DOI 10.1086/592234
- Kharevich V., Kharevich A., Pavlenok G., Bocharova E., Taimagambetov Zh., Anoikin A.** Ten millennia without the Levallois technique: primary knapping methods in Initial Upper Paleolithic industries at the Ushbulak site, eastern Kazakhstan. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2022, vol. 14, pp. 207. DOI 10.1007/s12520-022-01672-6
- Pavlenok G., Bocharova E., Gladyshev S., Ulianov V., Markovskiy G., Kharevich V., Taimagambetov Zh., Anoikin A.** The Karasai site: The first stratified Mesolithic assemblage in east-

ern Kazakhstan. *Archaeological Research in Asia*, 2021, vol. 25. DOI 10.1016/j.ara.2020.100249

**Shunkov M., Anoikin A., Taimagambetov Zh., Pavlenok K., Kharevich V., Kozlikin M., Pavlenok G.** Ushbulak-1 Site (Kazakhstan): A New Initial Upper Paleolithic Evidence from Central Asia. *Antiquity*, 2017, vol. 91, iss. 360. DOI 10.15184/aqy.2017.208

## References

- Anoikin A. A., Pavlenok G. D., Kharevich V. M., Taimagambetov Z. K., Shalagina A. V., Gladyshev S. A., Ulyanov V. A., Duvanbekov R. S., Shunkov M. V.** Ushbulak – a new stratified upper paleolithic site in northeastern Kazakhstan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019, vol. 47, iss. 4, pp. 16–29. DOI 10.17746/1563-0102.2019.47.4.016-029
- Bar-Yosef O., Van Peer P.** The Chaîne Operatoire Approach in Middle Paleolithic archaeology. *Current Anthropology*, 2009, vol. 50 (1), pp 103–131. DOI 10.1086/592234
- Geologiya SSSR [Geology of the USSR]. Moscow, Nedra, 1976, vol. 41: Eastern Kazakhstan, pt. 1: Geological Description, 467 p. (in Russ.)
- Kharevich V., Kharevich A., Pavlenok G., Bocharova E., Taimagambetov Zh., Anoikin A.** Ten millennia without the Levallois technique: primary knapping methods in Initial Upper Paleolithic industries at the Ushbulak site, eastern Kazakhstan. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2022, vol. 14, pp. 207. DOI 10.1007/s12520-022-01672-6
- Kharevich V. M., Zotkina L. V., Anoikin A. A., Taimagambetov Zh. K.** Vspomogatel'nye instrumenty rasshchepleniya v kamennykh industriyakh nachal'noi pory verkhnego paleolita (po materialam stoyanki Ushbulak) [Auxiliary Knapping Tools in the Initial Upper Palaeolithic Stone Assemblages (with particular reference to the materials of the Ushbulak site)]. *Stratum Plus*, 2020, vol. 1, pp. 239–256. (in Russ.)
- Kurbanov R. N., Ulyanov V. A., Anoikin A. A., Pavlenok G. D., Semikolennykh D. V., Kharevich V. M., Taimagambetov Zh. K., Murray A. S.** Pervaya lyuminescentnaya khronologiya nachal'nogo verkhnego paleolita Vostochnogo Kazakhstana (po materialam stoyanki Ushbulak) [The first luminescence chronology of the Initial Upper Paleolithic of Eastern Kazakhstan (case study of the Ushbulak archaeological site)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografiya* [Moscow Univ Bulletin. Series 5. Geography], 2021, vol. 1, pp. 97–113. (in Russ.)
- Pavlenok G. D., Anoikin A. A., Bocharova E. N., Kulik N. A., Ulianov V. A.** Sloi 5.1 verkhne-paleoliticheskoi stoyanki Ushbulak: arheologiya, petrografiya, planigrafiya [Artificial Construction in the Upper Palaeolithic Layer 5.1 of Ushbulak site: planigraphic Aspect]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], 2019, iss. 26, no. 4, pp. 154–163. (in Russ.) DOI 10.14258/tpai(2019)4(28)-11
- Pavlenok G. D., Anoikin A. A., Bocharova E. N., Ulianov V. A., Gladyshev S. A., Markovskiy G. I., Taimagambetov Zh. K.** Izuchenie materialov finala verkhnego paleolita na stoyanke Ushbulak v 2019 godu [Study of the Final Upper Paleolithic Evidence at the Ushbulak Site in 2019]. In: Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2019, vol. 25, pp. 187–194. (in Russ.)
- Pavlenok G., Bocharova E., Gladyshev S., Ulianov V., Markovskiy G., Kharevich V., Taimagambetov Zh., Anoikin A.** The Karasai site: The first stratified Mesolithic assemblage in eastern Kazakhstan. *Archaeological Research in Asia*, 2021, vol. 25. DOI 10.1016/j.ara.2020.100249
- Shunkov M., Anoikin A., Taimagambetov Zh., Pavlenok K., Kharevich V., Kozlikin M., Pavlenok G.** Ushbulak-1 Site (Kazakhstan): A New Initial Upper Paleolithic Evidence from Central Asia. *Antiquity*, 2017, vol. 91, iss. 360. DOI 10.15184/aqy.2017.208

**Информация об авторах**

**Галина Дмитриевна Павленок**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Scopus Author ID 57199861603  
WoS Researcher ID Q-5407-2016  
RSCI Author ID 667031  
SPIN 3774-1130

**Екатерина Николаевна Бочарова**, младший научный сотрудник

Scopus Author ID 57200540517  
WoS Researcher ID E-9361-2018  
RSCI Author ID 725691  
SPIN 7801-7014

**Жакен Кожамбетович Таймагамбетов**, академик НАН РК, доктор исторических наук

Scopus Author ID 55497438700

**Антон Александрович Анойкин**, доктор исторических наук, старший научный сотрудник

Scopus Author ID 6504600196  
WoS Researcher ID Q-2849-2016  
RSCI Author ID 73176  
SPIN 6047-6365

**Information about the Authors**

**Galina D. Pavlenok**, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher

Scopus Author ID 57199861603  
WoS Researcher ID Q-5407-2016  
RSCI Author ID 667031  
SPIN 3774-1130

**Ekaterina N. Bocharova**, Junior Researcher

Scopus Author ID 57200540517  
WoS Researcher ID E-9361-2018  
RSCI Author ID 725691  
SPIN 7801-7014

**Zhaken K. Taimagambetov**, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Sciences (History)

Scopus Author ID 55497438700

**Anton A. Anoinin**, Doctor of Sciences (History), Senior Researcher

Scopus Author ID 6504600196  
WoS Researcher ID Q-2849-2016  
RSCI Author ID 73176  
SPIN 6047-6365

*Статья поступила в редакцию 14.01.2023;  
одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 15.02.2023  
The article was submitted on 14.01.2023;  
approved after reviewing on 30.01.2023; accepted for publication on 15.02.2023*

Научная статья

УДК 903.01

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-35-51

## Результаты полевых археологических исследований стоянки Раздельный II (Центральная Камчатка) в 2022 году

Александр Юрьевич Федорченко<sup>1</sup>  
Наталья Евгеньевна Белоусова<sup>2</sup> ✉  
Максим Владимирович Селецкий<sup>3</sup>  
Игорь Евгеньевич Воробей<sup>4</sup>  
Алина Анатольевна Некраш<sup>5</sup>  
Андрей Валентинович Пташинский<sup>6</sup>

<sup>1-3,5</sup> Институт археологии и этнографии  
Сибирского отделения Российской академии наук  
Новосибирск, Россия

<sup>4</sup> Магаданский областной краеведческий музей  
Магадан, Россия

<sup>6</sup> Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга  
Петропавловск-Камчатский, Россия

<sup>1</sup> winteralex2008@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

<sup>2</sup> consacerer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7054-3738>

<sup>3</sup> archmax95@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2581-8792>

<sup>4</sup> vorobey.ie@magadanmuseum.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4040-7150>

<sup>5</sup> nekrash.alina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9050-6042>

<sup>6</sup> ptashinski@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9206-4823>

### Аннотация

В сентябре 2022 г. в рамках реализации программы комплексных исследований древнейших археологических объектов Камчатским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены рекогносцировочные работы на памятнике Раздельный II, открытом в 2006 г. в Быстринском районе Камчатского края. Исследования были ориентированы на уточнение культурно-хронологической последовательности заселения стоянки в позднем плейстоцене и раннем голоцене. В предлагаемой статье представлены результаты первичного анализа полученного археологического материала, данные о его технико-типологическом облике и культурно-хронологической атрибуции. Установлено, что наиболее ранний эпизод заселения стоянки представлен комплексом второго культурного горизонта возрастом 12 900–12 600 кал. л. н. Индустрия горизонта базируется на технологии микроклиновидного расщепления, орудийный набор включал листовидные наконечники, диагональные резцы, скребла высокой формы, абразивы. Более поздний этап заселения связан с раннеголоценовой индустрией первого культурного горизонта, основанной на утилизации призматических ядрищ для производства пластинчатых сколов и микропластин. Результаты проведенного исследования и итоги полевых работ позволяют предполагать существование в междуречье р. Анавгай и руч. Раздельный нескольких обширных по площади объектов археологического наследия. Изученные комплексы находят свое полное соответствие в материалах культурных слоев IV и VI Ушковских стоянок Камчатки.

### Ключевые слова

Камчатка, верхний палеолит, мезолит, поздняя ушковская культура, каменные индустрии, технологический анализ, 3D-моделирование

© Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е., Селецкий М. В., Воробей И. Е.,  
Некраш А. А., Пташинский А. В., 2023

*Благодарности*

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-02036 «Траектории культурного развития в верхнем палеолите Камчатки»

*Для цитирования*

Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е., Селецкий М. В., Воробей И. Е., Некраш А. А., Пташинский А. В. Результаты полевых археологических исследований стоянки Раздельный II (Центральная Камчатка) в 2022 году // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 35–51. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-35-51

## Results of Field Archaeological Research at the Razdelniy II Site (Central Kamchatka) in 2022

Alexander Yu. Fedorchenko<sup>1</sup>, Natalya E. Belousova<sup>2</sup> ✉  
Maxim V. Seletsky<sup>3</sup>, Igor E. Vorobey<sup>4</sup>  
Alina A. Nekrash<sup>5</sup>, Andrey V. Ptashinsky<sup>6</sup>

<sup>1–3,5</sup> Institute of Archaeology and Ethnography  
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Novosibirsk, Russian Federation

<sup>4</sup> Magadan Regional Museum of Local Lore  
Magadan, Russian Federation

<sup>6</sup> Kamchatka State University named after Vitus Bering  
Petropavlovsk Kamchatsky, Russian Federation

<sup>1</sup> winteralex2008@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

<sup>2</sup> consacrer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7054-3738>

<sup>3</sup> archmax95@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2581-8792>

<sup>4</sup> vorobey.ie@magadanmuseum.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4040-7150>

<sup>5</sup> nekrash.alina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9050-6042>

<sup>6</sup> ptashinski@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9206-4823>

*Abstract*

*Purpose.* This article presents results of the preliminary analysis of archaeological material obtained during the Kamchatka Paleolithic expedition of IAET SB RAS at the Razdelniy II site in Central Kamchatka.

*Results.* It has been established that the earliest habitation episode of the Razdelniy II site is associated with the complex of the cultural horizon 2 dated 12,900–12,600 cal BP. Horizon's industry is based on the micro-wedge knapping technology, the toolkit included small bifacial leaf-shaped points, transversal burins, high-shaped side-scrapers, and abrasives. The later stage of the site settlement is associated with the Early Holocene assemblage found at the cultural horizon 1, based on the utilization of prismatic cores for the production of blades, bladelets and microblades. The results of field studies indicate the existence of several vast archaeological sites in the interfluvium of the Anavgay River and the Razdelniy Creek. On the Kamchatka Peninsula, the studied assemblages demonstrate full compliance with the materials of the Ushki sites, cultural layers IV and VI.

*Conclusion.* The study made it possible to clarify the cultural and chronological sequence of the settlement of the Razdelniy II site in the late Pleistocene and Early Holocene.

*Keywords*

Kamchatka, Upper Paleolithic, Mesolithic, Late Ushki culture, stone industry, technological analysis, 3D modeling

*Acknowledgements*

The study was supported by the Russian Science Foundation project no. 22-28-02036 “Trajectories of cultural development in the Upper Palaeolithic of Kamchatka”

*For citation*

Fedorchenko A. Yu., Belousova N. E., Seletsky M. V., Vorobey I. E., Nekrash A. A., Ptashinsky A. V. Results of Field Archaeological Research at the Razdelniy II Site (Central Kamchatka) in 2022. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 35–51. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-35-51

## Введение

Полуостров Камчатка является одним из ключевых регионов для изучения процессов освоения человеком территории Северо-Восточной Азии в финале позднего плейстоцена – первой половине голоцена. В результате многолетних планомерных работ Н. Н. Дикова, Т. М. Диковой, А. К. Пономаренко, А. В. Пташинского и других исследователей в регионе был открыт ряд многослойных стратифицированных археологических объектов [Диков, 1977; Дикова, 1983; Пономаренко, 2000; Пташинский, 2006]. Изучение опорных стоянок Камчатки позволило раскрыть многие вопросы о характере и направленности развития культуры человека на разных этапах каменного века: в финальном палеолите, мезолите и неолите. Однако предпосылки и механизмы трансформаций, характер преемственности и взаимосвязей культурных традиций полуострова и сейчас выступают предметом научных дискуссий. В рамках подобных обсуждений центральное место занимают Ушковские стоянки, хронометрия которых отражает древнейшие этапы заселения полуострова человеком [Диков, 1979; 1993; Мочанов, Федосеева, 1982; Goebel et al., 2003; 2010; Дикова, 2005; Питулько, Павлова, 2010; Кренке и др., 2011; Федорченко, Белоусова, 2020; Понкратова, 2020; Kuzmin, 2021]. Решение многих дискуссионных вопросов каменного века Камчатки напрямую зависит от результатов новых полевых изысканий на уже известных археологических объектах, переосмысления стратиграфии и геохронологии опорных комплексов, ревизии и глубокой аналитики накопленных материалов. Ключевой задачей дальнейших исследований также выступает поиск и изучение на территории региона новых многослойных стратифицированных памятников.

В рамках решения задачи комплексного изучения древнейших известных археологических объектов региона в сентябре 2022 г. Камчатским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены рекогносцировочные работы на памятнике Раздельный II. Вместе с местонахождениями Анавгай I–II и Раздельный I изучаемая стоянка образует отдельный кластер объектов культурного наследия в районе с. Анавгай в Центральной Камчатке [Пташинский, 2012; 2015]. Культуросодержащие отложения этих памятников содержат выразительные комплексы финала верхнего палеолита, что придает им особую значимость при исследовании ранних этапов заселения полуострова. Проведенные экспедиционные работы были направлены на мониторинг состояния сохранности стоянки Раздельный II, уточнение данных относительно стратиграфии, хронологии и структуры археологических комплексов памятника. Цель настоящей работы состоит в обобщении достигнутых результатов, первичном анализе полученного археологического материала, определении его технико-типологического облика и культурно-хронологической принадлежности.

## Материалы и методы исследования

Многослойный памятник Раздельный II (рис. 1, 1) расположен на надпойменной террасе водно-ледникового генезиса высотой 4,5–5 м, на левом берегу одноименного ручья, впадающего в р. Быструю выше устья р. Анавгай, в 120 м к северо-северо-западу от стоянки Раздельный I и в 3 км к западу от с. Анавгай [Пташинский, 2022]. Стоянка обнаружена в 2006 г. по наличию подъемного археологического материала, собранного на южном обнажении склона террасы, подрезанного при строительстве дороги. В 2012–2013 гг. канд. ист. наук А. В. Пташинским были проведены первые полевые работы на памятнике, включавшие зачистку рыхлых отложений и сборы подъемного материала. На основании радиоуглеродного AMS-датирования образца угля из очажной линзы установлен возраст древнейшего комплекса стоянки, он составил  $10\,970 \pm 30$  л. н. (IAAA-132069) [Пташинский, 2015]. Характер археологического материала из зачистки и подъемных сборов (клиновидные нуклеусы, микропластины, бифасы) также свидетельствовал о верхнепалеолитическом возрасте выявленного здесь культурного слоя.

В 2020 г. без предварительного проведения историко-культурной экспертизы на территории стоянки Раздельный II была проложена линия кабеля оптоволоконной связи, в результа-

те чего культурные отложения памятника были частично нарушены. В сентябре 2021 г. в рамках экспедиционных работ А. В. Пташинского на фронтальной бровке террасы памятника на участке с удаленным почвенно-растительным горизонтом (около 40 кв. м) был собран подъемный материал и разобраны участки с планиграфически целостными комплексами (13 кв. м), сохранившимися стратиграфически ниже уровня нарушений [Пташинский, 2022]. В результате работ в южной части изученной площади был выявлен частично разрушенный очаг, обложенный валунами, в северной части – углисто-зольное пятно. С восточной стороны очажного валуна прослежены остатки истлевшего рога оленя. В заполнении очага отмечены многочисленные мелкие фрагменты кальцинированных костей, в слое – костные останки снежного барана и северного оленя. Было установлено, что площадь объекта значительно больше, чем предполагалось ранее. Это позволило уточнить предварительно установленные границы объекта археологического наследия [Лебединцев и др., 2021].



*Рис. 1.* Полевые исследования стоянки Раздельный II в 2022 г.:

*1* – вид на памятник; *2* – участок полевых работ

*Fig. 1.* Field study on the Razdelniy II site in 2022:

*1* – view on the site; *2* – excavation areas

Полевые исследования в 2022 г. включали сплошное визуальное обследование разрушенной территории памятника с целью обнаружения подъемного археологического материала, а также раскопочные работы для выявления и исследования эпизодов обитания, сопровождающиеся описательной и фотографической фиксацией, топографической привязкой с ис-

пользованием портативной спутниковой системы глобального позиционирования GPS. В процессе разбора рыхлых отложений осуществлялась промывка извлекаемого грунта посредством использования сит с размером ячеей 0,5 и 2,0 мм [Пташинский, Клементьев, 2022]. На базе фотографий стратиграфических профилей в программе Agisoft Metashape Professional методами фотограмметрии были построены облака точек и текстурированные полигональные модели стратиграфических разрезов. В процессе проведения разведывательных работ осуществлялась фотофиксация обследуемых территорий с использованием беспилотного летательного аппарата – квадрокоптера DJI Mavic 2 Pro, оснащенного камерой Hasselblad L1D-20C.

Исследование археологических коллекций, полученных в результате полевых работ, базировалось на технологическом и сравнительно-типологическом методах. Анализ остаточных ударных площадок сколов, следов обработки и макроизноса на поверхности артефактов осуществлялся на основе экспериментально-трасологического метода посредством стереомикроскопа Альтами CM0745-T. Наиболее выразительные и технологически значимые группы находок (нуклеусы и орудия) были подвергнуты 3D-моделированию с использованием сканера структурированного подсвета RangeVision Spectrum. Для постобработки полученных моделей использовались программы RangeVision ScanCentre, Geomagic Wrap, Geomagic Design X, Keyshot 10 (все – trial version).

### Результаты исследования

Для уточнения стратиграфической ситуации на различных участках памятника и отбора образцов на AMS-датирование в 2022 г. полевые работы на стоянке Раздельный II осуществлялись на двух раскопчных участках (рис. 1, 2). Раскоп № 1 (1 × 2 м) был заложен встык к северной границе квадратов № 1 и 2 траншеи 2021 г. Кроме того, участниками экспедиции была сделана прирезка в борт бульдозерной колеи, оставшейся после укладки кабельных линий ВОЛС (1 × 0,5 м). Прирезка примыкала с южной стороны к квадрату № 7 траншеи, где в полевом сезоне 2021 г. были отмечены остатки очага, обложенного валунами округлой формы (рис. 2, 1) [Пташинский, 2022]. Разбору рыхлых отложений и зачистке предшествовала частичная расконсервация смежных участков траншеи. В результате проведенных работ был получен информативный стратиграфический профиль. Вскрытые отложения наиболее полно представлены в прирезке (глубина до 0,8 м), здесь выявлено 11 литологических подразделений (сверху вниз) (рис. 2, 2).

Слой 1. Дерн, мощность – 0,04–0,06 м.

Слой 2. Супесь коричневого цвета, выдержанная по всей стенке на одном уровне, мощность – 0,035–0,04 м.

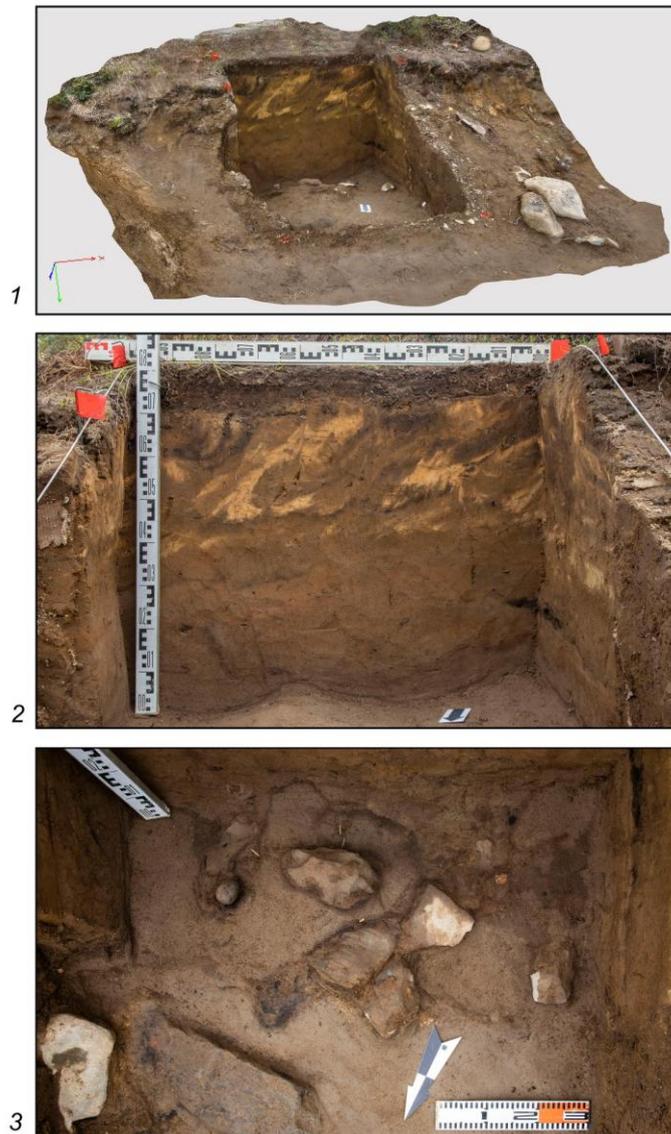
Слой 3. Пачка супесей серого и коричневого цвета с языками и всплесками пепловых и углистых прослоев. Пепел вулканический яркого желтовато-коричневого цвета – тефра вулкана Хангар, возраст извержения – 6 900 <sup>14</sup>C л. н. Языки «всплесков» пепла имеют ритмичный волнообразный характер, западают в западном направлении под углом 40–45°. Общая мощность – 0,20–0,32 м.

Слой 4. Углистый горизонт, мощность – 0,01–0,15 м. Залегает прерывисто в виде отдельных пятен и линз, горизонтально и субгоризонтально, выдержан по всей стенке на одной высоте. Первый культурный горизонт.

Слой 5. Супесь серовато-желтого цвета, слой выдержан по всей стенке на одной высоте. Мощность – 0,02–0,05 м.

Слой 6. Пепел вулканический лимонно-желтого цвета. Залегает прерывисто в виде линз, выдержан по всей стенке на одной высоте. Мощность – 0,02–0,03 м. Тефра вулкана Шивелуч, возраст извержения – 8 300 <sup>14</sup>C л. н.

Слой 7. Супесь зеленовато-коричневато-коричневого цвета, мощность – 0,06–0,065 м.



*Рис. 2.* Полевые исследования стоянки Раздельный II в 2022 г.:  
 1 – общий вид на зачистку № 1 с севера; 2 – стратиграфический профиль;  
 3 – вид на скопление археологических находок

*Fig. 2.* Field study on the Razdelnyi II site in 2022:  
 1 – main view on the cleaning area no. 1 from the North; 2 – stratigraphic profile;  
 3 – view on the accumulation of archaeological finds

Слой 8. Углистый прослой, мощность – 0,025–0,04 м. Залегает прерывисто в виде тонких полос и более мощных линз, горизонтально, выдержан по всей стенке на одной высоте. Второй культурный горизонт.

Слой 9. Супесь серого цвета, мощность – 0,03–0,045 м.

Слой 10. Супесь рыжеватого цвета с включениями суглинка, мощность – 0,04–0,08 м.

Слой 11. Супесь серого цвета с включениями песка, мощность – более 0,1 м.

В процессе работ на двух раскопочных участках стоянки Раздельный II были прослежены признаки криогенных нарушений исходного сложения пепловых и органогенных горизонтов в верхней пачке вскрытых отложений (слои 1–6). Некоторые артефакты в верхней части

стратиграфического разреза находились в вертикальном положении или под углом, что также подтверждает наличие мерзлотных процессов. «Всплески» и «языки» тефры вулкана Хангар и линзы тефры вулкана Шивелуч постоянно встречались на одном уровне на всей исследованной площади. В результате полевых работ на участке раскопа и прирезки было выявлено два культурных горизонта и получено 976 каменных артефактов. Выявленные горизонты на каждом из изученных участков залегают в идентичной хроностратиграфической позиции, что позволяет рассматривать их в качестве единых комплексов, связанных с несколькими крупными эпизодами заселения памятника носителями двух культурных генераций. За исключением единственного скопления из семи скребел, шести крупных сколов и одного обломка, зафиксированного во втором культурном горизонте зачистки (рис. 2, 3), большинство полученных артефактов не образуют компактных групп или зон концентрации. Изученные индустрии базировались на использовании высококачественных пород минерального сырья – прежде всего кремня, обсидиана и халцедона, реже применялись более зернистые породы вулканогенного происхождения.

Общая численность артефактов, полученных из раскопа № 1, составила 140 ед. (табл. 1; рис. 3). Коллекция *первого культурного горизонта* представлена 130 артефактами. Первичное расщепление индустрии было направлено на получение пластин, пластинок и микропластин с продольных и бипродольных призматических ядрищ. *Нуклеусы* индустрии ( $n = 2$ ) выполнены из кремня. Размеры нуклеусов –  $45,1 \times 23,4 \times 22,8$  и  $37,6 \times 16,9 \times 13,3$  мм. Для данных форм характерны прямые, округлые в плане ударные площадки, оформленные мелкими снятиями от дуги скалывания, поверхности скалывания несут негативы узких пластинчатых и микропластинчатых снятий, реализованных посредством параллельного однопавленного или встречного скалывания. Ширина целых негативов на фронте достигает 11,4–4,1 мм, длина варьирует от 44,1 до 35,6 мм.

*Индустрию сколов* горизонта характеризуют 124 артефакта. В коллекции доминируют отщепы: крупные (размером  $> 30$  мм в наибольшем измерении,  $n = 1$ ), средние ( $> 30$  мм,  $n = 22$ ) и мелкие ( $< 10$  мм,  $n = 72$ ), их удельный вес в индустрии горизонта составляет 73 %. Среди целевых сколов выделяются пластины и пластинки ( $n = 14$ ), микропластины ( $n = 10$ ). Пластинчатые заготовки представлены целыми ( $n = 2$ ) и минимально поврежденными ( $n = 1$ ) сколами, проксимальными ( $n = 2$ ), проксимально-медиальными ( $n = 2$ ), медиальными ( $n = 4$ ) и медиально-дистальными ( $n = 3$ ) фрагментами. Целые и практически целые пластины индустрии достигают 33,3–70,4 мм в длину, 12,3–15,7 мм в ширину и 2,4–3,6 мм в толщину; ширина фрагментов варьирует от 7,2 до 14,8 мм. Микропластины с шириной 3,1–6,6 мм сохранились исключительно в виде фрагментов: проксимальных ( $n = 3$ ), проксимально-медиальных ( $n = 1$ ), медиальных ( $n = 2$ ) и дистальных ( $n = 4$ ). Для целевых пластинчатых сколов изучаемой индустрии характерны гладкие овальные, линейные, реже – точечные ударные площадки, преимущественно продольная огранка дорсальной поверхности и прямой профиль. В немногочисленную группу технических сколов вошли сколы оформления и подправки площадок призматических нуклеусов ( $n = 2$ ), реберчатые ( $n = 1$ ) и краевые ( $n = 1$ ) снятия, сколы переоформления фронта ( $n = 1$ ). Индустрию сколов дополняет группа мелких фрагментов расщепленного сырья – осколков ( $n = 3$ ).

В *орудийном наборе* горизонта отмечено одно изделие – медиальный сегмент микропластины с обработкой продольного края вентральной регулярной крутой краевой ретушью. На четырех пластинах коллекции отмечены следы мельчайшей краевой дорсальной полукрутой ретуши утилизации по одному или двум продольным краям.

Коллекция *второго культурного горизонта* раскопа № 1 представлена десятью артефактами, большинство из которых – средние ( $n = 6$ ) и мелкие ( $n = 1$ ) отщепы. Наиболее информативной находкой стало бифасиально обработанное изделие из серого кремня, рассматриваемое в качестве незавершенной преформы микронуклеуса. Бифас асимметричной листовидной формы с прямым продольным профилем и линзовидным поперечным сечением выполнено из массивного скола. Длина преформы – 77 мм, ширина – 34,1 мм, толщина –

17,8 мм. За исключением отдельных участков по одному продольному и поперечному краям, все поверхности изделия покрыты крупными двусторонними снятиями, обработанные продольные края заготовки сохраняют волнистую форму, отражая незавершенность цикла обработки.

Таблица 1

Состав каменной индустрии и орудийного набора  
из раскопа № 1 стоянки Раздельный II  
(материалы 2022 г.)

Table 1

Composition of the stone industry and toolkit  
from excavation area no. 1 at the Razdelniy II site  
(materials of 2022)

Категория / группа	Культурный горизонт		Всего
	1	2	
<b>Нуклевидные формы</b>	<b>2</b>	<b>1</b>	<b>3</b>
Нуклеусы	2	–	2
Преформы нуклеусов	–	1	1
<b>Технические сколы</b>	<b>5</b>	<b>–</b>	<b>5</b>
Реберчатые	1	–	1
Краевые	1	–	1
Подправки фронта	1	–	1
Подправки площадок	2	–	2
<b>Пластины и пластинки</b>	<b>14</b>	<b>–</b>	<b>14</b>
- целые	2	–	2
- практически целые	1	–	1
- проксимальные фрагменты	2	–	2
- проксимально-медиальные фрагменты	2	–	2
- медиальные фрагменты	4	–	4
- дистальные фрагменты	3	–	3
<b>Микропластины</b>	<b>10</b>	<b>–</b>	<b>10</b>
- проксимальные фрагменты	3	–	3
- проксимально-медиальные фрагменты	1	–	1
- медиальные фрагменты	2	–	2
- дистальные фрагменты	4	–	4
<b>Отщепы</b>	<b>95</b>	<b>9</b>	<b>104</b>
Крупные ( $\geq 30$ мм)	1	–	1
Средние (10–29 мм)	22	6	28
Мелкие ( $\leq 9$ мм)	72	3	75
<b>Осколки</b>	<b>3</b>	<b>–</b>	<b>3</b>
<b>Орудийные формы</b>	<b>1</b>	<b>–</b>	<b>1</b>
Микропластины с вентральной ретушью	1	–	1
<b>Итого</b>	<b>130</b>	<b>10</b>	<b>140</b>

Общая численность артефактов, полученных из прирезки 2022 г., достигает 836 ед. (табл. 2 и 3, рис. 4). В коллекции *первого культурного горизонта* ( $n = 27$ ) представлены многочисленные отщепы средней ( $n = 6$ ) и мелкой ( $n = 17$ ) размерности, а также единичные фрагменты целевых заготовок – микропластин (шириной 4–5 мм) и пластин (шириной 9,5–

10,6 мм) с прямым продольным профилем, представляющих типичную для индустрии этого комплекса технологию расщепления призматических нуклеусов.

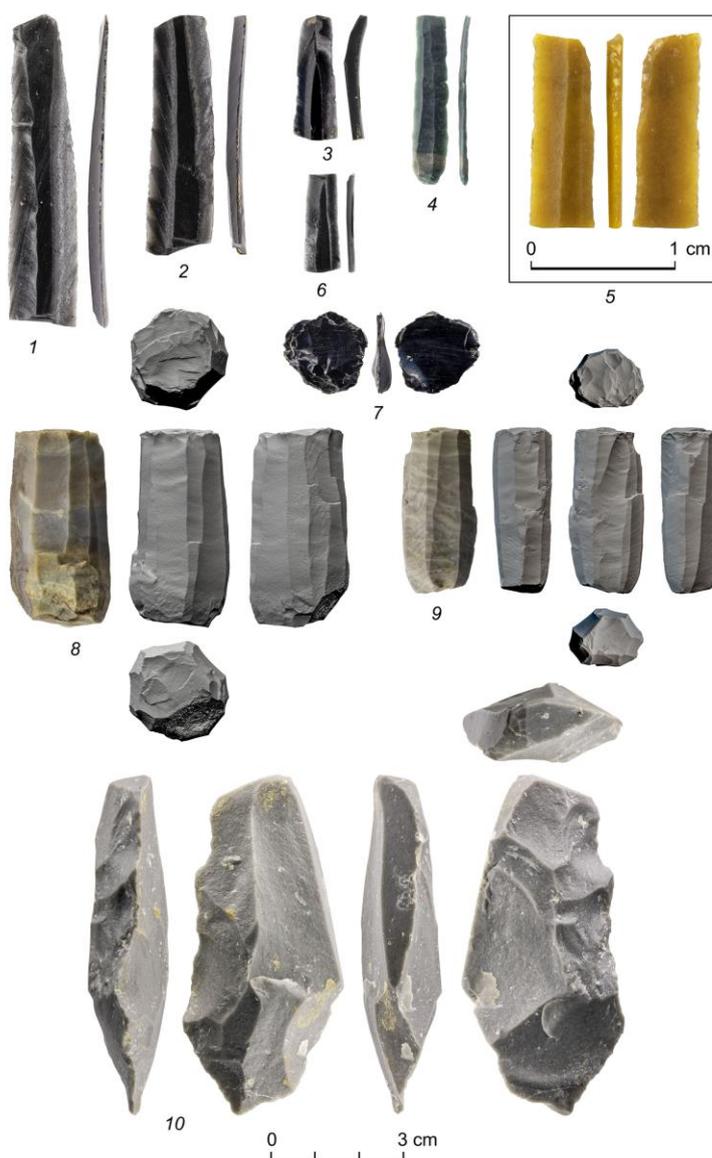


Рис. 3. Каменная индустрия первого и второго культурных горизонтов из раскопа № 1 стоянки Раздельный II, 2022 г.

Fig. 3. Stone industry from the cultural horizons 1 and 2 of the excavation area no. 1 on the Razdelniy II site, 2022

Большинство находок из зачистки выявлено во **втором культурном горизонте** ( $n = 809$ ). Нуклевидные формы отсутствуют. В **индустрии сколов** ( $n = 791$ ) представлены все основные категории продуктов расщепления, характеризующие технологию утилизации клиновидных микронуклеусов. В коллекции преобладают отщепы: крупные ( $n = 17$ ), средние ( $n = 157$ ) и мелкие ( $n = 519$ ). Среди сколов, имеющих целевое значение, выделены микропластины ( $n = 68$ ) с точечными или линейными площадками, продольной дорсальной огранкой, ровными, плавно сужающимися к дистальному окончанию краями, прямым или слабо изогнутым в дистальной части профилем. Небольшое число микропластин представлено целыми

экземплярами ( $n = 3$ ), более массово фиксируются проксимальные ( $n = 17$ ), проксимально-медиальные ( $n = 15$ ) и медиальные ( $n = 22$ ), медиально-дистальные ( $n = 3$ ) и дистальные ( $n = 8$ ) фрагменты сколов. Длина целых микропластин варьирует от 16,5 до 31,6 мм, ширина от 4,3 до 6,6 мм, толщина – 1,3–1,8 мм; для медиальных и проксимально-медиальных фрагментов диапазон значений ширины варьирует от 2,6 до 8,8 мм. Небольшой серией в индустрии представлены осколки и обломки ( $n = 9$ ). Большинство технических сколов связано с оформлением и поддержанием выпуклости фронта клиновидных нуклеусов: реберчатые ( $n = 2$ ), полуреберчатые ( $n = 1$ ), с ныряющим окончанием ( $n = 2$ ) и краевые ( $n = 9$ ). Группа сколов оформления и подправки площадок микронуклеусов представлена ладьевидными ( $n = 2$ ) и лыжевидными ( $n = 4$ ) снятиями. Целые лыжевидные сколы достигают 28,9–31,7 мм в длину, 9,6–10,1 мм в ширину и 3,9–20,0 мм – в толщину; размеры целого ладьевидного скола составляют  $52,0 \times 8,9 \times 13$  мм. Дополняют коллекцию технических сколов два вторичных резцовых снятия, полученных в результате подправки орудий.

Таблица 2

Состав каменной индустрии из зачистки № 1 стоянки Раздельный II  
(материалы 2022 г.)

Table 2

Composition of the stone industry from cleaning area no. 1 at the Razdelniy II site  
(materials of 2022)

Категория / группа	Культурный горизонт		Всего
	1	2	
<b>Технические сколы</b>	–	<b>22</b>	<b>22</b>
Реберчатые	–	2	2
Полуреберчатые	–	1	1
Краевые	–	9	9
Подправки фронта	–	2	2
Ладьевидные	–	2	2
Лыжевидные	–	4	4
Резцовые	–	2	2
<b>Пластины</b>	<b>2</b>	–	<b>2</b>
- медиальные фрагменты	1	–	1
- медиально-дистальные фрагменты	1	–	1
<b>Микропластины</b>	<b>2</b>	<b>68</b>	<b>70</b>
- целые	–	1	1
- проксимальные фрагменты	–	17	17
- проксимально-медиальные фрагменты	2	15	17
- медиальные фрагменты	–	22	22
- медиально-дистальные фрагменты	–	3	3
- дистальные фрагменты	–	7	7
<b>Отщепы</b>	<b>23</b>	<b>693</b>	<b>716</b>
Крупные ( $\geq 30$ мм)	–	17	17
Средние (10–29 мм)	6	157	163
Мелкие ( $\leq 9$ мм)	17	519	536
<b>Обломки</b>	–	<b>8</b>	<b>8</b>
<b>Осколки</b>	–	<b>1</b>	<b>1</b>
<b>Итого</b>	<b>27</b>	<b>792</b>	<b>819</b>

Таблица 3

Состав орудийных форм и инструментария второго культурного горизонта  
из зачистки № 1 стоянки Раздельный II (материалы 2022 г.)

Table 3

Composition of the toolkits from Excavation extension (layer 2)  
at the Razdelniy II site (materials of 2022)

Группа / тип	Количество
<b>Бифасиальные наконечники</b>	<b>2</b>
- дистальные фрагменты	1
- базально-медиальные фрагменты	1
<b>Резцы</b>	<b>2</b>
- диагональные	1
- диагональные со встречным скалыванием	1
<b>Скребла</b>	<b>7</b>
- высокой формы конвергентные	2
- высокой формы с обработкой по периметру	2
- высокой формы поперечные выпуклые	2
- высокой формы двойные	1
<b>Сколы с ретушью</b>	<b>3</b>
- отщепы с ретушью	1
- отщепы с функциональной ретушью	2
<b>Абразивы</b>	<b>3</b>
<b>Итого</b>	<b>17</b>

Орудийный набор включает четырнадцать изделий, что составляет 1,7 % от общей численности археологической коллекции (см. табл. 3). Выявлены мелкие бифасиальные наконечники ( $n = 2$ ), резцы ( $n = 2$ ), сколы с ретушью ( $n = 3$ ) и скребла ( $n = 7$ ). Бифасиально обработанные метательные наконечники представлены двумя фрагментами – острой частью орудия, выполненного из кремневого отщепы и изделием с обломанным острием из обсидиана; заготовкой последнего послужил тонкий лыжевидный скол. Размеры артефактов –  $17,2 \times 13,3 \times 2,6$  и  $31,5 \times 13,3 \times 3,2$  мм. Наконечники узкой листовидной формы, имеют прямой продольный профиль, тонкое уплощенно-линзовидное поперечное сечение. Обработка этих артефактов осуществлялась двусторонней захватывающей и краевой, полукрутой и плоской параллельной и косопараллельной ретушью. Диагональные резцы со следами односторонних или встречных снятий на единственной грани ( $n = 2$ ) выполнены из отщепов халцедона. Площадки орудий подготовлены бифасиальной краевой регулярной ретушью, плоскость режущего скалывания представлена поверхностью слома заготовки или неопределима из-за срабатывания изделия. Резцы достигают 15,9–20,6 мм в длину, 19,1–20,8 мм в ширину и 3,2–4,2 мм – в толщину. Наиболее представительную группу в составе орудийных форм представляют скребла ( $n = 7$ ), выполненные из крупных обломков, реже массивных сколов осадочных и вулканогенных пород сырья. Изделия с плоско-выпуклым поперечным сечением и прямым продольным профилем обладают подтреугольной (42,8 %), подпрямоугольной (28,6 %), многоугольной (14,3 %) или овальной (14,3 %) формой. В изучаемой коллекции представлены скребла высокой формы нескольких разновидностей: конвергентные ( $n = 2$ ), с обработкой по периметру ( $n = 2$ ), простые поперечные выпуклые ( $n = 2$ ) и двойные ( $n = 1$ ). Длина артефактов составляет 74,6–181,0 мм, ширина – от 82,4 до 126,9 мм, толщина – от 32,7 до 53,0 мм. Рабочие края орудий оформлены посредством крупных сколов и дополнительно подправлены эпизодической крутой и вертикальной ретушью, противоположная плоская сторона орудий сохраняет естественную или сколовую поверхность заготовки. Ору-

дейный набор дополняют единичные отщепы с односторонней краевой ретушью ( $n = 1$ ) и ретушью утилизации ( $n = 2$ ).

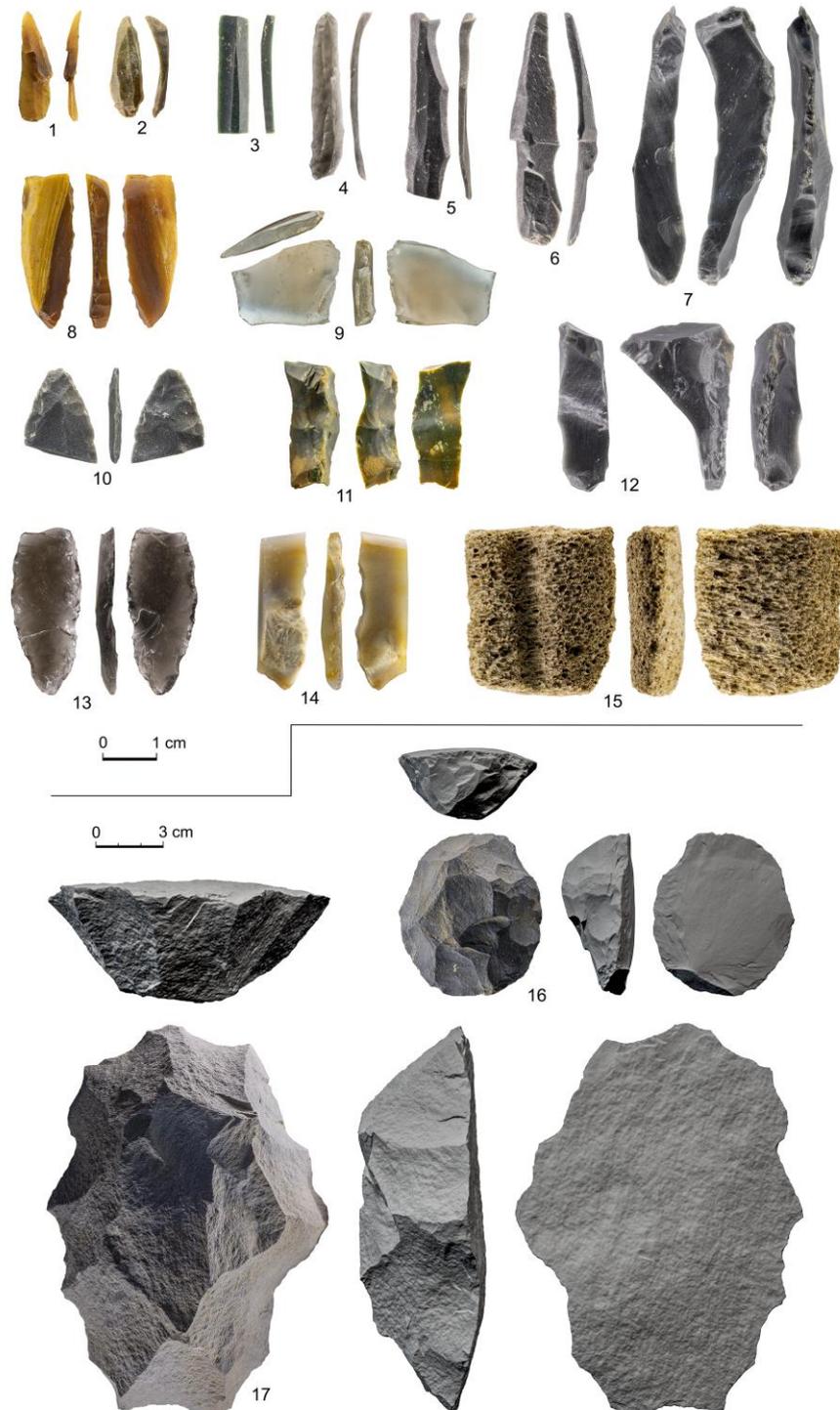


Рис. 4. Каменная индустрия первого и второго культурных горизонтов из зачистки № 1 стоянки Раздельный II, 2022 г.

Fig. 4. Stone industry from the cultural horizons 1 and 2 of the cleaning area no. 1 on the Razdelnyi II site, 2022

Категория *инструментария* представлена в индустрии второго культурного горизонта фрагментами абразивов ( $n = 3$ ), выполненными из вулканической пемзы. Изделия подпрямоугольной формы с плоско-выпуклым поперечным сечением и прямым продольным профилем. Артефакты достигают 15,5–32,2 мм в длину, 12,8–28,3 мм в ширину и 6,7–10,8 мм в толщину. На плоской стороне двух абразивов отмечены удлинённые, продольно ориентированные желобки.

Для объективной оценки масштаба техногенных нарушений на стоянке Раздельный II, а также расположенных рядом памятников Раздельный I, Анавгай I и II в полевом сезоне 2022 г. осуществлялась фотофиксация территории археологических объектов с помощью БПЛА. По результатам проведенной аэрофотосъемки получено свыше 120 детальных фотоизображений, которые позволяют оценить характер локализации археологических объектов на местности, их положение относительно автодорог, дорожных карьеров и других свидетельств техногенных преобразований окружающего их ландшафта (см. рис. 1, 1). Полученные данные будут использованы при подготовке топографического плана, полевой отчетной документации и в разработке проектов мероприятий по обеспечению сохранности обсуждаемых объектов археологического наследия.

На настоящем этапе исследований данные о хронологии второго культурного горизонта памятника Раздельный II были дополнены радиоуглеродным определением  $10\,446 \pm 54$  л. н. (GV-04118), полученным по углю из очага раскопа 2021 г. В результате проведенного AMS-датирования возраст первого культурного горизонта стоянки определяется датой  $7\,492 \pm 48$  л. н. (GV-04119).

Участниками экспедиции проведен визуальный осмотр участков техногенных нарушений стоянки Раздельный II на протяжении около 20 м к западу и более 60 м к востоку по всей полосе удаленного почвенно-растительного покрова шириной от 3 до 6 м. Осмотр поверхности вала с характерной бороздой зарытого кабеля оптоволоконного позволил получить коллекцию подъемного археологического материала, насчитывающую 30 каменных артефактов. Положение выявленных находок указывает на их переработанное состояние, технико-типологический облик полученных артефактов находит прямое соответствие археологическим комплексам, изученным в процессе раскопок. В целом результаты мониторинга и итоги полевых работ 2021–2022 гг. позволяют предположить существование в междуречье р. Анавгай и руч. Раздельный двух обширных по площади археологических объектов, прорезанных и разделенных современной дорогой. Первый расположен на правом берегу р. Анавгай, другой – на левом берегу руч. Раздельный.

### Обсуждение и заключение

Результаты проведенных полевых исследований позволили уточнить культурно-хронологическую последовательность заселения стоянки Раздельный II в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Наиболее ранний эпизод обитания представлен комплексом второго культурного горизонта, возраст которого на основании результатов радиоуглеродного датирования определен в интервале 12 900–12 600 кал. л. н. Первичное расщепление этого горизонта характеризуется «юбецойдной» технологией утилизации клиновидных нуклеусов для получения микропластин в технике отжима. Несмотря на то что нуклеидные формы в материалах 2022 г. отсутствуют, качественный состав индустрии сколов – целевых заготовок и технических сколов – позволяет надежно идентифицировать эту технологию. Орудийные формы в полученной коллекции немногочисленны, но выразительны: мелкие листовидные наконечники стрел, диагональные резцы и скребла высокой формы; каменный инструментальный представлен фрагментами абразивов с продольным желобком. В настоящий момент на территории Камчатки отмеченное сочетание форм и технологий, помимо памятника Раздельный II, фиксируется также в верхнепалеолитических комплексах стоянок Ушковской группы – Ушки I, IV и V (культурный слой VI) [Диков, 1979; 1993; Дикова, 2005; Пташинский, 2012; 2015; Федорченко, 2016; Федорченко, Белоусова, 2020].

Более поздний этап заселения стоянки Раздельный II связан с раннеголоценовой индустрией первого культурного горизонта. Возраст данного комплекса обосновывается его хроностратиграфической позицией – залеганием между стерильными прослоями тефры двух надежно датированных вулканических извержений – Хангара (6 900  $^{14}\text{C}$  л. н.) и Шивелуча (8 300  $^{14}\text{C}$  л. н.), а также радиоуглеродной датой 7 492 ± 48 л. н. (GV-04119) (8 400 – 8 200 кал. л. н.). [Пташинский, 2015]. Каменная индустрия в данном случае отражает ориентацию на получение пластинчатых и микропластинчатых сколов в рамках продольного и би-продольного расщепления призматических нуклеусов, орудийный набор фрагментарен и, предположительно, свидетельствует об использовании полученных сколов в качестве вкладышевых орудий. В целом материалы верхнего горизонта памятника Раздельный II по своим характеристикам соответствуют комплексам мезолитического культурного слоя IV Ушковской группы стоянок, залегающим в аналогичных стратиграфических условиях (между пеплами вулканов Хангар и Шивелуч) и имеющим возраст 8 600–8 400 кал. л. н. [Федорченко, Белоусова, 2020; Понкротова, 2020].

Несмотря на длительные исследования памятников периода конца верхнего палеолита Н. Н. Диковым на Ушковском озере, изучение ранних этапов прошлого Камчатки находится на начальном этапе. Актуальными и дискуссионными остаются проблемы хронологии и периодизации, территории распространения и генетических связей. Открытие и исследование новых памятников – АНП, Анавгай I, II, Раздельный I и II, Дайка I и II – создает новые возможности для понимания этого важного периода в древней истории Камчатки и сопредельных территорий. Ранний возраст стоянок и данные предварительного анализа археологических коллекций позволяют выделить участок левого берега р. Быстрой в районе сел Анавгай и Эссо как многообещающий в отношении дальнейших изысканий. Несомненно, перспективными являются поиск и исследование финальнопалеолитических памятников на территории других районов Камчатского края. Можно быть уверенным в возможности обнаружения новых местонахождений на водораздельных участках Срединного хребта. Ключевой задачей на протяжении многих десятилетий остается обнаружение новых стоянок, содержащих материал, типологически и хронологически соответствующий начальному эпизоду заселения Камчатки, связанному с носителями ранней ушковской культуры [Диков, 1993].

### Список литературы

- Диков Н. Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы. М.: Наука, 1977. 319 с.
- Диков Н. Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.: Наука, 1979. 352 с.
- Диков Н. Н.** Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1993. 68 с.
- Дикова (Кирияк) М. А.** Позднеплейстоценовые комплексы стоянки Ушки V: история открытия и перспективы исследований // Северная Пацифика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена: Материалы Междунар. науч. конф. Магадан: Изд-во СВГУ, 2005. С. 62–66.
- Дикова Т. М.** Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М.: Наука, 1983. 232 с.
- Кренке Н. А., Леонова Е. В., Мелекесцев И. В., Певзнер М. М.** Новые данные по стратиграфии Ушковских стоянок в долине р. Камчатка // РА. 2011. № 3. С. 14–24.
- Лебединцев А. И., Прут А. А., Федорченко А. Ю., Харитонов Р. М., Пташинский А. В., Макаров И. В., Гребенюк П. С.** Результаты полевых исследований в Северном Приохотье и на Камчатке в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. 27. С. 167–175.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А.** Многослойная стоянка Ушки на Камчатке и ее место в древней истории Северо-Восточной Азии // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. конф. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982. С. 36–38.

- Питулько В. В., Павлова Е. Ю.** Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. СПб.: Наука, 2010. 264 с.
- Понкратова И. Ю.** Этапы заселения территории вокруг Большого Ушковского озера на Камчатке в конце плейстоцена – голоцене // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 1. С. 41–51.
- Пономаренко А. К.** Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Оперативная полиграфия, 2000. 312 с.
- Пташинский А. В.** К вопросу о неолите Камчатки // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. С. 78–87.
- Пташинский А. В.** Новые памятники финального палеолита на Камчатке // *Stratum plus*. 2012. № 1. С. 257–276.
- Пташинский А. В.** Проблема финального палеолита Камчатки и данные тефрохронологии // Евразия в кайнозое. 2015. № 3. С. 120–128.
- Пташинский А. В.** Отчет об археологических полевых работах (разведках) в Быстринском районе Камчатского края в 2021 году на основании Открытого листа № 1655-2021. Петропавловск-Камчатский, 2022. 218 с.
- Федорченко А. Ю.** Изделия с резцовыми сколами VI палеолитического слоя стоянки Ушки-I (Камчатка) // *Stratum plus*. 2016. № 1. С. 223–241.
- Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е.** Верхний палеолит Камчатки: основные результаты исследований 1980-х – начала 1990-х годов и актуальные проблемы на современном этапе // *Stratum plus*. 2020. № 1. С. 305–339.
- Goebel T., Slobodin S. B., Waters M. R.** New dates from Ushki-1, Kamchatka, confirm 13,000 cal. BP age for earliest Paleolithic occupation. *Journal of Archaeological Science*, 2010, no. 37, pp. 2640–2649.
- Goebel T., Waters M. R., Dikova M.** The archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and Pleistocene Peopling of the Americas. *Science*, 2003, vol. 301, pp. 501–506.
- Kuzmin Y. V.** Comments on “Chronology and environmental context of the early prehistoric peopling of Kamchatka, the Russian North Far East”, by I. Yu. Ponkratova, J. Chlachula, I. Clausen, *Quaternary Science Reviews* 252 (2021), 106702. *Quaternary Science Reviews*, 2021, vol. 266, 106998.

### References

- Dikov N. N.** Arkheologicheskie pamyatniki Kamchatki, Chukotki, Verkhnei Kolymy [Archaeological sites of Kamchatka, Chulotka, Upper Kolyma]. Moscow, Nauka, 1977, 319 p. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii [Ancient cultures of Northeast Asia]. Moscow, Nauka, 1979, 352 p. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Paleolit Kamchatki i Chukotki v svyazi s problemoi pervonachal'nogo zaseleniya Ameriki [Paleolithic of Kamchatka and Chukotka in connection with the problem of the initial settlement of America]. Magadan, NEIRI FEB RAS Publ., 1993, 68 p. (in Russ.)
- Dikova (Kiryak) M. A.** Pozdnepleistotsenovye komplekсы stoyanki Ushki V: istoriya otkrytiya i perspektivy issledovaniy [Upper Paleolithic complexes from Ushki V site: history of discovery and prospects for research]. In: Severnaya Patsifika – kul'turnye adaptatsii v kontse pleistotsena i golotsena [Northern Pacific – cultural adaptations in the late Pleistocene and Holocene]. Materials of the International Scientific Conference. Magadan, NESU Publ., 2005, pp. 62–66. (in Russ.)
- Dikova T. M.** South Kamchatka Archaeology in Connection with the Ainu Occupation Problem. Moscow, Nauka, 1983, 232 p. (in Russ.)
- Fedorchenko A. Yu.** Pieces with Burin Spalls from Cultural Layer VI of Ushki-1 (Kamchatka Peninsula). *Stratum plus*, 2016, no. 1, pp. 223–241. (in Russ.)

- Fedorchenko A. Yu., Belousova N. E.** Upper Palaeolithic of Kamchatka: the main research results of the 1980s – early 1990s and current problems at the present stage. *Stratum plus*, 2020, no. 1, pp. 305–339. (in Russ.)
- Goebel T., Waters M. R., Dikova M.** The archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and Pleistocene Peopling of the Americas. *Science*, 2003, vol. 301, pp. 501–506.
- Goebel T., Slobodin S. B., Waters M. R.** New dates from Ushki-1, Kamchatka, confirm 13,000 cal. BP age for earliest Paleolithic occupation. *Journal of Archaeological Science*, 2010, no. 37, pp. 2640–2649.
- Krenke N. A., Leonova E. V., Melekestsev I. V., Pevzner M. M.** Novye dannye po stratigrafii Ushkovskikh stoyanok v doline r. Kamchatka [New data on the stratigraphy from Ushki sites in the valley of Kamchatka River]. *Rossiiskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2011, no. 3, pp. 14–24. (in Russ.)
- Kuzmin Y. V.** Comments on “Chronology and environmental context of the early prehistoric peopling of Kamchatka, the Russian North Far East”, by I. Yu. Ponkratova, J. Chlachula, I. Clausen, *Quaternary Science Reviews* 252 (2021), 106702. *Quaternary Science Reviews*, 2021, vol. 266, 106998.
- Lebedintsev A. I., Prut A. A., Fedorchenko A. Yu., Kharitonov R. M., Ptashinsky A. V., Makarov I. V., Grebenyuk P. S.** Results of Field Works at the Northern Okhotsk Sea Shore and in Kamchatka in 2021. In: *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2021, vol. 27, pp. 167–175. (in Russ.)
- Mochanov Yu. A., Fedoseeva S. A.** Mnogosloinaya stoyanka Ushki na Kamchatke i ee mesto v drevnei istorii Severo-Vostochnoi Azii [The multilayer Ushki site on Kamchatka and its place in the ancient history of Northeast Asia]. In: *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri [Problems of archeology and ethnography from Siberia]*. Abstracts of the conference reports. Irkutsk, Irkutsk State Uni. Press, 1982, pp. 36–38. (in Russ.)
- Pitulko V. V., Pavlova E. Yu.** Geoarchaeology and Radiocarbon Chronology of the Stone Age of the Northeast Asia. St. Petersburg, Nauka, 2010, 264 p. (in Russ.)
- Ponkratova I. Yu.** Stages in the Late Pleistocene and Holocene Peopling of Lake Bolshoye Ushkovskoye Shore, Kamchatka. *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2020, vol. 48, no. 1, pp. 41–51. (in Russ.)
- Ponomarenko A. K.** Drevnyaya kul'tura itel'menov Kamchatki [The ancient culture of the Itelmens of Kamchatka]. Petropavlovsk Kamchatsky, Operativnaya poligrafiya Publ., 2000, 312 p. (in Russ.)
- Ptashinsky A. V.** K voprosu o neolite Kamchatki [On the issue of the Neolithic of Kamchatka]. In: *Neolit i paleometall Severa Dal'nego Vostoka [Neolithic and Paleometallic of the North of the Far East]*. Magadan, NEIRI FEB RAS Press, 2006, pp. 78–87. (in Russ.)
- Ptashinsky A. V.** New Final Palaeolithic Sites of Kamchatka. *Stratum plus*, 2012, no. 1, pp. 257–276. (in Russ.)
- Ptashinsky A. V.** The problem of Final Paleolithic on Kamchatka and data of the Tephrochronology. *Eurasia in the Cenozoic*, 2015, no. 3, pp. 120–128. (in Russ.)
- Ptashinsky A. V.** Otchet ob arkheologicheskikh polevykh rabotakh (razvedkakh) v Bystrinskom raione Kamchatskogo kraya v 2021 godu na osnovanii Otkrytogo lista no. 1655-2021 [Report on archaeological field work (reconnaissance) in the Bystrinsky district of the Kamchatka Territory in 2021 based on archaeological excavation permit № 1655-2021]. Petropavlovsk Kamchatsky, 2022, 218 p. (in Russ.)

### Информация об авторах

**Александр Юрьевич Федорченко**, научный сотрудник

Scopus Author ID 57189367702

WoS Researcher ID D-5485-2016

**Наталья Евгеньевна Белоусова**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Scopus Author ID 57191634232

WoS Researcher ID R-2153-2016

**Максим Владимирович Селецкий**, младший научный сотрудник

Scopus Author ID 57219567761

WoS Researcher ID AAD-2284-2020

**Игорь Евгеньевич Воробей**, главный научный сотрудник

RSCI Author ID 76335

**Алина Анатольевна Некраш**, лаборант

RSCI Author ID 1110893

**Андрей Валентинович Пташинский**, кандидат исторических наук, доцент

RSCI Author ID 137262

### Information about the Authors

**Alexander Yu. Fedorchenko**, Researcher

Scopus Author ID 57189367702

WoS Researcher ID D-5485-2016

**Natalya E. Belousova**, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher

Scopus Author ID 57191634232

WoS Researcher ID R-2153-2016

**Maxim V. Seletsky**, Junior Researcher

Scopus Author ID 57219567761

WoS Researcher ID AAD-2284-2020

**Igor E. Vorobey**, Leading Researcher

RSCI Author ID 76335

**Alina A. Nekrash**, Laboratory Assistant

RSCI Author ID 1110893

**Andrey V. Ptashinsky**, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

RSCI Author ID 137262

*Статья поступила в редакцию 09.12.2022;  
одобрена после рецензирования 15.01.2023; принята к публикации 15.02.2023  
The article was submitted on 09.12.2022;  
approved after reviewing on 15.01.2023; accepted for publication on 15.02.2023*

Научная статья

УДК 903“634”(571.66)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-52-63

## Проблема происхождения, локализации и хронологии тарьинской поздненеолитической культуры Камчатки

Александр Иванович Лебединцев

Северо-Восточный комплексный  
научно-исследовательский институт имени Н. А. Шило  
Дальневосточного отделения Российской академии наук  
Магадан, Россия  
lebedintsev@neisri.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2714-2116>

### Аннотация

Рассматривается одна из наиболее ярких древних культур Камчатки – тарьинская культура позднего неолита. Обсуждаются вопросы локализации и хронологии, приведены наиболее важные стоянки, дано описание жилищ, охарактеризовано хозяйство тарьинцев, представлены материальные комплексы культуры. Наиболее древние стоянки этой культуры располагались на юго-восточном побережье. В результате контактов тарьинского прибрежного населения с обитателями долины р. Камчатка возникла континентальная культурная общность охотников и рыболовов, которая сочетала пластинчатую технику и шлифовку орудий, а также (хотя уже в меньшем виде) традицию использования лабреток. Датировать тарьинскую культуру, скорее всего, нужно II–I тыс. до н. э. На основе тарьинской культуры с I тыс. н. э. развивается древнеительменская культура, в которой выделены локальные варианты. Северная Камчатка, вероятно, являлась местом активных культурных контактов между древним населением Камчатки, Северного Приохотья и Чукотки, где формировались локальные общности, имеющие определенное своеобразие.

### Ключевые слова

тарьинская культура, поздний неолит, Камчатка, Дальний Восток

### Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 22-18-00319 «Генезис древних культур Крайнего Северо-Востока Азии»

### Для цитирования

Лебединцев А. И. Проблема происхождения, локализации и хронологии тарьинской поздненеолитической культуры Камчатки // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 52–63. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-52-63

## The Problem of the Origin, Localization and Chronology of the Tarya Late Neolithic Culture of Kamchatka

Aleksandr I. Lebedintsev

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute named after N. A. Schilo  
of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences  
Magadan, Russian Federation  
lebedintsev@neisri.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2714-2116>

### Abstract

*Purpose.* This article presents one of the most brilliant ancient culture of Kamchatka – Tarya culture of the late Neolithic period. The author discusses the culture’s localization and chronology, lists the most important sites, gives a description of dwellings, characterizes the economy of Tarya people, and presents the culture material complex.

*Results.* Early complexes attributed to the Tarya culture and determined by the 3<sup>rd</sup> millennium BC are represented by three archeological sites. They are characterized by a combination of small and large stone tools, various leaf-shaped

© Лебединцев А. И., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 52–63

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 52–63

points, sharp-edged adzes and axes, the absence of bone artifacts, and above-ground dwellings. This period is poorly represented in articles and possibly heterogeneous. The most represented period of the Tarya culture, for which the largest number of dates has been established, dates back to the 2<sup>nd</sup> and even more so to the 1<sup>st</sup> millennium BC. The main occupation of the Tarya people was fishing, hunting for land animals and catching sea animals in the rookeries.

*Conclusion.* The most ancient sites of this culture are located on the southeast coast. As a result of the contacts of the Tarya coastal population with the inhabitants of the Kamchatka River valley, a continental cultural community of hunters and fishermen arose, which combined the blade technique and tools polishing, as well as, although to a lesser extent, the tradition of using labrets. Dating the Tarya culture should probably be dated to 2<sup>nd</sup> – 1<sup>st</sup> millennium BC. The Old Iteľmen culture, in which local variants are distinguished, develops on the basis of the Tarya culture from the 1<sup>st</sup> millennium AD. Northern Kamchatka was probably the place of active cultural contacts between the ancient population of Kamchatka, Priokhot'e and Chukotka, where the local communities having a certain originality were formed.

#### Keywords

Tarya culture, Late Neolithic, Kamchatka, Far East

#### Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00319 “The genesis of the Ancient Cultures of the Extreme North-East of Asia”

#### For citation

Lebedintsev A. I. The Problem of the Origin, Localization and Chronology of the Tarya Late Neolithic Culture of Kamchatka. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 52–63. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-52-63

## Введение

Данная статья посвящена одной из интересных и еще не до конца изученной тарьинской культуре позднего неолита Камчатки. Целью данной работы является обсуждение вопросов, связанных с происхождением, критериями выделения, размещением, временем существования тарьинской культуры, а также характерными чертами и особенностями в ее материальной культуре, контактами с сопредельными общностями.

Впервые стоянки тарьинской культуры в Авачинской губе исследовались В. И. Иохельсоном в 1910 г. [Johelson, 1928]. Он попытался систематизировать собранные коллекции артефактов, выявить сходство с материалами соседних регионов. В 1921 г. шведская ботаническая экспедиция под руководством С. Бергмана проводила раскопки стоянок этой культуры в бухте Тарья близ Петропавловска. Археологические материалы были опубликованы И. Шнеллом, который отнес их к неолитическому времени и провел сравнение с курильскими и алеутскими находками [Shnell, 1932]. Небольшие раскопки в 1926 г. на Мишенной сопке в районе Петропавловска, в Авачинской губе, в Тарье произвела Е. П. Орлова [1999]. Находки кратко и частично были опубликованы в сборнике КСИИМК [Орлова, 1955].

Н. А. Гурьевым, помощником капитана траулера «Красноармеец», в 1934 г. была привезена в Ленинград коллекция каменных изделий с Камчатки, собранная в яме, вырытой под фундамент постройки, в районе бухты Тарья недалеко от Соленого озера, где ранее проводились раскопки В. И. Иохельсоном и И. Шнеллом [Дикова, 1983]. Эта коллекция обстоятельно описана археологом Д. Н. Левом [1935]. В ней находилось несколько десятков орудий, а также зооморфные и антропоморфные фигурки. Материалы стоянки датировались концом неолита и определялись более древними, чем другие археологические находки с Камчатки.

Существенный вклад в обобщение археологических данных сделали С. И. Руденко [1948], который разработал типологию костяных и каменных орудий, и В. В. Антропова [1949], подготовившая обзор всех археологических камчатских находок. И. С. Руденко пришел к выводу о том, что тарьинский период является более древним, чем время существования другой южнокамчатской стоянки у Курильского озера, исследованной В. И. Иохельсоном.

А. П. Окладников считал, что наиболее древними из всех известных к тому времени памятников Камчатки являются остатки углубленных жилищ на берегу бухты Тарья, которые он относил к развитому неолиту и определял по времени II–I тыс. до н. э. [Очерки..., 1953, с. 752].

В 1971 г. Н. Н. Диков обнаружил Авачинскую многослойную стоянку на окраине пос. Авача, расположенную в пригороде Петропавловска-Камчатского. Исследования этой стоянки были проведены Т. М. Диковой в 1975 и 1977 гг. [Дикова, 1983, с. 118–165].

Неолит Камчатки изучен пока очень слабо [Пташинский, 2006]. Несомненно, в этот период существовали различные оригинальные культуры, но для их выделения необходимы более значимые и обоснованные критерии. Тарьинская культура исследована пока недостаточно.

### Общая характеристика тарьинской культуры

Большой вклад в изучение тарьинской культуры внесли Н. Н. Диков [1977; 1979], Т. М. Дикова [1983] и А. К. Пономаренко [1985; 2000; 2014]. Исследователи по-разному характеризовали тарьинскую культуру и предлагали свои варианты хронологии.

Тарьинскую культуру относят к развитому или позднему неолиту. Исследователи определяли территорию распространения этой культуры в пределах Центральной и Южной Камчатки (от м. Лопатка на юге до р. Тигиль на северо-западе и р. Озерная на северо-востоке) [Диков, 1979; Дикова, 1983; Пономаренко, 2000]. Множество стоянок находится на побережье Авачинской губы и по долинам рек, впадающих в нее. Н. Н. Диков подразделял памятники тарьинской культуры на две группы – южнокамчатскую и среднекамчатскую [1979, с. 120]. К первой группе отнесены стоянки, расположенные в районе Петропавловска-Камчатского, на берегу бухты Тарья, около д. Сероглазка, на Мишенной сопке, у с. Елизово, на левом берегу р. Авача. Ко второй группе – стоянки в долине р. Камчатка (у с. Ключи, на Домашнем озере, Култук (Ушки III), Застойчик). К южной группе тарьинской культуры отнесены стоянки Копыто II, Жупаново (III слой), Большой Камень, Рябухина, исследованные А. К. Пономаренко [Российский Дальний Восток..., 2005, с. 279].

По мнению Н. Н. Дикова [1979], южнокамчатские памятники тарьинской культуры являются более древними, чем среднекамчатские, и именно с юга тарьинцы могли распространяться в долину р. Камчатка.

Т. М. Дикова [1983] выделяет ранний период тарьинской культуры, определяемый хронологическим интервалом от  $5\ 200 \pm 100$  (МАГ-306) л. н. – датой, полученной по углю из культурного слоя III стоянки Авача, до  $4\ 210 \pm 135$  (МАГ-306) и  $4\ 380 \pm 79$  (МАГ-312) л. н. – предполагаемый возраст участков III и IV на м. Лопатка. Для данных комплексов характерно сочетание мелких и крупных орудий из камня, различные варианты листовидных наконечников, острообушковые тесла и топоры с подтреугольным сечением, отсутствие изделий из кости. Жилище, обнаруженное в слое III стоянки Авача, являлось наземным, с деревянным каркасом и, вероятно, было покрыто берестой и засыпано землей. Определить его форму и размер сложно, так как исследовался только небольшой участок на этом памятнике. Эти комплексы выглядят разнородными.

Большинство стоянок, которые действительно могут быть объединены в единую культуру (тарьинскую, по Н. Н. Дикову) и имеют наибольшее сходство в материальных комплексах, относятся ко II–I тыс. до н. э., их радиоуглеродный возраст определяется в диапазоне от  $3\ 900 \pm 100$  до  $2\ 200 \pm 100$  (см. таблицу) [Диков, 1977; 1979; Дикова, 1983; Пономаренко, 2014]. В это время увеличивается количество и разнообразие каменных орудий. Имеются различия в инвентаре с комплексами стоянок предшествующих этапов развития Камчатки (в первой и второй неолитических культурах Камчатки широко развита пластинчатая техника, отсутствует шлифовка орудий, нет костяных орудий). На ранне-неолитических стоянках Авача-1 и Авача-9 топоры и тесла имеют только частично пришлифованные лезвия.

Зимние жилища тарьинцев были углубленными с прямоугольными или квадратными котлованами. Бревенчатое перекрытие опиралось на прямоугольную конструкцию в центре над очагом. Сверху жилища имели земляную насыпь. Летние промысловые жилища были свайные (шалаша на столбах). Наиболее древние свайные постройки выявлены на стоянке Большой Камень (первая половина I тыс. до н. э.) [Пономаренко, 2000; 2014].

К тарьинским жилищам относят углубленное жилище в Култуке на берегу Ушковского озера [Диков, 1979, с. 126]. Оно было значительных размеров и имело округлую форму.

Радиоуглеродная хронология памятников тарьинской культуры Камчатки  
 Radiocarbon chronology of the Taru Culture`s Sites, Kamchatka

№ п/п	Стоянка, слой	<sup>14</sup> C дата, л. н.	Лаб. номер	Кал. л. н.		Материал
				68,3 %	95,4 % <sup>1</sup>	
1	Елизово	3 900 ± 100	ГИН-183	4 510-4 510	4 790-3 980	Уголь из очагов
2	Авача, сл. П	3 450 ± 100	МАГ-310	3 840-3 570	3 980-3 460	Уголь из очага
3	Авача, сл. П	2 990 ± 100	КРИЛ-252	3 340-3 000	3 400-2 880	Уголь из очага
4	Авача, сл. П	2 420 ± 40	Beta-243240	2 670-2 350	2 700-2 340	Уголь из зачистки
5	Авача, сл. П	2 200 ± 100	МАГ-769	2 340-2 070	2 460-1 920	Уголь из очага
6	Авача, сл. П	2 100 ± 100	МАГ-763	2 300-1 930	2 340-1 830	Уголь из очага
7	Рябухина I	3 540 ± 60	ГИН-7049	3 910-3 710	3 990-3 640	Кость морских млекопитающих
8	Рябухина I	3 330 ± 70 <sup>2</sup>	ГИН-7048	3 640-3 460	3 820-3 390	Раковины моллюсков
9	Рябухина I	3 000 ± 150 <sup>2</sup>	ГИН-7047	3 370-2 970	3 490-2 780	Раковины моллюсков
10	Рябухина I	3 050 ± 100 <sup>2</sup>	ГИН-7046	3 380-3 070	3 460-2 960	Раковины моллюсков
11	Бол. Камень I	2 910 ± 100	ГИН-8147	3 210-2 880	3 350-2 790	Уголь из очага
12	Бол. Камень I	2 410 ± 180	ИВАН-355	2 740-2 310	2 870-1 990	Уголь
13	Авача-6	2 540 ± 40	ГИН-8526a	2 750-2 510	2 760-2 490	Уголь из культ. слоя
14	Жупаново, сл. III	2 540 ± 60	ГИН-8139	2 750-2 490	2 760-2 370	Уголь
15	Жупаново, сл. III	2 470 ± 50	ИВАН-343	2 710-2 460	2 720-2 360	Уголь
16	Жупаново, сл. III	2 240 ± 60	ИВАН-170	2 340-2 150	2 360-2 070	Уголь
17	Ушки III	2 440 ± 80	РУЛ-607	2 700-2 350	2 730-2 340	Уголь
18	Ушки III	2 160 ± 290	МАГ-5	2 670-1 740	2 860-1 420	Уголь
19	Ушки III	2 070 ± 90	Мо-374	2 290-1 890	2 320-1 820	Уголь
20	Лопатка I	2 200 ± 100	МАГ-313	2 340-2 070	2 460-1 920	Горелое дерево

<sup>1</sup> Калибровка радиоуглеродных дат осуществлялась посредством программного обеспечения OxCal v.4.4 с использованием калибровочной кривой IntCal20.

<sup>2</sup> Указанные определения могут являться удвоенными вследствие резервуарного эффекта.

В жилище найден немногочисленный каменный инвентарь. Однако там не было узкоклинковых и ширококлинковых ножей с выделенным насадом, «горбатых» ножей, лабреток, фигурок из камня, являющихся характерными культуроопределяющими элементами для тарьинской культуры. Наличие пластинчатой техники также указывает на несколько иные традиции обитателей этого жилища. Все эти отличия и довольно малое количество находок на такой площади (более 100 кв. м) может свидетельствовать о том, что охотники и рыболовы этого поселения имели совершенно другое происхождение и не относились к тарьинской культуре.

Основным занятием тарьинцев, по мнению А. К. Пономаренко, было рыболовство, охота на сухопутных животных, а также спорадическая добыча морских животных на лежбищах [2000, с. 189]. Охота на птиц, собирательство на суше и в литоральной зоне имело вспомогательное значение. В культурном слое прибрежных стоянок выявлены раковинные кучи, большое количество костей наземных и морских животных, а также птиц. А. В. Пташинский полагает, что ведущей формой хозяйства для тарьинцев являлся специализированный морской промысел [2003, с. 37]. В устье руч. Рябухина на п-ове Лопатка найден фрагмент наконечника гарпуна с желобком для каменного копьеца и двумя симметрично расположенными зубцами. Датируется стоянка Рябухина концом II тыс. – началом I тыс. до н. э. [Пономаренко, 2000, с. 148]. Это свидетельствует о том, что тарьинцы уже с конца II тыс. до н. э. использовали гарпуны в морском промысле. Причем следует отметить, что у наконечника со стоянки Рябухина в верхней части сделана боковая выемка для копьеца из камня, как у алеутских образцов.

В период существования тарьинской культуры значительная часть каменных орудий изготовлена из отщепов. Наиболее характерными орудиями из камня этой культуры являются преимущественно черешковые метательные наконечники; преобладают «горбатые» ножи, узко- и ширококлинковые с выделенной рукоятью, встречаются овальные, листовидные, трапециевидные, треугольные; скребки – колоколовидные, овальные, трапециевидные; тесла – шлифованные, острообушковые с треугольным поперечным сечением, двусторонне- и односторонневыпуклые; лабретки и лабретовидные шпильки; миниатюрные фигурки [Пономаренко, 2000]. Большинство из них сделано из кремнистых пород, халцедона и обсидиана. На стоянках этого времени в долине р. Камчатка отмечается сохранение в орудийном комплексе микропластинок, сколотых с призматических нуклеусов и изготовленных на них скребков и резцов. На стоянке Авача обнаружены грузила из галек двух типов: округлые с просверленным посередине биконическим отверстием и плоские с выемками по бокам для привязывания. Находки грузил свидетельствуют о существовании добычи рыбы с помощью сетей. Тарьинцы использовали для освещения лампы-жирники, сделанные из галек с выбитым углублением подтреугольной формы для жира.

К сожалению, на многих тарьинских стоянках изделий из органических материалов не сохранилось. Значительное количество костяных изделий обнаружено на стоянке в устье руч. Рябухина. Костяные орудия представлены зубчатыми наконечниками гарпунов, наконечником остроги, инструментами для обработки травы, орудиями собирательства [Пономаренко, 2000; 2014]. На стоянке Авача найден фрагмент плетения из волокон травы [Дикова, 1983].

Характерной особенностью тарьинского периода является отсутствие керамики [Российский Дальний Восток..., 2005, с. 280]. В то же время Н. Н. Диков отмечал, что керамика тарьинской культуры невыразительна. Найлены немногочисленные фрагменты сосудов неопределенного облика [Диков, 1979, с. 124].

Своеобразием тарьинской культуры является употребление украшений в виде губных вставок-лабреток. Все они найдены на юго-восточном побережье Камчатки [Пономаренко, 2014, с. 193]. Недавно одна лабретка была обнаружена на стоянке Столбовая-1 (к северу от Усть-Камчатска) [Понкратова, 2020, рис. 2, 26]. По мнению Н. Н. Дикова [1979, с. 126], эта особенность свидетельствует о сильных эскоалеутских традициях тарьинской культуры, вос-

ходящих, как он предполагает, к позднепалеолитической культуре VI слоя ушковских стоянок. Однако, как справедливо отмечает А. В. Пташинский [2003, с. 37], между позднепалеолитической культурой VI слоя и тарьинскими памятниками имеется значительный (не менее 7 тысячелетий) хронологический разрыв, тем более что на стоянке Ушки I нет настоящих лабреток, а имеются «лабретковидные изделия». Постулируемое утверждение о южных тихоокеанских истоках традиции использования лабреток на Камчатке пока не может быть подтверждено какими-то археологическими свидетельствами. На Курильских островах обнаружены единичные лабретки, датированные поздним временем [Пташинский, 2006, с. 79]. На Сахалине их нет на стоянках II–I тыс. до н. э. [Василевский, 2008]. Однако лабретки широко распространены на Алеутских островах и характерны для древней культуры алеутов. Имеются они в VII горизонте стоянки Чалука, датированном концом III – началом II тыс. до н. э. [Васильевский, 1973, с. 102–103]. На Чалуке лабретки встречались во всех горизонтах. Известны лабретки в древнеэскимосских культурах (Качемак I, Чорис, Ипиутак, Нортон, Оквик, Бирнирк), но все они относятся к более позднему времени, чем ранние чалукские [Там же, с. 94].

Такой же отличительной особенностью тарьинской культуры является наличие фигурок человека и животных [Пташинский, 2017]. Обнаружены они в приморской тихоокеанской зоне полуострова и в других местах (в долине р. Камчатка или на Западной Камчатке) не встречаются [Пташинский, 2020].

### **Корреляция археологических материалов тарьинской культуры с сопредельными общностями**

Тарьинская культура развивалась в условиях широких культурных связей. Н. Н. Диков считал, что эти связи осуществлялись как с северными территориями (Чукотка, Североохотское побережье, Восточная Сибирь), так и с южными регионами (Курильские острова, Сахалин и даже Япония) [Диков, 1979, с. 127].

По мнению Р. С. Васильевского, в каменном комплексе тарьинской культуры имеются параллели с материалами с Алеутских островов, и они, как он полагает, являются более полными, чем с какой-либо другой культурой Северной Америки [Васильевский, 1973]. Сходство касается ведущих форм и типов тарьинских каменных орудий. Особенно выразительные аналогии обнаруживаются с каменными орудиями поселения Чалука (III–IV горизонты) на о. Умнак, где присутствуют все представленные в тарьинской культуре ножи (узко- и ширококлиновые с выделенными рукоятками, «горбатые»), многие типы наконечников, концевые и боковые скребки. На стоянке Чалука найдены каменные и костяные лабретки.

На Североохотском побережье в токаревской культуре имеются аналогичные тарьинским треугольные, листовидные и черешковые наконечники, грушевидные и трапециевидные скребки, скребки с черешками и выделенными рукоятками, узко- и ширококлиновые ножи с выделенными рукоятками, тесла с линзовидным сечением и шлифованным рабочим краем [Васильевский, 1971; Лебединцев, 1990]. Р. С. Васильевский полагает, что активное движение протокоряков вдоль северо-западного побережья Камчатки началось в I тыс. до н. э., что подтверждается многочисленными аналогиями в каменном инвентаре токаревской и тарьинской культур [Васильевский, 2001].

### **Проблема хронологии тарьинской культуры**

Т. М. Дикова [1983] объединяла все памятники Южной Камчатки с V тыс. до н. э. до середины XVII в. н. э. в единую культуру, выделяя три периода: ранний, средний и поздний. Н. Н. Диков [1979] датировал ее II тыс. – серединой I тыс. до н. э. По мнению Р. С. Васильевского [1973, с. 141], тарьинская культура просуществовала на Камчатке до рубежа нашей эры. А. В. Пташинский [2003] считал, что эта культура может быть отнесена к рубежу неолита – палеометалла. Существование тарьинских памятников юго-восточного побережья Камчатки он ограничивает второй половиной I тыс. до н. э. [Пташинский, 2020, с. 22].

А. К. Пономаренко относит стоянки периода V тыс. – I тыс. до н. э. к тарьинскому этапу древнеительменской культуры [Пономаренко, 2000; 2008]. Однако следует отметить, что самая древняя радиоуглеродная дата для тарьинской культуры –  $5\,200 \pm 100$  (МАГ-306) получена по углю из III культурного слоя стоянки Авача, и, следовательно, относить эту культуру к V тыс. до н. э. неоправданно. Нет оснований распространять тарьинскую культуру на I тыс. н. э., поскольку еще ранее на этой же территории выделен хроноцкий этап древнеительменской культуры [Пономаренко, 1985].

А. А. Орехов [2022] считает тарьинскую культуру позднеолитической, но допускает, что она существовала в период около 6 000–2 000 л. н.

И. Ю. Понкротова на основе изучения стратиграфии и датировок стоянки Ушки V определяет III культурный слой (тарьинскую культуру) средним неолитом и ограничивает ее существование в этом месте временем 3 000–2 550 л. н., что противоречит общепринятой хронологии для древних культур среднего неолита Северо-Востока и Дальнего Востока [Понкротова, 2018]. В целом же И. Ю. Понкротова определяет тарьинскую культуру, следуя согласно предложенной периодизации А. К. Пономаренко, как «тарьинский этап тарьинской культуры», периодом 4 000–1 500 кал. л. н. [Понкротова, 2021, с. 12].

Кроме того, на Камчатке в археологической периодизации выделяется эпоха палеометалла. Этот период А. В. Пташинский определяет с конца I тыс. до н. э. до начала II тыс. н. э. [2003, с. 37]. В это время на Камчатку поступают металлические изделия в результате обменных операций из Приамурья по Охотскому побережью и южных районов Приморья через Японские и Курильские острова. Косвенным свидетельством использования металлических орудий является расцвет костяной индустрии и развитие специализированных комплексов орудий морского зверобойного промысла в I тыс. н. э. на приморских стоянках Северной Камчатки. По мнению А. В. Пташинского, распространение неолита вплоть до X в. н. э. необоснованно.

Поздний неолит Сахалина датируется в рамках 4,5–2,5 тыс. л. н. [Василевский, 2008, с. 230], а железный век определяется в пределах V в. до н. э. – XVI в. н. э. [Пташинский, 2006, с. 79; Российский Дальний Восток..., 2005; Василевский, Грищенко, 2012]. К эпохе палеометалла относятся сусуйская, набильская и пильтунская культуры. На Курильских островах ранний железный век наступает в начале I тыс. н. э. Вполне возможно, что с юга на Камчатку могли попадать изделия из металла. Об этом свидетельствует широкое распространение костяных изделий в древнеительменских памятниках I тыс. н. э., а также появление шлифованных ножей, которые, возможно, копировали металлические образцы.

Проникновение металла на Крайний Северо-Восток определяется II – первой половиной I тыс. до н. э. Носители усть-бельской культуры были уже знакомы с металлом благодаря контактам с более развитыми племенами соседних территорий. В Усть-Бельском могильнике были найдены орудия из бронзы [Диков, 1979, с. 148]. На Западной Чукотке имеются прямые и косвенные свидетельства использования металла в период II–I тыс. до н. э. Древнеэскимосские культуры Берингоморья с начала I тыс. н. э., безусловно, относятся уже эпохе металла.

Эпоха неолита на Верхней Колыме и континентальном Приохотье завершается в конце II – I тыс. до н. э. В Северном Приохотье на стоянках токаревской культуры (VIII в. до н. э. – V в. н. э.) обнаружены медные изделия, а также рукоятки резцов, оснащенные железными лезвиями. Широкое использование железных изделий существовало в древнекорякской культуре (V–XVII вв.).

На северо-западном побережье Камчатки выделяется культура, или памятники типа Теви, датируемые I тыс. н. э. и представляющие, вероятно, один из локальных вариантов древнекорякской культуры на Камчатке. Эти памятники относятся к эпохе палеометалла.

Согласно приведенным данным, I тыс. до н. э. на севере Дальнего Востока являлось переходным этапом от неолита к раннему металлу, а период с середины I тыс. до н. э. и до середины I тыс. н. э. может быть определен эпохой палеометалла. Последующий период V–XVII вв. уже относится к эпохе железного века [Лебединцев, 2006].

Столь долгое существование тарьинской культуры (с V тыс. до н. э. по середину XVII в.) вызывает сомнения. Скорее всего, более ранние памятники должны быть отнесены к отдельной культуре – тарьинской – и датированы II–I тыс. до н. э. Это обусловлено прежде всего тем, что материальные комплексы более раннего этапа (тарьинская культура) отличаются от инвентаря поздних памятников I–II тыс. н. э. (собственно древнеительменской культуры). В тарьинской культуре имеются преимущественно черешковые наконечники, тесла острообушковые, преобладают «горбатые» ножи, скребки трапециевидные и колоколовидные, есть лабретки и лабретные шпильки, каменные фигурки человека и животных, керамика отсутствует или представлена малочисленными неопределенными фрагментами. Большое количество костяных орудий обнаружено на стоянке Рябухина на полуострове Лопатка (Южная Камчатка). На памятниках I тыс. н. э. преобладающим типом становятся усеченно-листовидные наконечники, скребки комбинированные (с резцовыми и скребковыми лезвиями), уменьшается количество «горбатых» ножей, появляется множество костяных орудий. Во II тыс. н. э. тесла и топоры различной формы (острообушковые встречаются редко), в северных районах появляется керамика.

Тарьинские стоянки севернее долины р. Камчатка пока не выявлены [Пономаренко, 2000, с. 189]. Наличие лабреток у тарьинцев свидетельствует о том, что эта археологическая общность в какой-то мере близка к эскимосско-алеутскому кругу культур. В то же время А. К. Пономаренко считает, что материалы древнеительменских стоянок I тыс. н. э. Западной и Северной Камчатки свидетельствуют о генетических связях обитателей этих стоянок с тарьинцами.

### **Проблема происхождения и этнической атрибуции тарьинской культуры**

Проблема происхождения тарьинской этнической общности сложна и едва ли разрешима на нынешнем этапе исследований, поскольку существует хронологический разрыв (около 1 200 лет) между раннеолитическими и тарьинскими памятниками. Вряд ли единственный памятник (Мыс Андреевский 1) может представлять весь этот период, охватывающий более 1 тыс. лет, и определяться как отдельная культура финального этапа раннего неолита Камчатки (андреевская, V тыс. до н. э.) [Пономаренко, 2011], тем более что тарьинская культура датируется более поздним временем и локализована в южной части полуострова.

Н. Н. Диков полагал, что тарьинская культура имеет прямое отношение к предкам ительменов. Он также отмечал, что тарьинская культура развивалась в условиях широких культурных связей и явилась результатом скрещивания северных и южных традиций и распространялась с юга в долину р. Камчатка. Преобладающим, по его мнению, было северное влияние [Диков, 1979, с. 127].

Несколько иное мнение высказывает А. В. Пташинский [2001]. Он полагает, что тарьинская культура имеет южные истоки и относится к кругу специализированных неолитических культур, изначально не имевших ничего общего с предками ительменов. С этим выводом категорически не согласен А. К. Пономаренко [2002, с. 221]. Р. С. Васильевский [1973, с. 141] считает, что большинство инноваций тарьинской культуры обнаруживают аналогии в материалах стоянок южных территорий. Южные связи придали тарьинской культуре своеобразные черты, отличные от культур северных территорий, в частности синхронных культур Чукотки. Он также полагал, что роль северных культур при формировании тарьинской была менее существенной. В то же время, по мнению А. В. Пташинского [2003, с. 37], лабретки, антропо- и зооморфные каменные фигурки, а также ряд специфических орудий тарьинской культуры являются не только культурно значимыми, но и именно они стали отличительными элементами от последующей древнеительменской культуры.

### **Заключение**

В целом можно заключить, что тарьинская культура является наиболее яркой и самобытной культурой Камчатки. Наиболее древние стоянки этой культуры распространялись на

юго-восточном побережье. В результате контактов тарьинского прибрежного населения с обитателями долины р. Камчатка возникла континентальная культурная общность охотников и рыболовов, которая сочетала пластинчатую технику и шлифовку орудий, а также (хотя уже в меньшем виде) традицию использования лабреток. Датировать тарьинскую культуру, скорее всего, нужно II–I тыс. до н. э. На ее основе с I тыс. н. э. развивается древнеительменная культура, имеющая локальные варианты. На Северной Камчатке шло формирование самобытных культур, имеющих отличие в материальных комплексах от южнокамчатских районов.

### Список литературы

- Антропова В. В.** К истории археологического изучения Камчатки // Сборник МАЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. С. 380–394.
- Василевский А. А.** Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2008. 412 с.
- Василевский А. А., Грищенко В. А.** Сахалин и Курильские острова в эпоху палеометалла (I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.) // Учен. зап. Сахалин. гос.ун-та: Сб. науч. ст. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2012. Вып. 9. С. 29–41.
- Васильевский Р. С.** Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск: Наука, 1971. 250 с.
- Васильевский Р. С.** Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск: Наука, 1973. 267 с.
- Васильевский Р. С.** Генезис и взаимодействие культур Северной Пасифики // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3. С. 31–38.
- Диков Н. Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1977. 391 с.
- Диков Н. Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1979. 352 с.
- Дикова Т. М.** Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М.: Наука, 1983. 232 с.
- Лебединцев А. И.** Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. Л.: Наука, 1990. 260 с.
- Лебединцев А. И.** Эпоха палеометалла на севере Дальнего Востока // IV Диковские чтения: Материалы Науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию со дня выхода в свет российской научной академической монографии С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. С. 87–89.
- Лев Д. Н.** Новые археологические памятники Камчатки // СЭ. 1935. № 4–5. С. 217–224.
- Орехов А. А.** Проблемы неолита Верхней Колымы, Чукотки и Камчатки (опыт сравнительного анализа) // Тр. ИИАЭ ДВО РАН. 2022. Т. 35. С. 34–58.
- Орлова Е. П.** Археологические находки на Камчатке // КСИИМК. 1955. Вып. 59. С. 163–167.
- Орлова Е. П.** Ительмены. СПб.: Наука, 1999. 170 с.
- Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв.: В 2 ч. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Ч. 1. 984 с.
- Понкратова И. Ю.** Археологические исследования на п-ове Камчатка (XIX – начало XXI в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 2. С. 49–55.
- Понкратова И. Ю.** Средний неолит полуострова Камчатка // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 86–102. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-86-102
- Понкратова И. Ю.** Каменный век Камчатки и Якутии: общее и особенное // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 3. С. 9–19.
- Пономаренко А. К.** Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. М.: Наука, 1985. 216 с.

- Пономаренко А. К.** Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2000. 312 с.
- Пономаренко А. К.** Рецензия на автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук А. В. Пташинского «Культура охотников на морского зверя северо-восточного побережья Охотского моря (I–II тысячелетия н. э.)» // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. Петропавловск-Камчатский, 2002. Вып. 12. С. 215–225.
- Пономаренко А. К.** Некоторые итоги исследования неолита Камчатки // Тр. II (XVIII) Всероссий. археол. съезда в Суздале. М., 2008. Т. 1. С. 261–266.
- Пономаренко А. К.** К вопросу о периодизации древних культур Северной Камчатки // Горизонты тихоокеанской археологии. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. С. 171–183.
- Пономаренко А. К.** Тарьинская культура неолита Камчатки. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2014. 254 с.
- Пташинский А. В.** Некоторые проблемы археологии и этногенетических реконструкций на Камчатке // Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Н. Н. Дикова. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. С. 111–114.
- Пташинский А. В.** Новые находки неолита Камчатки // Вестник КРАУНЦ. Серия: Гуманитарные науки. 2003. № 2. С. 30–40.
- Пташинский А. В.** К вопросу о неолите Камчатки // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. С. 78–87.
- Пташинский А. В.** К вопросу о типологии лабреток южной Камчатки // Вестник КРАУНЦ. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 12–24.
- Пташинский А. В.** Новые антропо- и зооморфные фигурки юго-восточного побережья Камчатки // Вестник КРАУНЦ. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 21–35.
- Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. 696 с.
- Руденко С. И.** Культура доисторического населения Камчатки // СЭ. 1948. № 1. С. 153–179.
- Jochelson W.** Archaeological Investigation in Kamchatka. Washington, Carnegue Institution of Washington Publ., 1928, VIII, 88 p.
- Schnell I.** Prehistoric finds from the island world of the Far East, now preserved in the Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm. In: The Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm, 1932, vol. 4, pp. 49–65.

#### References

- Antropova V. V.** К истории археологического изучения Камчатки [To the history of Kamchatka archaeological research]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]*, 1949, vol. 11, pp. 380–394. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Archeologicheskie pamyatniki Kamchatki, Chukotki i Verhnei Kolymy (Aziya na styke s Amerikoi v drevnosti) [Archaeological sites of Kamchatka, Chukotka and Upper Rolyma (Asia at crossroads with America in antiquity)]. Moscow, Nauka, 1977, 391 p. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii: Aziya na styke s Amerikoi v drevnosti [Ancient cultures of northeast Asia: Asia at crossroads with America in antiquity]. Moscow, Nauka, 1979, 352 p. (in Russ.)
- Dikova T. M.** Archeologiya Yuzhnoi Kamchatki v svyazi s problemoi rasseleniya ainov [Archaeology of Southern Kamchatka in connection with the problem of Ainu settlement]. Moscow, Nauka, 1983, 232 p. (in Russ.)
- Jochelson W.** Archaeological Investigation in Kamchatka. Washington, Carnegue Institution of Washington Publ., 1928, VIII, 88 p.
- Lebedintsev A. I.** Drevniye primorskiye kul'tury Severo-Zapadnogo Priokhot'ya [Ancient coastal cultures of the Northwestern Okhotsk Sea]. Leningrad, Nauka, 1990, 260 p. (in Russ.)

- Lebedintsev A. I.** Epokha paleometalla na severe Dal'nego Vostoka [The Paleometall Epoch in the North of the Far East]. In: IV Dikovskie chteniya [IV Dikov Readings]. Materials of the scientific and practical conference dedicated to the 250<sup>th</sup> anniversary of the publication of the Russian scientific academic monograph by S. P. Krasheninnikov "Description of the Land of Kamchatka". Magadan, SVKNII FEB RAS, 2006, pp. 87–89. (in Russ.)
- Lev D. N.** Novye archeologicheskie pamyatniki Kamchatki [New archaeological sites of Kamchatka]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1935, no. 4–5, pp. 216–224. (in Russ.)
- Orekhov A. A.** Problemy neolita Verkhney Kolymy, Chukotki i Kamchatki (opyt sravnitel'nogo analiza) [Problems of the Neolithic of the Upper Kolyma, Chukotka and Kamchatka (an experience of comparative analysis)]. *Trudy IIAE DVO RAN* [Proceedings of the IIAE FEB RAS], 2022, vol. 35, pp. 34–58. (in Russ.)
- Orlova E. P.** Arkheologicheskiye nakhodki na Kamchatke [Archaeological finds in Kamchatka]. *Kratkiye soobscheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the History of Material Culture], 1955, iss. 59, pp. 163–167. (in Russ.)
- Orlova E. P.** Itel'meny [Itelmeny]. St. Petersburg, Nauka, 1999, 170 p. (in Russ.)
- Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma IX–XV vekov [Essays on the history of the USSR. Period of feudalism 9<sup>th</sup> – 15<sup>th</sup> centuries]. Moscow, AS USSR Publ., 1953, pt. 1, 984 p. (in Russ.)
- Ponkratova I. Yu.** Archeologicheskie issledovaniya na poluostrove Kamchatka (XIX – nachalo XXI v.) [Archaeological research of the Kamchatka Peninsula (the 19<sup>th</sup> – early 21<sup>st</sup> century)]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2018, vol. 25, no. 2, pp. 49–55. (in Russ.)
- Ponkratova I. Yu.** Kamennyi vek Kamchatki i Yakutii: obshchee i osobennoe [Stone Age of Kamchatka and Yakutia: General and Special]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyi vestnik* [Northeast Humanitarian Bulletin], 2021, no. 3, pp. 9–19. (in Russ.)
- Ponkratova I. Yu.** Middle Neolithic of the Kamchatka Peninsula. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 86–102. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-86-102
- Ponomarenko A. K.** Drevnyaya kul'tura itel'menov Vostochnoi Kamchatki [The ancient culture of the Itelmens of Eastern Kamchatka]. Moscow, Nauka, 1985, 216 p. (in Russ.)
- Ponomarenko A. K.** Drevnyaya kul'tura itel'mnov Kamchatki [The ancient culture of the Itelmens of Kamchatka]. Petropavlovsk Kamchatsky, 2000, 312 p. (in Russ.)
- Ponomarenko A. K.** Retsenziya na avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk A. V. Pyashinskogo "Kul'tura okhotnikov na morskogo zverya severovostochnogo poberezh'ya Okhotskogo moraya (I–II tysyacheletiya n. e.)" [Review of the abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences A. V. Ptashinsky "Culture of sea animal hunters of the north-eastern coast of the Sea of Okhotsk (I–II millennium AD)"]. In: *Kraevedcheskie zapiski Kamchatskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Lokal History Notes of the Kamchatka Regional Museum]. Petropavlovsk Kamchatsky, 2002, vol. 12, pp. 215–225. (in Russ.)
- Ponomarenko A. K.** Nekotorye itogi issledovaniya neolita Kamchatki [Some results of the study of the Neolithic of Kamchatka]. In: *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo archeologicheskogo s'ezda v Suzdale* [Proceeding of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal]. Moscow, 2008, vol. 1, pp. 261–266. (in Russ.)
- Ponomarenko A. K.** K voprosu o periodizatsii drevnikh kul'tur Severnoy Kamchatki [On the issue of periodization of the ancient cultures of Northern Kamchatka]. In: *Gorizonty tikhookeanskoi arkheologii* [Horizons of Pacific archaeology]. Vladivostok, Far Eastern Federal Uni. Press, 2011, pp. 171–183. (in Russ.)
- Ponomarenko A. K.** Tar'inskaya kul'tura neolita Kamchatki [Tarya culture of the Neolithic Kamchatka]. Vladivostok, Far Eastern Federal Uni. Press, 2014, 254 p. (in Russ.)
- Ptashinsky A. V.** Nekotorye problemy arkheologii i etnogeneticheskikh rekonstruktsiy na Kamchatke [Some problems of archaeology and ethnogenetic reconstructions in Kamchatka]. In: *Dikovskie chteniya* [Dikov Readings]. Materials of the Scientific-Practical. Conf. devoted to

- the 75<sup>th</sup> birthday of Corresponding Member of RAS N. N. Dikov. Magadan, SVKNII FEB RAS, 2001, pp. 111–114. (in Russ.)
- Ptashinsky A. V.** Novye nakhodki neolita Kamchatki [The new finds of Neolith of Kamchatka]. *Vestnik Kamchatskoy regional'noy assotsiatsii "Uchebno-nauchnyi tsentr". Seriya "Gumanitarnye nauki"* [Journal collection of scientific works of KRASEC. Section "The Humanities"], 2003, no. 2, pp. 30–40. (in Russ.)
- Ptashinsky A. V.** K voprosu o neolite Kamchatki [On the issue of the Neolithic of Kamchatka]. In: *Neolit i paleometall Severa Dal'nego Vostoka* [Neolit and Paleometal of the north of Far East]. Magadan, NEISRI FEB RAS, 2006, pp. 78–87. (in Russ.)
- Ptashinsky A. V.** K voprosu o tipologii labretok yuzhnoy Kamchatki [On the question of labrettes in southern Kamchatka]. *Vestnik Kamchatskoy regional'noy assotsiatsii "Uchebno-nauchnyi tsentr". Seriya "Gumanitarnye nauki"* [Journal collection of scientific works of KRASEC. Section "The humanities"], 2017, no. 1, pp. 12–24. (in Russ.)
- Ptashinsky A. V.** Novye antropo- i zoomorfnye figurki yugo-vostochnogo poberezh'ya Kamchatki [New antropo- and zoomorphic figurines of the south-eastern coast of Kamchatka]. *Vestnik Kamchatskoy regional'noy assotsiatsii "Uchebno-nauchnyi tsentr". Seriya "Gumanitarnye nauki"* [Journal collection of scientific works of KRASEC. Section "The humanities"], 2020, no. 2, pp. 21–35. (in Russ.)
- Rossiiskii Dal'nii Vostok v drevnosti i srednevekov'e. Otkrytiya, problemy, gipotezy [Russian Far East in antiquity and the Middle Ages. Discoveries, problems, hypotheses]. Vladivostok, Dal'nauka, 2005, 696 p. (in Russ.)
- Rudenko S. I.** Kul'tura doistoricheskogo naseleniya Kamchatki [The culture of prehistoric population of Kamchatka]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1948, no. 1, pp. 153–179. (in Russ.)
- Schnell I.** Prehistoric finds from the island world of the Far East, now preserved in the Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm. In: *The Museum of Far Eastern Antiquities*. Stockholm, 1932, vol. 4, pp. 49–65.
- Vasilevsky A. A.** Kamennyi vek ostrova Sakhalin [Stone Age of Sakhalin Island]. Yuzhno-Sakhalinsk, Book Publ. House, 2008, 412 p. (in Russ.)
- Vasilevsky A. A., Grishchenko V. A.** Sakhalin i Kuril'skie ostrova v epokhu paleometalla (I tys. do n. e. – pervaya polovina I tys. n. e.) [Sakhalin and Kuril Islands in the Paleometal Age (I millennium BC – first half of the I millennium AD)]. In: *Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Sakhalin State University]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinsk State Uni. Press, 2012, iss. 9, pp. 29–41. (in Russ.)
- Vasilevsky R. S.** Proiskhozhdenie i drevnyaya kul'tura koryakov [Origin and ancient culture of Koryak]. Novosibirsk, Nauka, 1971, 250 p. (in Russ.)
- Vasilevsky R. S.** Drevniye kul'tury Tikhookeanskogo Severa [Ancient cultures of the North Pacific]. Novosibirsk, Nauka, 1973, 267 p. (in Russ.)
- Vasilevsky R. S.** Genesis i vzaimodeystviye kul'tur Severnoy Pasifiki [Genesis and interaction of the cultures of the North Pacific]. *Archeologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2001, no. 3, pp. 31–38. (in Russ.)

### Информация об авторе

**Александр Иванович Лебединцев**, кандидат исторических наук

### Information about the Author

**Alexander I. Lebedintsev**, Candidate of Sciences (History)

Статья поступила в редакцию 09.07.2022;  
 одобрена после рецензирования 01.09.2022; принята к публикации 01.10.2022  
 The article was submitted on 09.07.2022;  
 approved after reviewing on 01.09.2022; accepted for publication on 01.10.2022

Научная статья

УДК 903.02

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-64-78

## Особенности технологии керамики атлымской культуры (по материалам поселений Барсовой Горы)

Дмитрий Вадимович Селин<sup>1</sup>

Юрий Петрович Чемякин<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Институт археологии и этнографии  
Сибирского отделения Российской академии наук  
Новосибирск, Россия

<sup>2</sup> Уральский государственный педагогический университет  
Екатеринбург, Россия

<sup>1</sup> selin@epage.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

<sup>2</sup> yury-che@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1386-2510>

### Аннотация

Выполнен технико-технологический анализ керамики атлымской культуры селищ Барсова Гора I/40 (13 изд.), Барсова Гора I/22a (7 изд.) и Барсова Гора IV/4 (9 изд.). Гончары отбирали один вид исходного пластичного сырья – ожелезненные глины – и использовали несколько глинищ. Выявлены одно- и многокомпонентные рецепты формовочной массы. На селище Барсова Гора I/40 и IV/4 доминирует рецепт «глина + шамот». Самым разнообразным по количеству рецептов формовочной массы является керамика с селища Барсова Гора IV/4, где выявлено шесть одно- и многокомпонентных составов. Начины сосудов изготавливались по донно-ёмкостной программе, полое тело наращивалось при помощи лоскутов. Поверхности посуды обрабатывались механическим заглаживанием и лощением. Обжиг мог проходить в восстановительной или полувосстановительной среде. Установлено, что самые устойчивые гончарные традиции характерны для керамики с селищ Барсова Гора I/22a и I/40. Возможно, представители этой группы принимали участие в генезисе красноозерской культуры Приишимья, так как у них наблюдаются значительные сходства в гончарной технологии. Противоположную ситуацию демонстрирует гончарная технология селища Барсова Гора IV/4. На этом памятнике, возможно, проживали несколько разных групп гончаров, использовавших разный ассортимент примесей для составления формовочных масс. Вероятно, селище Барсова Гора IV/4 было оставлено другой группой атлымского населения с иными гончарными навыками, которые отличаются от навыков «атлымцев» с селищ Барсова Гора I/22a и I/40. Можно предположить, что атлымское население селища Барсова Гора IV/4 пришло на Барсову Гору с иных территорий, возможно, из Нижнего Прииртышья.

### Ключевые слова

Сургутское Приобье, Барсова Гора, бронзовый век, атлымская культура, керамика, технико-технологический анализ

### Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук МК-140.2022.2

### Для цитирования

Селин Д. В., Чемякин Ю. П. Особенности технологии керамики атлымской культуры (по материалам поселений Барсовой Горы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 64–78. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-64-78

© Селин Д. В., Чемякин Ю. П., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 64–78

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 64–78

## Features of the Technology of Ceramics of the Atlym Culture (Based on the Materials of Settlements of Barsova Gora)

Dmitrii V. Selin<sup>1</sup>, Yuriy P. Chemyakin<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Institute of Archaeology and Ethnography  
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Novosibirsk, Russian Federation

<sup>2</sup> Ural State Pedagogical University  
Ekaterinburg, Russian Federation

<sup>1</sup> selin@epage.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

<sup>2</sup> yury-che@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1386-2510>

### Abstract

**Purpose.** Barsova Gora is a unique archaeological and landscape site located in the Tyumen Region (West Siberia) of the Russian Federation. A technical and technological analysis of ceramics of the Atlym culture from Barsova Gora I/40 (13 vessels), Barsova Gora I/22a (7 vessels) and Barsova Gora IV/4 (9 vessels) settlements was carried out.

**Results.** It was found that for the pottery manufacture potters of the Atlym culture mainly selected ferruginous clays, varying in the degree of sandiness and the presence of natural inclusions of shells and vegetation fragments. At all sites, potters exploited several clay plots. Recipes and assortment of molding masses vary considerably from settlement to settlement. The most stable technology is typical for ceramics from the site Barsova Gora I/22a for which only one recipe (clay + chamotte) has been fixed. It testifies to homogeneity of pottery traditions that existed on this site. A similar trend is demonstrated by ceramics of the site Barsova Gora I/40, where uncalibrated chamotte was used as the main impurity. The pottery technology of these two sites is very similar, and, apparently, these settlements constituted one group of the Atlym population with similar skills. It is possible that representatives of this group could have participated in the genesis of the Krasnoozerskaya culture of the Ishim River basin, as they recorded significant similarities in the adaptive and constructive skills of pottery making. The opposite situation can be observed at the site of Barsova Gora IV/4, where six single and multi-component compositions have been identified, which indicates a mixture of pottery skills and techniques. Several different groups of potters may have lived at this site, using different assortments of impurities to compose the molding masses. Probably, the Barsova Gora IV/4 site was left by another group of the Atlym population with different pottery skills, which differ from the skills of the “Atlym” from Barsova Gora I/22a and I/40 settlements. It can be assumed that the Atlym population of Barsova Gora IV/4 came to Barsova Gora from other territories, possibly from the Lower Priirtysh.

**Conclusion.** The pottery technology of the sites Barsova Gora I/40 and I/22a has no direct analogues in the previously studied complexes of the Atlym culture in Western Siberia. For the vessels manufacturing technology of the Atlym culture in the territories of the Lower Irtysh River basin, Baraba and the Lower Ob River basin, the dominance of recipes with chamotte is not characteristic. At the same time, the use of chamotte as the main mineral additive and organic solutions is typical for ceramics of the later Krasnoozerskaya culture, which may be based on the Atlym culture. Vessel manufacturing techniques are also similar. Ceramics of the Atlym culture from the Barsova Gora IV/4 site demonstrates the greatest technological similarity with the pottery from The Lower Irtysh River basin. Potters of these territories used a similar range of mineral additives. The surfaces of the vessels were smoothed with a hard, smooth tool. The difference is manifested in the vessels design.

### Keywords

Surgut region of the Ob basin, Barsova Gora, Bronze Age, Atlym culture, pottery, technical and technological analysis

### Acknowledgements

The study was supported by the grant of the President of the Russian Federation for young scientists – candidates of sciences MK-140.2022.2

### For citation

Selin D. V., Chemyakin Yu. P. Features of the Technology of Ceramics of the Atlym Culture (Based on the Materials of Settlements of Barsova Gora). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 64–78. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-64-78

## Введение

Атлымская культура была выделена Е. А. Васильевым в первую очередь по материалам раскопок Малоатлымского городища в Нижнем Приобье [Васильев, 1982, с. 8–13]. Она сформировалась в XII–X вв. до н. э. в глубинных таежных районах Нижнего Приобья на территории Белогорского материка. По Е. А. Васильеву, на рубеже II–I тыс. до н. э. в хозяйстве

и культуре атлымского населения произошли существенные изменения: высокоэффективное рыболовство, широкое внедрение металлических орудий привели к подъему экономики, сопровождавшемуся скачкообразным ростом населения. Это документируется резким увеличением количества археологических памятников атлымской культуры, расширением ее ареала [Васильев, 2000, с. 76–77]. Видимо, происходили как миграции относительно крупных коллективов, так и локальные инфильтрации небольших групп. Судя по количеству выявленных памятников, последние совершались в основном в северном и северо-западном направлениях. О них свидетельствуют находки атлымской керамики в тундре (низовья Оби) и на Европейском Северо-Востоке, в бассейне Печоры. Но в ряде случаев, вероятно, такие находки отражают не инфильтрации населения, а культурные или торгово-обменные контакты.

Соглашаясь с Е. А. Васильевым относительно первоначального ареала атлымской культуры, мы считаем, что для вывода о резком увеличении числа атлымских памятников в нем на позднем этапе пока недостаточно оснований. Атлымские поселения появляются в бассейне р. Конды, в Сургутском Приобье. Следует отметить, что на этих территориях они сосуществовали с местными культурами (лозьвинской и барсовской). Причем, видимо, не везде это сосуществование носило мирный характер – в низовьях Конды, в бассейне р. Чилимки, известны атлымские городища (Чилимка XIII, Чилимка XXIII) [Глушков, Захожая, 2000, с. 193–195]. Однако отсутствие городищ на других территориях и появление в раннем железном веке памятников, материальная культура (в первую очередь керамика) которых сочетает признаки атлымской и аборигенной культур, свидетельствуют в пользу возникновения территориальных (соседских) общин или же культурного влияния северного населения [Там же, с. 43].

Изменение климата в сторону большей увлажненности, активное заболачивание, сдвиг ландшафтных зон к югу, произошедшие накануне эпохи железа [Косарев, 1974, с. 36–38; Львов, 1979, с. 18; Зимина и др., 2021, с. 50–52], дали толчок к новым миграциям атлымского населения. Первая волна, вероятно, не выходила за рамки привычной ландшафтной среды (Нижнее Прииртышье, Среднее Приобье, Среднее Зауралье).

Сегодня в Сургутском Приобье, включая бассейн р. Аган, известно около 40–45 атлымских поселений и местонахождений керамики (из них 23 – в урочище Барсова Гора) [Чемякин, 2008, с. 53–59, рис. 39–44]. Урочище Барсова Гора расположено в Тюменской обл. Ханты-Мансийского АО, на правом берегу Оби вблизи г. Сургута. На территории этого уникального археолого-ландшафтного объекта на площади в 6 кв. км выявлено более 400 памятников, относящихся к продолжительному периоду от эпохи неолита до Нового времени. На Барсовой Горе к настоящему моменту проведены раскопки на 15 памятниках, давших атлымские материалы. На них исследованы полностью или частично 13–14 жилищ, хозяйственная постройка, три сооружения, назначение которых не определено, и три ямы. Еще около семи объектов раскопаны на левом берегу Оби в урочище Городской Остров, напротив Барсовой Горы (поселения Сырой Аган 1 – Сырой Аган 8) [Арефьев, Рогозинникова, 2005; Скоробогатова, 2013], и разрушенное жилище в бассейне р. Большой Юган [Скоробогатова, Пономарева, 2019]. Для сравнения: на территории нижней Оби, в том числе на Белогорском материке, предположительной родине «атлымцев», нам известно 25 памятников с атлымскими материалами. На 19 из них производились раскопки, как правило, небольшие. При этом выявлены остатки всего 3–4 построек и различные ямы. В бассейне Конды известно около 30 памятников, раскопки производились на восьми из них, вскрыты остатки 3–4 жилищ. В остальных поселениях выявлены лишь слои с атлымской керамикой.

Источниковой базой исследования послужили керамические коллекции селищ Барсова Гора I/40 (13 изд.), Барсова Гора I/22a (7 изд.) и Барсова Гора IV/4 (9 изд.). Для сравнения привлекались материалы из памятников Нижнего Приобья (Низямы IV, Шеркалы IX).

Селище Барсова Гора I/40 находилось на ровном участке в 180–300 м от края берега протоки Утоплой, на высоте 11–13 м от уровня воды. На поверхности было заметно более 20 объектов, различавшихся внешним видом (впадины, площадки, в том числе с обваловкой

и внешними ямами) и размерами (от  $2 \times 2$  до  $35 \times 30$  м). В 1978–1982 и 1984 гг. на нем в связи с началом строительных работ были произведены охранные раскопки, вскрыто около 3 090 кв. м. За 6 лет в разной степени исследованы остатки 28 построек, часть из которых не фиксировалась на поверхности. Из них 4 жилища и следы еще нескольких сооружений в виде ям, очагов относились к барсовской археологической культуре, 7–8 построек – к атлымской культуре эпохи бронзы и 16 объектов – к раннему этапу белоярской культуры [Чемякин, Кокшаров, 1984]. Почти все сооружения были наземными, зафиксированы случаи возведения поздних построек на месте ранних. Атлымские постройки отличались размерами, формой и углубленностью. Среди них по размерам и степени углубленности были выделены три группы. Атлымские жилища реконструируются как наземные, каркасные, прямоугольные. Более выраженная прямоугольность построек первой группы допускает существование бревенчатых стен. В небольших жилищах находки сосредоточены вдоль двух-трех стен, а в больших они концентрируются вокруг центрального очага.

С атлымским комплексом связаны находки керамики (107 сосудов, в том числе 56 шеек), каменных изделий, тиглей и капель цветного металла. Сосуды, за исключением одной чашечки, представляли собой плоскодонные горшки с дугообразно выгнутой шейкой (рис. 1). Внешняя поверхность и венчики украшались полностью. Часто орнаментировалось и дно – крестами, концентрическими окружностями. Среди элементов орнамента преобладают горизонтальные линии и ряды разнонаклонных оттисков штампов. Зигзаги, меандры, ромбы и заштрихованные треугольники, в том числе взаимопроникающие, составляют чуть более 12 %. Ямки, выступающие главным образом как разделительные пояски, есть почти на всех сосудах. Среди штампов доминируют круглая палочка, мелкоструйчатые и крестовые (главным образом косые), имеются единичны гребенчатые и змейковидные. Средний коэффициент сходства комплексов керамики между жилищами по элементам узоров 68,9 % (58,5–81,5 %), по технике орнаментации 81,6 % (65,2–96,9 %).

Селище Барсова Гора I/22 находилось на ровном участке у края берега протоки Утоплой, на высоте 13 м, восточной стороной примыкая к городищу Барсов городок I/22. Оно состояло из 4 впадин. В 1978 г. в связи со строительными работами на селище было раскопано 576 кв. м, при этом выявлены и другие наземные объекты. Среди них остатки слегка углубленного жилища атлымской культуры (Барсова Гора I/22а) и следы наземных построек калининской (Барсова Гора I/22б) и кулайской (Барсова Гора I/22в) культур раннего железного века. Находки представлены керамикой, обломками тиглей, каменными изделиями. Жилище эпохи финальной бронзы (селище Барсова Гора I/22а) наземное с углубленной на 0,2–0,3 м юго-восточной половиной. Размеры всей постройки –  $6,5 \times 8,0$  м, котлована –  $4,7 \times 5,4$  м. В одном из углов котлована находился обращенный к реке коридорообразный выход. Ближе к центру размещались очаг и хозяйственная яма. Еще одна яма выкопана в неуглубленной части жилища. Заполнение самого котлована – серо-желто-красный пестроцвет, причем интенсивность красного цвета возрастала в придонной части и южной половине постройки, где песок приобрел темно-бордовый оттенок. На дне собрано много углей, керамики, в том числе развалы сосудов, украшенных крестовым штампом. Была получена дата по углю со дна жилища –  $2\ 840 \pm 40$  лет (JE–1546), а в калиброванном виде – 1 050–920 BC (68,2 %) или 1 130–900 BC (95,4 %). В коллекции имеются фрагменты 18 горшковидных плоскодонных сосудов с дугообразно выгнутой шейкой (рис. 2).

Селище Барсова Гора IV/4 располагалось на краю 3-й надпойменной террасы в 0,22 км к северо-востоку от обрыва берега протоки Микишина, на северо-западном краю склона большого лога, прорезающего террасу. На северо-востоке оно смыкалось с объектами селища Барсова Гора IV/3, а на юго-западе – с объектами селища Барсова Гора IV/6. Площадь памятника около 900 кв. м. В 1978–1979 гг. на нем были зафиксированы 5–7 слабо прослеживавшихся в рельефе наземных площадок и 3–4 неглубоких впадины. К этому времени селище уже было сильно повреждено: растоптано выпасом скота. На разрушениях собраны фрагменты керамики атлымской и, единично, барсовской культур. Был найден кремневый

наконечник стрелы. К этому же атлымскому селищу, вероятно, относятся наземные площадки и неглубокие впадины на площади неолитической стоянки Барсова Гора IV/5, расположенной чуть ниже по склону лога. Здесь в 1979 г. в раскопе II была обнаружена небольшая овальная в плане хозяйственная постройка размерами 6,0 × 4,5 м. Пол ее был углублен на 0,1–0,2 м. Помимо развала атлымского сосуда, в ней ничего не было найдено. Возможная реконструкция сооружения – конический шалаш. Всего же на памятнике собраны обломки 9 сосудов, украшенных крестовым, гладким, гребенчатым и мелкоструйчатым штампами (рис. 3).

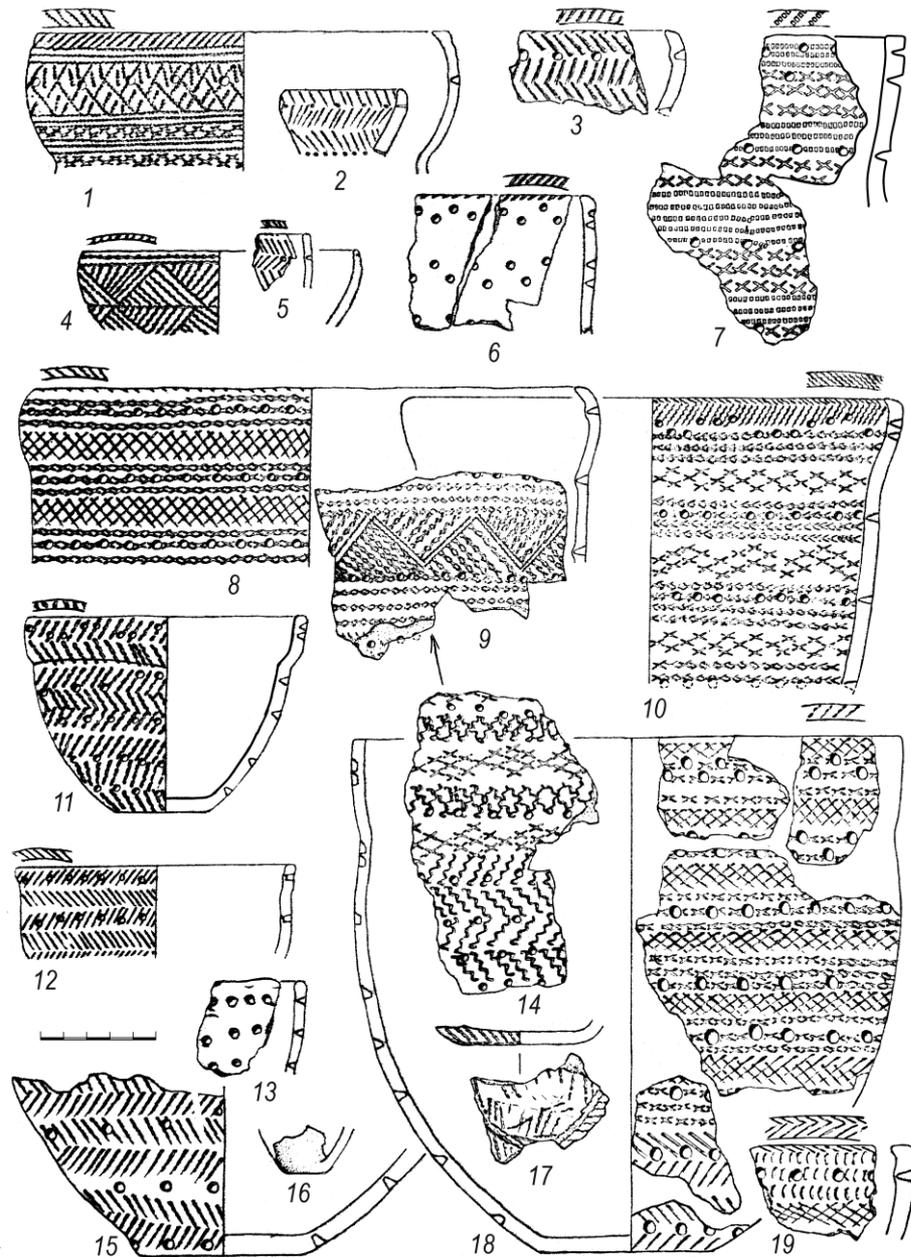


Рис. 1. Селище Барсова Гора I/40. Керамика атлымской культуры  
 Fig. 1. The settlement of Barsova Gora I/40. Ceramics of the Atlym culture

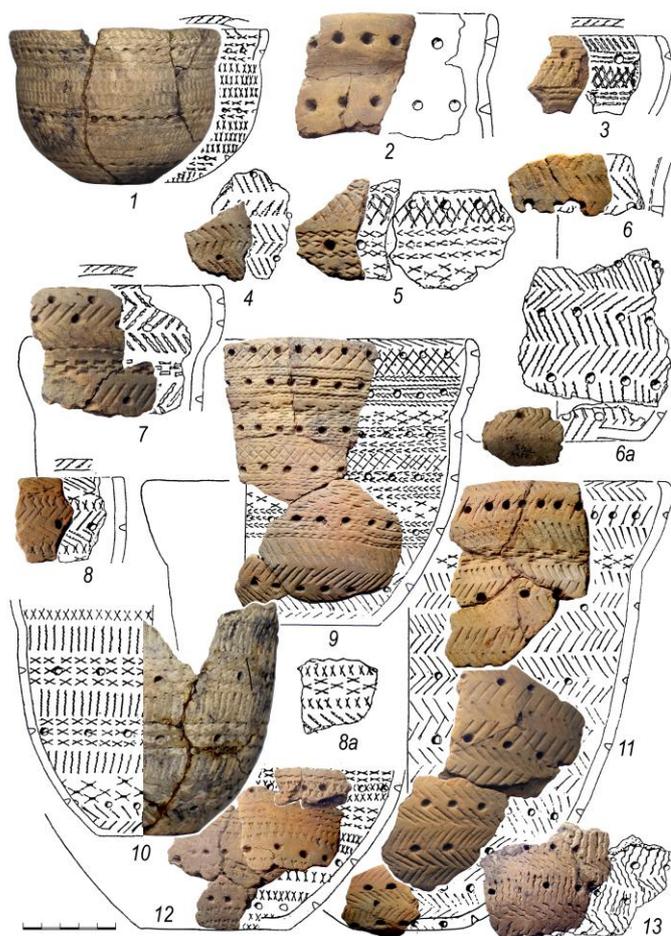


Рис. 2. Селище Барсова Гора I/22a. Керамика атлымской культуры  
 Fig. 2. The settlement of Barsova Gora I/22a. Ceramics of the Atlym culture

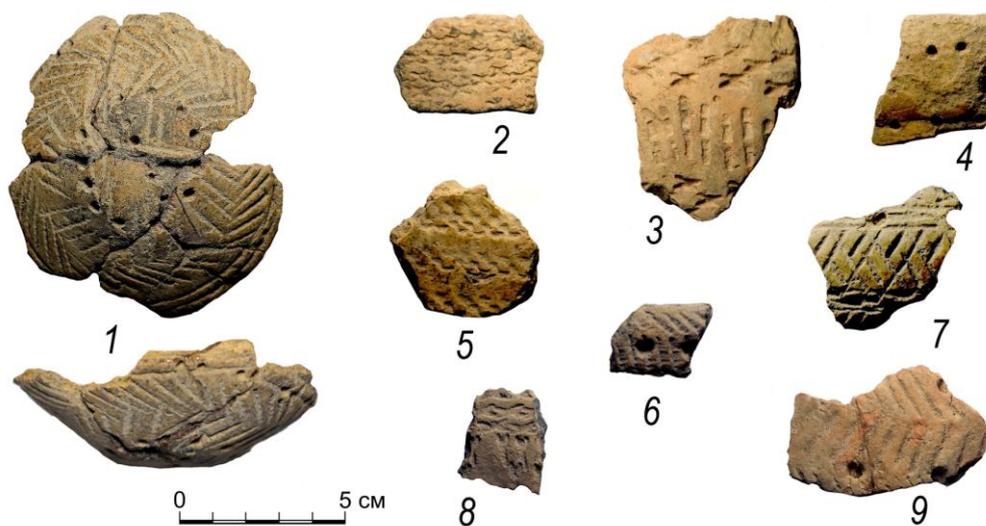


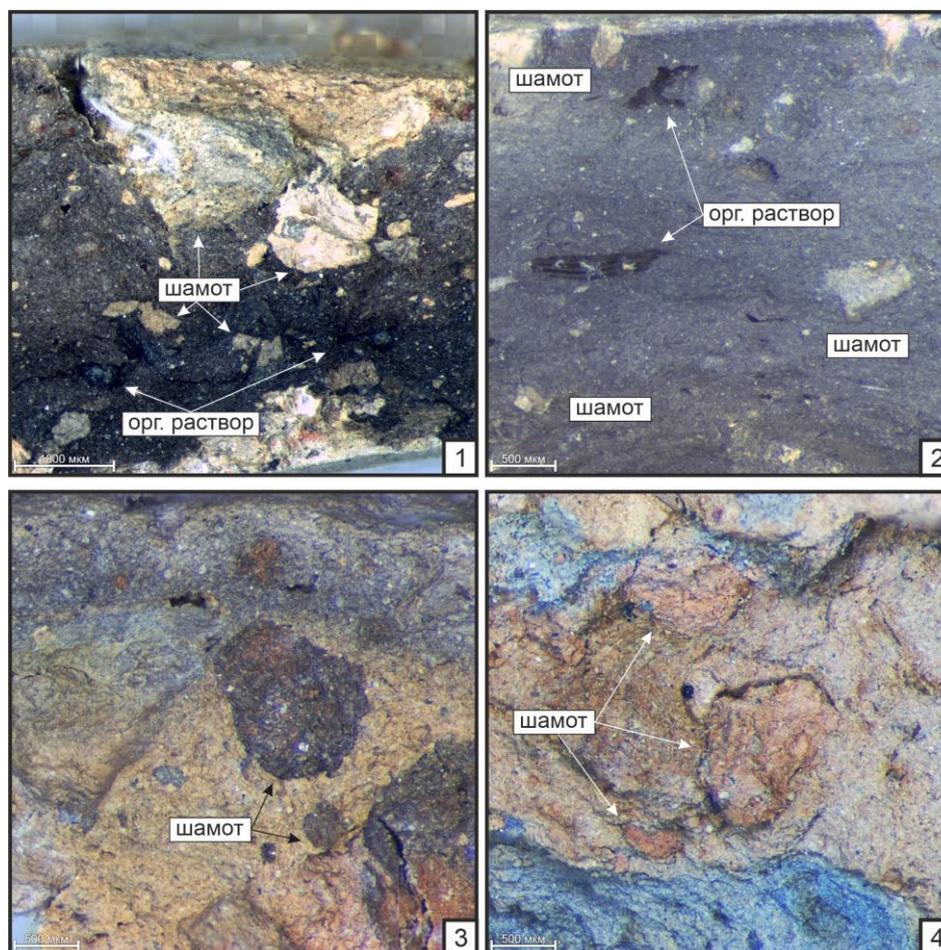
Рис. 3. Селище Барсова Гора IV/4. Керамика атлымской культуры  
 Fig. 3. Barsova Gora settlement IV/4. Ceramics of the Atlym culture

Цель исследования – реконструкция содержания этапов гончарного производства у носителей атлымской культуры из поселенческих памятников Барсовой Горы.

Для всей посуды выполнен технико-технологический анализ по методике, предложенной А. А. Бобринским в соответствии с естественной структурой гончарного производства [Бобринский, 1978; 1999]. Определения проводились при помощи бинокулярной микроскопии (микроскоп Leica M51) поверхностей и изломов изделий с последующим сравнением с экспериментальной коллекцией технологических следов. Выделение технологической информации происходило с опорой на специализированную научную литературу и «Каталог этапов по керамической трасологии», подготовленный И. Н. Васильевой и Н. П. Салугиной (см.: [Бобринский, 1978; 1999; Цетлин, 2012; 2017; Васильева, Салугина, 2020] и др.).

### Результаты исследования керамики

*Отбор исходного пластичного сырья.* Во всех памятниках исходным сырьем служили природные железненные глины (рис. 4). На селище Барсова Гора I/40 (проанализировано 13 изд.) можно определить четыре подвида глины.



*Рис. 4.* Микрофотографии изломов керамики атлымской культуры с селищ Барсова Гора I/40 (1, 2) и Барсова Гора I/22a (3, 4):

1, 2 – шамот и органический раствор; 3, 4 – шамот

*Fig. 4.* Microphotographs of the fractures of the ceramics of the Atlym culture from settlements Barsova Gora I/40 (1, 2) and Barsova Gora I/22a (3, 4):

1, 2 – chamotte and organic solution; 3, 4 – chamotte

Глина 1 (9 изд.) – слабозапесоченное сырье с естественной примесью мелкого и среднего окатанного прозрачного и глухого песка (до 4 включений на 1 кв. см) и мелкого и среднего окатанного бурого железняка.

Глина 2 (2 изд.) – среднезапесоченное сырье с естественной примесью мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (7–9 включений на 1 кв. см) и мелкого и среднего окатанного бурого железняка.

Глина 3 (1 изд.) – сильнозапесоченное сырье с естественной примесью пылеватого и мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (до 50 включений на 1 кв. см) с естественной примесью мелкого и среднего окатанного бурого железняка.

Глина 4 (1 изд.) – слабозапесоченная глина (до 2 включений мелкого песка на 1 кв. см). Зафиксирован единичный обрывок растительности.

Во все подвиды глин вводился шамот. Органический раствор использовался только с глиной 1.

В селище Барсова Гора IV/4 (9 изд.) установлено три подвида исходного пластичного сырья, для которых характерна слабая запесоченность (до 3 включений мелкого окатанного песка на 1 кв. см).

Глина 1 (4 изд.) – в этом сырье обнаружены включения разноразмерного окатанного бурого железняка.

Глина 2 (4 изд.) – для этого подвида характерно наличие только мелких (до 0,9 мм) фракций окатанного бурого железняка.

Глина 3 (1 изд.) – зафиксировано единичное включение обрывка стебля растительности (до 2 мм).

В глины 1 и 2 добавляли весь ассортимент минеральных и органических примесей. В глину 3 вводился только мелкий окатанный песок.

В поселении Барсова Гора I/22a (7 изд.) установлены три подвида глин.

Глина 1 (4 изд.) – слабозапесоченная с естественной примесью мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (до 5 включений на 1 кв. см) с фракциями мелкого и среднего окатанного бурого железняка.

Глина 2 (2 изд.) – среднезапесоченная с естественной примесью пылевидного и мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (11–13 включений на 1 кв. см) с фракциями разноразмерного окатанного бурого железняка.

Глина 3 (1 изд.) – высокозапесоченная (до 25 включений окатанного песка на 1 кв. см) с фракциями мелкого и среднего окатанного бурого железняка.

Во все выделенные подвиды глин добавляли шамот.

Таким образом, в разных поселениях атлымской культуры для производства посуды гончарами добывались ожелезненные глины. Во всех памятниках гончары использовали несколько глинищ.

*Составление формовочных масс.* Во всех проанализированных памятниках выявлены одно- и многокомпонентные рецепты (табл. 1; рис. 4). Концентрация минеральных примесей для разных памятников представлена в табл. 2.

В поселении Барсова Гора I/40 доминируют сосуды, изготовленные с примесью некалиброванного (фракции до 5 мм) шамота. Органический раствор выявлен в виде аморфных пустот, покрытых изнутри черным веществом, и включений мелких волокон растительности.

Самым разнообразным по количеству рецептов формовочной массы является Барсова Гора IV/4, где выявлено шесть одно- и многокомпонентных составов. Это свидетельствует о заимствовании и объединении гончарных навыков проживавших на этом поселении гончаров. По всей видимости, в поселении Барсова Гора IV/4 происходило смешение как минимум двух разных групп гончаров, использовавших разные минеральные примеси – шамот и песок. Смешение разных рецептов с включением дресвы может свидетельствовать об уже произошедшем процессе объединения навыков составления формовочной массы. Шамот зафиксирован некалиброванный (5 изд.) и калиброванный по верхней границе (1 изд.), песок –

только мелкий окатанный; дресва не калибровалась (фракции до 3 мм). Органический раствор подразделяется на две подгруппы: первая представлена пустотами, покрытыми изнутри черным веществом; вторая определена в виде очень мелких (диаметром до 0,5 мм) округлых вытянутых пустот, заполненных изнутри черным веществом.

Таблица 1

Соотношение рецептов формовочных масс керамики  
из разных памятников атлымской культуры

Table 1

The ratio of recipes for ceramics molding masses  
from different sites of the Atlym culture

Рецепт формовочной массы	Памятник		
	БГ I/40	БГ IV/4	БГ I/22a
Г + Ш	10	2	7
Г + П	–	2	–
Г + П + Д	–	1	–
Г + Ш + П	–	2	–
Г + Ш + ОР	3	–	–
Г + П + ОР	–	1	–
Г + П + Ш + ОР	–	1	–
<b>ВСЕГО изделий</b>	<b>13</b>	<b>9</b>	<b>7</b>

Сокращения: Г – глина; Ш – шамот; П – песок; Д – дресва; ОР – органический раствор.

Таблица 2

Соотношение концентраций минеральных примесей  
в керамике на памятниках атлымской культуры

Table 2

The ratio of the chamotte concentration  
in ceramics from sites of the Atlym culture

Концентрация	Памятник				
	БГ I/40	БГ IV/4			БГ I/22a
	шамот	шамот	песок	дресва	шамот
1 : 1	–	–	1	–	–
1 : 3	4	–	–	1	–
1 : 4	2	2	2	–	1
1 : 4–5	1	–	2	–	1
1 : 5	1	–	2	–	1
1 : 5–6	2	1	–	–	2
1 : 6	3	1	–	–	2
1 : 7–8	–	1	–	–	–
<b>ВСЕГО изделий</b>	<b>13</b>	<b>5</b>	<b>7</b>	<b>1</b>	<b>7</b>

Посуда из поселения Барсова Гора I/22a демонстрирует обратную ситуацию: здесь проживали гончары со сложившейся технологией, включающей составление единственного рецепта – «глина + шамот». Шамот во всех изделиях не калиброван (фракции до 4 мм).

*Конструирование начина и полого тела.* Определение способов конструирования начина и полого тела для керамики поселений Барсова Гора I/40, I/22a осуществлялось по днищам,

венчикам и стенкам посуды. Фрагменты посуды из памятника Барсова Гора IV/4 сильно фрагментированы, что не позволяет однозначно определить способы конструирования. Начины сосудов из селищ Барсова Гора I/40 и Барсова Гора I/22а изготавливались по донно-ёмкостной программе, полое тело наращивалось при помощи лоскутов. Отпечатков форм-моделей не выявлено.

*Обработка поверхностей сосудов.* Поверхности сосудов во всех памятниках обрабатывались механическим заглаживанием и лощением, выполнявшимися различными инструментами в разнообразных сочетаниях (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение инструментов обработки внешней и внутренней поверхностей сосудов в разных памятниках атлымской культуры

Table 3

The ratio of tools for the vessels outer and inner surfaces processing for different sites of the Atlym culture

№ п/п	Поверхность		Памятник		
	внешняя	внутренняя	БГ I/40	БГ IV/4	БГ I/22а
1	Заглажена твердым гладким орудием и залощена	Заглажена пальцами	–	3	2
2	Заглажена твердым гладким орудием	Заглажена пальцами	5	3	–
3	Заглажена твердым гладким орудием и залощена		1	1	–
4	Заглажена твердым гладким орудием и залощена	Заглажена твердым гладким орудием	–	1	1
5	Заглажена твердым гладким орудием	Заглажена твердым зубчатым орудием	–	1	–
6	Заглажена твердым гладким орудием		6	–	3
7	Заглажена пальцами		1	–	–
8	Заглажена пальцами	Заглажена твердым гладким орудием	–	–	1
<b>ВСЕГО изделий</b>			<b>13</b>	<b>9</b>	<b>7</b>

В памятнике Барсова Гора I/40 внешняя сторона сосудов заглаживалась твердым гладким орудием (12 изд.) или пальцами (1 изд.). Внутренняя поверхность обработана твердым гладким орудием (7 изд.) или пальцами (6 изд.). Выявлено четыре варианта комбинирования разных инструментов при обработке внешней и внутренней поверхностей (см. табл. 3).

В памятнике Барсова Гора IV/4 внешняя поверхность всех сосудов обрабатывалась твердым гладким орудием. На четырех сосудах поверхность дополнительно лощилась. Внутренняя поверхность заглажена твердым гладким орудием (2 изд.), зубчатым орудием (1 изд.) или пальцами (6 изд.). Выделено пять вариантов комбинирования (см. табл. 3).

В памятнике Барсова Гора I/22а внешняя поверхность обработана твердым гладким орудием (6 изд.) или пальцами (1 изд.); внутренняя – твердым гладким орудием (5 изд.) или пальцами (2 изд.). Установлено четыре варианта комбинирования (см. табл. 3).

*Придание изделиям прочности и влагонепроницаемости.* Изделия во всех памятниках обжигались при температурах выше каления глины (от 550–650 до 900–1 100 °С), что подтверждается отсутствием остаточной пластичности, характерной для низкотемпературного обжи-

га, и следов спекания глины до стекловидного состояния, типичных для температур выше 900–1 200 °С. В селище Барсова Гора I/40 изломы подразделяются на одноцветные (светло-коричневые, 1 изд.) и двухцветные (светло-коричневый край и серая внутренняя сторона, 3 изд.; светло-коричневый край и темно-серый центр, 9 изд.). В памятнике Барсова Гора IV/4 – одноцветные (коричневые, 1 изд.; светло-коричневые, 2 изд.), двухцветные (светло-коричневый край и серая внутренняя сторона, 2 изд.; светло-коричневый край и темно-серый центр, 4 изд.). В памятнике Барсова Гора I/22a – одноцветные (коричневые, 3 изд.), двухцветные (светло-коричневый край и серая внутренняя сторона, 1 изд.; светло-коричневый край и темно-серый центр, 3 изд.). Обжиг изделий на всех памятниках мог проходить в двух режимах: в восстановительной и восстановительно-окислительной среде.

### Обсуждение результатов

Керамика атлымской культуры (в том числе технология производства) ранее попадала в поле зрения исследователей. Так, И. Г. Глушковым и Т. М. Захожей проанализирована атлымская керамика с памятников Нижнего Прииртышья. Отмечено, что для составления формовочных масс использовались песок, дресва, реже шамот. Сосуды изготавливались при помощи жгутов и лент. Поверхность изделий заглаживалась твердым плоским орудием. Для придания формы сосудам использовалось выбивание [Глушков, Захожая, 2000].

Л. Н. Мыльниковой изучена атлымская керамика с городища Чича-1 с применением методов естественных наук. Посуда была изготовлена из суглинков гидрослюдистого состава с примесью хлорита. Характерный рецепт формовочной массы – «глина + породные обломки + органика». Орнамент на изделиях выполнен оттисками мелкого крестового штампа. Также были изучены материалы памятника Малый Атлым. Единственным установленным рецептом для этой посуды является рецепт «глина + породные обломки (гранитоиды)» [Мыльникова, 2015].

Помимо керамики атлымской культуры, исследователями проведен технико-технологический анализ посуды красноозерской культуры, в генезисе которой исследователями отмечается атлымский компонент. На городище Чича-1 определено, что сосуды этой культуры изготовлены из тяжелых суглинков монтмориллонит-гидрослюдистого состава. Определен один рецепт – «глина + шамот + песок + органика» [Мыльникова и др., 2009, с. 160]. На поселении Мергень 2 как исходное пластичное сырье применялись илестые глины и глины различной степени запесоченности. Чаще использовались сильнозапесоченные илестые глины, реже – слабозапесоченное исходное пластичное сырье. При составлении формовочных масс использовались шамот, органический раствор и, возможно, выжимка из навоза жвачных животных. Начины были изготовлены по донно-ёмкостной программе, для изготовления полого тела применялись лоскуты и, возможно, короткие жгутики, зафиксированы следы выбивки [Илюшина, Зимица, 2017].

Для сравнения нами был выполнен технико-технологический анализ атлымской посуды из памятников Низямы IV (2 изд.) и Шеркалы IX (2 изд.), расположенных в Нижнем Приобье. Керамика обоих памятников изготовлена из ожежененных низкозапесоченных (до 6 включений мелкого окатанного песка на 1 кв. см) глин с естественной примесью бурого железняка. Все изделия изготовлены по несмешанному рецепту «глина + дресва». Дресва не калибровалась и вводилась в концентрации 1 : 1–4. Поверхности заглаживались твердым гладким орудием. Изломы одноцветные черные (3 изд.) или двухцветные (коричневый внешний край толщиной до 2 мм, темно-серый внутренний край толщиной до 4 мм; 1 изд.).

Керамика атлымской культуры с селища Барсова Гора IV/4 демонстрирует наибольшее сходство в технологии с посудой из Нижнего Прииртышья. Гончары этих территорий использовали схожий ассортимент минеральных добавок – песок, дресву, реже шамот. Поверхности изделий заглаживались твердым гладким орудием. Отличие проявляется в способах конструирования полого тела: для территории Нижнего Прииртышья характерно использование жгутов и лент, для Барсовой Горы – лоскутов. Следует, однако, иметь в виду, что ма-

териал этого селища представлен, за исключением одного сосуда, сборами с поверхности, и нам неизвестно соотношение разрушенных атлымских объектов на нем.

Технология керамики памятников Барсова Гора I/40 и Барсова Гора I/22a не находит прямых аналогов в ранее изученных комплексах атлымской культуры Западной Сибири. Для гончарной технологии «атлымцев» на территории Нижнего Прииртышья, Барабы и Нижнего Приобья не характерно доминирование рецептов с шамотом. При этом использование шамота как основной минеральной добавки и органических растворов характерно для гончарства более поздней красноозерской культуры, в основе которой может лежать атлымский компонент. Схожи и навыки конструирования начина и полого тела.

### Заключение

По результатам технико-технологического анализа определено, что гончары атлымской культуры на Барсовой Горе для изготовления керамики отбирали ожелезненные глины, различающиеся по степени запесоченности и наличию естественных включений раковин и обрывков растительности. Во всех селищах гончарами эксплуатировались несколько глиниц. Рецепты формовочных масс и их ассортимент значительно варьируют от поселения к поселению. Так, самые устойчивые навыки характерны для керамики из селища Барсова Гора I/22a, для которого был зафиксирован только один рецепт – «глина + шамот». Это свидетельствует об однородности гончарных традиций у проживавших на этом памятнике. Схожую тенденцию демонстрирует и селище Барсова Гора I/40, где основной примесью является некалиброванный шамот. Керамическая технология гончаров этих двух памятников схожа, и, по всей видимости, эти поселения были оставлены близкими группами атлымского населения со схожими гончарными навыками. Возможно, представители этих групп приняли участие в генезисе красноозерской культуры Приишимья, так как между ними зафиксировано значительное сходство в приспособительных и созидательных навыках изготовления керамики.

Противоположную ситуацию можно наблюдать в селище Барсова Гора IV/4, где выявлено шесть одно- и многокомпонентных составов. Это свидетельствует о заимствовании и объединении гончарных навыков. На этом памятнике, возможно, проживали несколько разных групп гончаров, использовавших разный ассортимент примесей для составления формовочных масс. Вероятно, селище Барсова Гора IV/4 был оставлен другой группой атлымского населения с иными гончарными навыками, которые отличаются от навыков «атлымцев» с селищ Барсова Гора I/22a и I/40. Можно предположить, что атлымское население селища Барсова Гора IV/4 пришло на Барсову Гору с иных территорий, возможно, из Нижнего Прииртышья.

### Список литературы

- Арефьев В. А., Рогозинникова Ю. В.** Сырой Аган, комплекс археологических памятников // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: Сократ, 2005. Т. 4 (дополнительный): А–Я. С. 38–39.
- Бобринский А. А.** Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А. А.** Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Васильев Е. А.** Северо-таёжное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья. Томск: Изд-во ТГУ, 1982. С. 3–14.
- Васильев Е. А.** Атлымская культура // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: Сократ, 2000. Т. 1: А–И. С. 76–77.

- Васильева И. Н., Салугина Н. П.** Электронный каталог эталонов по керамической трасологии. Самара, 2020. URL: <http://archsamara.ru/katalog> (дата обращения 01.01.2022).
- Глушков И. Г., Захожая Т. М.** Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. Сургут: Изд-во СурГПИ, 2000. 201 с.
- Зими́на О. Ю., Сизов О. С., Цембалюк С. И.** Стратегии заселения на рубеже бронзового и железного веков: природные и палеоэкономические факторы (лесостепная – подтаежная зоны в долине р. Тобол) // Уральский исторический вестник. 2021. № 3 (72). С. 50–60. DOI 10.30759/1728-9718-2021-3(72)-50-60
- Илюшина В. В., Зими́на О. Ю.** Технология изготовления керамики у населения красноозерской культуры (по материалам поселения Мергень 2 в Нижнем Приишимье) // РА. 2017. № 2. С. 88–99.
- Косарев М. Ф.** Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 220 с.
- Львов Ю. А.** Болотный процесс как фактор среды обитания человека в Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 12–18.
- Мыльникова Л. Н.** Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 42 с.
- Мыльникова Л. Н., Болдырев В. В., Дребушак В. А., Дребушак Т. Н., Деревянко Е. И.** Инструментальное исследование керамики городища Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 3. С. 150–176.
- Скоробогатова А. Ю.** Датировка атлымского керамического комплекса поселения Сырой Аган-5 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. № 18–19. С. 233–238.
- Скоробогатова А. Ю., Пономарева Т. М.** Особенности атлымской керамики Сургутского Приобья (по материалам городища Стрелка) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография. С. 74–89. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-74-89
- Цетлин Ю. Б.** Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. М.: Изд-во ИА РАН, 2012. 379 с.
- Цетлин Ю. Б.** Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: Изд-во ИА РАН, 2017. 346 с.
- Челякин Ю. П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.
- Челякин Ю. П., Кокшаров С. Ф.** Поселение начала I тысячелетия до н. э. на Барсовой горе // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1984. С. 115–130.

### References

- Arefev V. A., Rogozinnikova Yu. V.** Syroi Agan, kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov [Syroy Agan, a complex of archeological sites]. In: Yugoriya. Entsiklopediya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga [Ugoria. Encyclopedia of the Khanty-Mansiysk Autonomous District]. Khanty-Mansiysk, Sokrat Publ., 2005, vol. 4 (supplementary), pp. 38–39. (in Russ.)
- Bobrinsky A. A.** Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery technology as an object of historical and cultural study]. In: Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Actual problems of studying ancient pottery]. Samara, SamSPU Press, 1999, pp. 5–109. (in Russ.)
- Bobrinsky A. A.** Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow, Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.)

- Chemiyakin Yu. P.** Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost' [Barsova Gora: Essays on the Archaeology of Surgut Priob'ye. Antiquity]. Surgut; Omsk, Omskii dom pechati Publ., 2008, 224 p. (in Russ.)
- Chemiyakin Yu. P., Koksharov S. F.** Poselenie nachala I tysyacheletiya do n. e. na Barsovoi Gore [Settlement of the early 1st millennium BC on Barsova Gora]. In: Drevnie poseleniya Urala i Zapadnoi Sibiri [Ancient settlements of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk, Ural State Uni. Press, 1984, pp. 115–130. (in Russ.)
- Glushkov I. G., Zakhzhaya T. M.** Keramika epokhi pozdnei bronzy Nizhnego Priirtysh'ya [Ceramics of the Late Bronze Age of the Lower Irtysh Region]. Surgut, SurSU Press, 2000, 201 p. (in Russ.)
- Ilyushina V. V., Zimina O. Yu.** Tekhnologiya izgotovleniya keramiki u naseleniya krasnoozerskoi kul'tury (po materialam poseleniya Mergen' 2 v Nizhnem Priishim'e) [Technology of ceramics production in the population of the Krasnoozerskaya culture (on the materials of the settlement Mergen 2 in Lower Priishimye)]. *Rossiiskaya arkheologiya [Russian Archeology]*, 2017, no. 2, pp. 88–99. (in Russ.)
- Kosarev M. F.** Drevnie kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya [Ancient Cultures of the Tomsk-Narym Priob'y]. Moscow, Nauka, 1974, 220 p. (in Russ.)
- Lvov Yu. A.** Bolotnyi protsess kak faktor srede obitaniya cheloveka v Zapadnoi Sibiri [Swamp process as a factor of human environment in Western Siberia]. In: Osobennosti estestvenno-geograficheskoi srede i istoricheskie protsessy v Zapadnoi Sibiri [Features of natural-geographical environment and historical processes in Western Siberia]. Tomsk, TSU Press, 1979, pp. 12–18. (in Russ.)
- Mylnikova L. N.** Keramika perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku lesostepnoi zony Zapadnoi Sibiri: dialog kul'tur [Ceramics of the Transitional Time from the Bronze to the Iron Age in the Forest-Steppe Zone of Western Siberia: Dialogue of Cultures]. Abstract of Dr. Hist. Sci. Diss. Novosibirsk, 2015, 42 p. (in Russ.)
- Mylnikova L. N., Boldyrev V. V., Drebuschak V. A., Drebuschak T. N., Derevyanko E. I.** Instrumental'noe issledovanie keramiki gorodishcha Chicha-1 [Instrumental Research of ceramics of Chicha-1 Fort Site]. In: Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoj lesostepi [Chicha – Fort Site of Transition from Bronze to Iron Age in the Baraba Barabinsk forest-steppe]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2009, vol. 3, pp. 150–176. (in Russ.)
- Skorobogatova A. Yu.** Datirovka atlymskogo keramicheskogo kompleksa poseleniya Syroi Agan-5 [Dating of the Atlym ceramics complex of Syroy Agan-5]. In: Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraja [Conservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul, AltSU Press, 2013, no. 18–19, pp. 233–238. (in Russ.)
- Skorobogatova A. Yu., Ponomaryova T. M.** Peculiarities of the Atlym Ceramics Found in the Surgut Ob River Area (Based on the Materials of the Strelka Site). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 74–89. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-74-89
- Tsetlin Yu. B.** Drevnyaya keramika: Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient ceramics: Theory and methods of historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2012, 379 p. (in Russ.)
- Tsetlin Yu. B.** Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ceramics. Concepts and terms of the historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2017, 346 p. (in Russ.)
- Vasilev E. A.** Atlymskaya kul'tura [Atlym culture]. In: Yugoriya. Entsiklopediya Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga [Ugoria. Encyclopedia of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. Khanty-Mansiisk, Sokrat Publ., 2000, vol. 1, pp. 76–77. (in Russ.)
- Vasilev E. A.** Severo-taezhnoe Priob'e v epokhu pozdnei bronzy (khronologiya i kul'turnaya pri-nadlezhnost' pamyatnikov) [The North taiga Priob'ye in the Late Bronze Age (chronology and

cultural belonging of sites)]. In: *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya* [Archaeology and ethnography of Priob'ye]. Tomsk, TSU Press, 1982, pp. 3–14. (in Russ.)

**Vasileva I. N., Salugina N. P.** Elektronnyi katalog etalonov po keramicheskoi trasologii [Electronic catalog of etalons for ceramic tracing]. Samara, 2020. (in Russ.) URL: <http://archsamara.ru/katalog> (accessed 01.01.2022).

**Zimina O. Yu., Sizov O. S., Tsembalyuk S. I.** Strategii zaseleniya na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov: prirodnye i paleoekonomicheskie faktory (lesostepnaya – podtaezhnaya zony v doline r. Tobol) [Population strategies at the Bronze and Iron Age boundary: natural and paleoeconomic factors (forest-steppe – subtaiga zone in the Tobol River valley)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [The Ural Historical Bulletin], 2021, no. 3 (72), pp. 50–60. (in Russ.) DOI 10.30759/1728-9718-2021-3(72)-50-60

### Информация об авторах

**Дмитрий Вадимович Селин**, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 56676168000

WoS Researcher ID M-5333-2019

RSCI Author ID 739271

**Юрий Петрович Чемякин**, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57189441288

WoS Researcher ID AAQ-6501-2021

RSCI Author ID 770955

### Information about the Authors

**Dmitrii V. Selin**, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 56676168000

WoS Researcher ID M-5333-2019

RSCI Author ID 739271

**Yuriy P. Chemyakin**, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57189441288

WoS Researcher ID AAQ-6501-2021

RSCI Author ID 770955

*Статья поступила в редакцию 23.01.2023;*

*одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 15.02.2023*

*The article was submitted on 23.01.2023;*

*approved after reviewing on 10.02.2023; accepted for publication on 15.02.2023*

Научная статья

УДК 904.2

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-79-94

## Этнокультурная принадлежность могильника Сичагоу по материалам поясных блях культуры хунну

Хан Чжин Сон<sup>1</sup>

Кан Ин Ук<sup>2</sup>

Университет Кёнхи  
Сеул, Республика Корея

<sup>1</sup> jinseong.han@khu.ac.kr, <https://orcid.org/0009-0000-8405-3457>

<sup>2</sup> kanginuk@khu.ac.kr, <https://orcid.org/0000-0002-4549-1267>

### Аннотация

Рассматривается вопрос об этнокультурной принадлежности населения, оставившего могильник Сичагоу, расположенный в пров. Ляонин КНР. Это уникальный погребальный комплекс, на котором зафиксировано несколько сотен захоронений разной степени сохранности. Инвентарные комплексы захоронений включают керамику, изделия из бронзы, железа и камня. Материалы памятника демонстрируют черты различных культур – хунну, пуё, Хань, сяньби и т. д. Решение проблемы определения этнокультурной принадлежности населения, оставившего могильник Сичагоу, напрямую зависит от выбранной в качестве материала категории инвентаря. В настоящей статье этот вопрос рассмотрен по материалам бронзовых поясных блях с зооморфным декором. Основная причина такого выбора материала кроется в том, что форма и орнаментака поясных блях отражают этнокультурную идентичность индивидуума или группы. На памятнике Сичагоу обнаружено 17 поясных блях трех типов, которые находят аналоги на обширной территории распространения культуры хунну в Северной Евразии. В заключение сделан вывод о том, что население, создавшее памятник Сичагоу, по этнической принадлежности не относится к хунну, но подверглось мощному влиянию со стороны этой культуры. Население Сичагоу сформировалось на основе местной культуры предшествующего периода, но в его формирование внесли свой вклад различные и многообразные культуры восточной части пров. Ляонин и западной части пров. Цилинь, среди которых на текущем этапе удастся идентифицировать хуннский и пуёский компоненты.

### Ключевые слова

Китай, Центральная Азия, хунну, Сичагоу, могильник, поясные бляхи, этнокультурная принадлежность

### Благодарности

Работа выполнена при поддержке Министерства образования Республики Корея и Национального исследовательского фонда Республики Корея (проект № NRF-2022S1A5C2A01093269)

### Для цитирования

Хан Чжин Сон, Кан Ин Ук. Этнокультурная принадлежность могильника Сичагоу по материалам поясных блях культуры хунну // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 79–94. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-79-94

## Ethnic and Cultural Affiliation of the Xichaogou Burial Ground Based on Materials of the Xiongnu Culture Belt Plaques

Han Jinseong<sup>1</sup>, Kang In Uk<sup>2</sup>

Kyung Hee University  
Seoul, Republic of Korea

<sup>1</sup> jinseong.han@khu.ac.kr, <https://orcid.org/0009-0000-8405-3457>

<sup>2</sup> kanginuk@khu.ac.kr, <https://orcid.org/0000-0002-4549-1267>

### Abstract

*Purpose* of the work is to determine the ethnic and cultural affiliation of the population that left the Xichaogou burial ground. Xichaogou is an expressive archaeological complex located in the Liaoning region of China. The uniqueness of this necropolis lies in the fact that several hundred burials of varying degrees of preservation have been recorded in it. Inventory complexes of burials include ceramics, objects made of bronze, iron and stone. The materials of the site demonstrate the features of various cultures – Xiongnu, Buyeo, Han, Xianbi and etc. Since the burial inventory of the Xichaogou burial site demonstrates multicultural features, the question of the ethnic and cultural affiliation of the population that created this site is debatable.

*Materials and methods.* In previous works, the problem of ethnic identification of the Xichaogou burial ground was solved on the basis of certain categories of grave artefacts. In this paper, the questions of the ethnic and cultural affiliation of the Xichaogou site are considered on the material of the belt plaques decorated in the animal style. The main reason for this choice of material is that the shape and ornament of belt plaques reflect the ethnic and cultural identity of an individual or group in nomadic cultures. 17 belt plaques were found at the Xichaogou site. The entire amount of material is divided into 3 types according to such features as shape, rim ornament (teardrop-shaped, dotted, herringbone), manufacturing technique (presence of through openwork holes), method of fastening (presence of eyelets on the back side), function as part of a belt set (presence peg). A search for analogies to the groups of belt plaques in the Xiongnu culture, identified in the materials of the Sichaogou site, has been undertaken.

*Result.* It has been established that belt plaques from the materials of the Xichaogou burial ground find analogies in the vast territory of the Xiongnu culture in Northern Eurasia.

*Conclusion.* It can be concluded that the population that created the Xichaogou site does not belong to the Xiongnu by ethnic origin, but was strongly influenced by this culture. The population of Xichaogou was formed on the basis of the local culture of the previous period. Various and diverse cultures of the eastern part of the Liaoning and the western part of the Jilin regions also contributed to its formation. At the current stage it is possible to identify the Xiongnu and Buyeo cultural components.

### Keywords

China, Central Asia, Xiongnu, Xichagou, burial ground, belt plaques, ethnic and cultural affiliation

### Acknowledgements

This work was supported by the Ministry of Education of the Republic of Korea and the National Research Foundation of Korea (project no. NRF-2022S1A5C2A01093269)

### For citation

Han Jinseong, Kang In Uk. Ethnic and Cultural Affiliation of the Xichaogou Burial Ground Based on Materials of the Xiongnu Culture Belt Plaques. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 79–94. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-79-94

## Введение

Могильник Сичагоу был открыт в конце 1950-х гг. [Сунь Шоудао, 1957; 1960]. В материалах этого памятника обнаружены черты многих культур – хунну, пуй, Хань и др. Это обстоятельство вызвало бурные дискуссии по поводу этнокультурной принадлежности памятника. В материалах могильника присутствуют поясные бляхи хуннуского облика, характерные для культуры хунну и получившие широкое распространение в Восточной Азии бронзовые украшения и предметы конской упряжи, керамика, а также бронзовые изделия и предметы конской упряжи местного облика и популярные на территориях, расположенных значительно севернее могильника, изделия из камня. После того, как отчет о раскопках могильника Сичагоу был полностью опубликован [Сифэн Сичагоу..., 2020], у исследователей появилась

возможность аргументировать свою позицию по вопросу этнокультурной принадлежности населения, оставившего данный могильник.

Памятник Сичагоу уникален. Это огромный могильник, в котором выявлено несколько сотен захоронений. При этом погребальный инвентарь демонстрирует поликультурные черты, поэтому и результат исследований, проводимых в целях установления этнокультурной принадлежности населения, оставившего могильник, будет напрямую зависеть от выбранного комплекса предметов.

В настоящей работе вопросы этнокультурной принадлежности памятника Сичагоу рассматриваются на материале украшенных звериными изображениями поясных блях. Такие бляхи представляют собой типичные предметы культуры кочевников. Основным элементом декора этих изделий являлись обитавшие в степи животные – олени, лошади, верблюды. Бляхи считаются ключевыми артефактами для изучения кочевых обществ раннего железного века на территории скифо-сибирского мира. Бляхи имели достаточно широкое применение: их использовали как составные части поясной гарнитуры, украшения на костюм (подвески) или декоративные элементы конской упряжи. Среди остальных категорий инвентаря поясные бляхи выделяются сравнительно высокой степенью изученности, чему есть несколько причин. Во-первых, пояса являлись неотъемлемой частью одежды всех кочевников, выполняли функцию стягивания одежды и создавали дополнительную защиту от холода. Во-вторых, поясные бляхи использовались кочевниками на протяжении нескольких эпох и имеют определенную локальную и хронологическую привязку. В-третьих, форма и орнаментика поясных блях отражают этнокультурную идентичность индивидуума или группы. Это объясняет, почему именно поясные бляхи были выбраны в качестве основы для ответа на дискуссионный вопрос об этнической идентификации населения, оставившего могильник Сичагоу.

## Материалы

### Анализ поясных блях из материалов могильника Сичагоу

На могильнике Сичагоу, расположенном в у. Сифэн пров. Ляонин, обнаружено 33 бронзовые бляхи, к категории поясных блях из них относится 17. На одно погребение приходится по 1–2 экз. Все бляхи обнаружены в процессе разбора практически полностью разграбленных захоронений. Исключение составляют бляхи из изученного в процессе стационарных археологических раскопок захоронения М35 [Сифэн Сичагоу..., 2020, т. 1]. Бóльшая часть погребений могильника Сичагоу на момент исследований оказалась разграбленной, поэтому в нашем распоряжении очень мало данных о контексте обнаружения блях. Некоторые сведения о них, а также о сопровождающем инвентаре можно получить из материалов раскопок захоронения М35, сохранность которого на момент изучения специалистами оказалась удовлетворительной.

Погребение М35 выявлено на юге участка № 86 у подножия холма Сиганлян, в западной части могильника Сичагоу. На участке № 86 было исследовано 2 погребения (М35 и М36) и зафиксировано 6 грабительских траншей [Сифэн Сичагоу..., 2020, т. 2]. В изданном в 1957 г. первом отчете на плане памятника не отмечены погребения, исследованные в процессе археологических раскопок, поэтому установить их точное местоположение не представляется возможным. Судя по отчету 2020 г., юго-восточная часть погребения к моменту проведения работ оказалась значительно разрушенной, хорошо сохранилась только северо-западная часть могилы. В центральной части захоронения обнаружены поясная бляха со звериным орнаментом и бронзовое кольцо. К востоку от них, ближе к северо-западной границе погребения, выявлены керамика, наконечники стрел из бронзы и железа, предметы конской упряжи, бусины [Сифэн Сичагоу, 2020, т. 1, с. 97–101]. Поясная бляха из погребения М35 подпрямоугольной в плане формы покрыта двумя рядами симметричных сквозных зигзагообразных

отверстий. По углам и в центре изделия между отверстиями просматриваются головы животных – предположительно, оленей.

Остальные 16 поясных блях из материалов могильника Сичагоу происходят из сильно разрушенной грабительскими траншеями центральной части памятника. Сведения о контексте их обнаружения отрывочны. По материалам захоронений Z35, Z49, Z115, Z118, Z121 и Z164 удалось установить, что в захоронениях содержалось по 1–2 бляхи, которые располагались в центральной части погребений. Вместе с бляхами найдены железные (Z49, Z119) или биметаллические (Z115, Z118, Z121) мечи (рис. 1).

### **Поясные бляхи из материалов могильника Сичагоу и аналогии в культуре хунну**

В изданных ранее трудах представлена подробная типология оформленных в зверином стиле поясных блях хунну. В основу ее положены разнообразные признаки: форма блях, изображенные на них сюжеты и орнаменты, техника изготовления [Артамонов, 1973; Дэвлет, 1980; У Энь, 1983]. Когда в качестве основного признака берется центральный сюжет изображений на бляхах, их делят на группы в соответствии с изображенным животным [У Энь, 1981; 1983; 1994; Brosseder, 2011]. Дальнейшее дробное деление основывается на том, с какими изображениями или орнаментами сочетается основной сюжет: с антропоморфными мотивами, растительным или геометрическим орнаментом. В изданном в 2020 г. отчете о раскопках могильника Сичагоу представлена типология найденных здесь поясных блях. По форме, технике изготовления и особенностям декора бляхи разделены на 5 типов: прямоугольные ажурные бляхи с зооморфным орнаментом (тип 1), прямоугольные бляхи с зооморфным орнаментом (тип 2), прямоугольные ажурные бляхи с несколькими орнаментами (тип 3), P-образные ажурные бляхи с зооморфным орнаментом (тип 4), полукруглые ажурные бляхи (тип 5) [Сифэн Сичагоу..., 2020, т. 1].

Данная типология сама по себе, на наш взгляд, не объясняет пространственно-хронологические различия между бляхами. Но даже в ней заметны некоторые признаки, такие как устойчивость форм, их связь с определенным хронологическим периодом и территорией, свидетельствующие о прямом или косвенном влиянии со стороны культуры хунну. В связи с этим необходимо изучить взаимосвязи поясных блях из материалов могильника Сичагоу и памятников культуры хунну более детально.

Поясные бляхи из материалов памятника Сичагоу датируются V в. до н. э. – серединой I в. Аналогичные предметы получили широкое распространение на территории, включающей степи Забайкалья и Монголии, а также Внутреннюю Монголию. Некоторые из них находят аналогии в материалах культуры хунну. Наличие таких бронзовых блях с изображениями животных характерно для памятников, расположенных на подвластных хунну территориях. В связи с этим изучение материалов данных памятников приобретает особую важность для прояснения этнокультурной принадлежности населения, оставившего могильник Сичагоу. Всё сказанное выше подтверждает мнение о том, что бронзовые поясные бляхи являются знаковыми материалами культуры хунну, а сопоставление блях из памятника Сичагоу с аналогичными материалами культуры хунну на соседних территориях необходимо для этнической идентификации памятника Сичагоу.

В нашем распоряжении имеется опыт классифицирования бронзовых поясных блях из памятников культуры хунну по следующим признакам: орнамент ободка (каплевидный, пунктирный, ёлочный), техника изготовления (наличие сквозных ажурных отверстий), способ крепления (наличие петелек на тыльной стороне), функция в составе поясной гарнитуры (наличие шпенька) [Хан Чинсон, 2015; 2020] (см. таблицу).

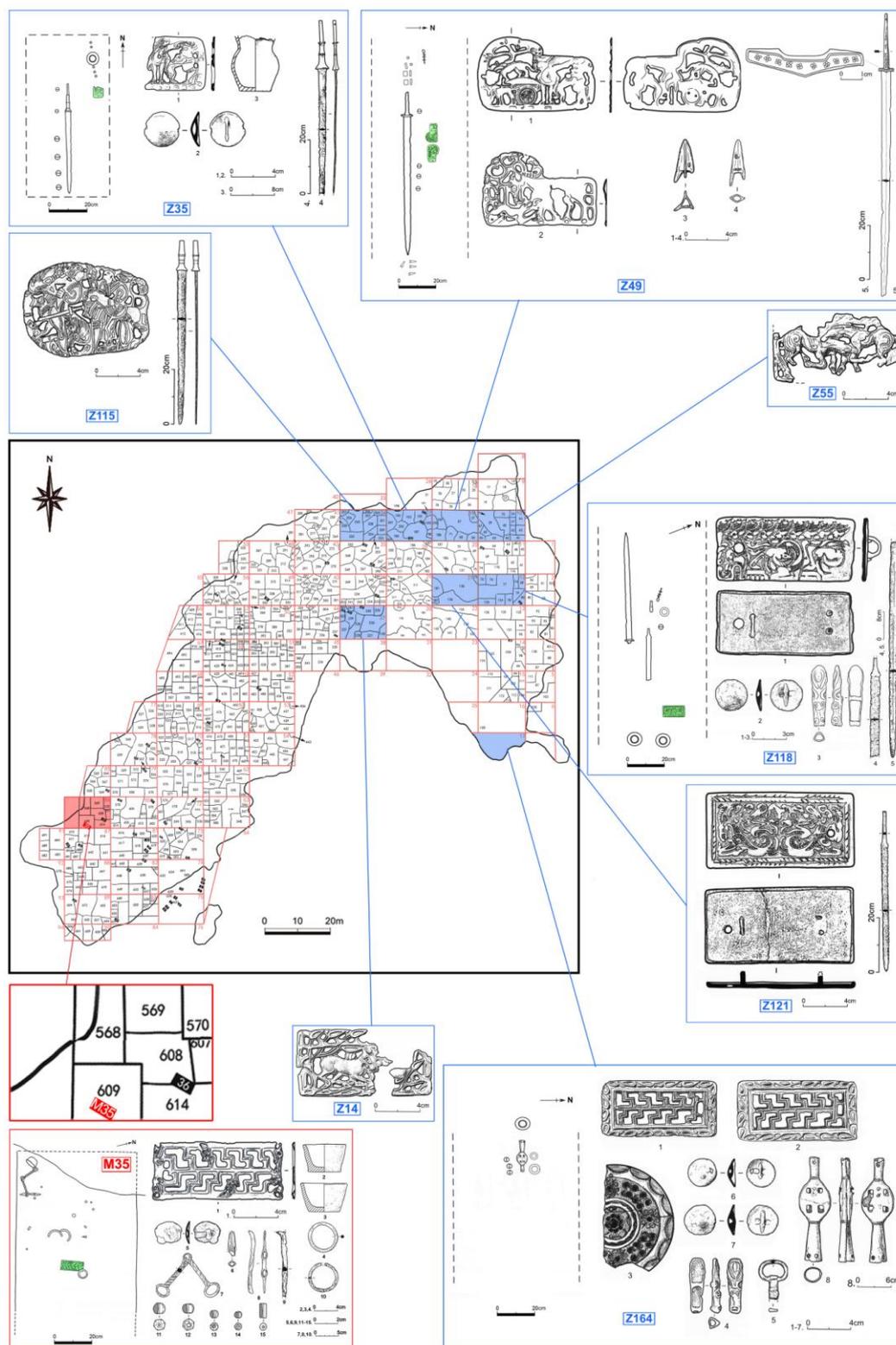


Рис. 1. Поясные бляхи из могильника Сичагоу  
(по: [Сунь Шоудао, 1957; Сифэн Сичагоу..., 2020, т. 1])

Fig. 1. Belt plaques from the Xichaogou burial site  
(after [Sun Shoudao, 1957; Xifeng Xichagou..., 2020, vol. 1])

Типология поясных блях хунну  
 (по: [Хан Чинсон, 2015])  
 Typology of Xiongnu Belt Plaques  
 (after [Han Jinseong, 2015])

без ободка ×	Ободок			Отверстия		Петелька		Тип	
	каплевидный 	пунктир 	гладкий 	ёлочный 	есть	нет	есть		нет
A	B	C	D	E	1	2	1	2	I
•					•		•		
	•				•		•		II
					•		•		
	•	•			•		•		III
					•		•		
		•			•		•	•	
					•		•		IV
			•		•		•		
				•	•		•		V
				•		•		•	

К типу I относятся Р-образные и В-образные бляхи без ободка с изображениями грифонов и сцен борьбы животных. Сюжеты изображений сближают эти бляхи с культурами скифо-сибирского облика, что может указывать на их происхождение. Бляхи типа I получили распространение в Забайкалье, Монголии и во Внутренней Монголии. Они найдены в погребениях № 7 и 14 Дырестуйского могильника и в погребениях Z147 и M35 могильника Сичагоу. Аналогичная по форме Р-образная золотая бляха, датируемая V в. до н. э., имеется в материалах Сибирской коллекции Петра I [Артамонов, 1973].

К типу II принадлежат Р-образные, полуовальные и прямоугольные бляхи с ободком, покрытым каплевидным узором. Считается, что данный каплевидный орнамент представляет собой не что иное, как реликтовый вариант гнезд для инкрустации драгоценными камнями, имеющимися на золотых бляхах типа I. Территория распространения блях типов I и II совпадает. Бляхи типа II обнаружены в материалах раскопок таких объектов Забайкалья, как Иволгинский могильник и погребение № 100 Дырестуйского могильника, а также в местности Борзон в Монголии. К данному типу можно отнести также 9 из 17 найденных на памятнике Сичагоу поясных блях.

В тип III выделены бляхи Р-образной и прямоугольной формы, ободок которых покрыт своеобразным пунктирным орнаментом, повторяющим форму капли и демонстрирующим переход от каплевидного узора к пунктиру. Возможно, такой декор ободка связан с особенностями технологии собственного производства блях у хунну. Территория распространения изделий типа III охватывает Юго-Восточную Монголию и восточную часть Внутренней Монголии, при этом Р-образные бляхи имеются в основном в материалах памятников на юго-востоке Внутренней Монголии и на Ляодуне. Заслуживает внимания тот факт, что бляхи типа III-б представлены в собрании Минусинского музея, в коллекциях Дырестуйского могильника [Давыдова, Миняев, 1993], на памятниках Даодунцзы [Нинся Тунсинь..., 1988], Веннютеци и Сичагоу [Сифэн Сичагоу..., 2020, т. 1].

Бляхи типа IV прямоугольной формы с ободком без орнамента. По-видимому, в период существования изделий этого типа каплевидный декор на ободке окончательно утратил свое значение. Бляхи данного типа получили распространение на севере Китая в районе Великой Китайской стены, на юго-востоке Монголии, а также найдены в погребении № 14 Дырестуйского могильника [Давыдова, Миняев, 1993], в могилах № 22 Даодунцзы [Нинся Тунсинь..., 1988] и M35 Сичагоу [Сифэн Сичагоу..., 2020, т. 1].

Бляхи V типа также прямоугольные. По периметру блях присутствует ободок, украшенный ёлочным или веревочным орнаментом. В типе выделено 2 подтипа по наличию или отсутствию отверстий на бляхе в незаполненных изображением местах. Такие изделия представлены в основном на памятниках Северного Китая в районе Великой Китайской стены. На памятниках культуры хунну в Забайкалье находки подобных блях не известны (рис. 2).

Сопоставим типологию бронзовых блях культуры хунну и находок из могильника Сичагоу (типы А–С).

Бляхи типа А могильника Сичагоу соотносятся с ранними типами хуннских блях I, II и III-а. Золотая бляха, аналогичная по форме изделиям типа I, имеется в материалах Сибирской коллекции Петра I. Это типичная бляха скифского облика, выполненная в скифо-сибирском зверином стиле. Исследователи датируют ее V в. до н. э. Бронзовая бляха из погребения Z147 Сичагоу может быть отнесена к переходному от I ко II типу, а бляхи из погребения Z49 – ко II и к III-а типу. Изделия из могилы Z49 – парные. Оба они имеют Р-образную форму и различаются между собой только орнаментацией.

Бляхи типа В могильника Сичагоу находят аналогии в хуннских бронзовых бляхах развитых типов II–IV и V-а. Бляхи типа II представлены в материалах Иволгинского и Дырестуйского могильников, а бляхи типа III – среди находок из погребения M35 Сичагоу. Изделия типа II с геометрическим орнаментом считаются типичными для культуры хунну

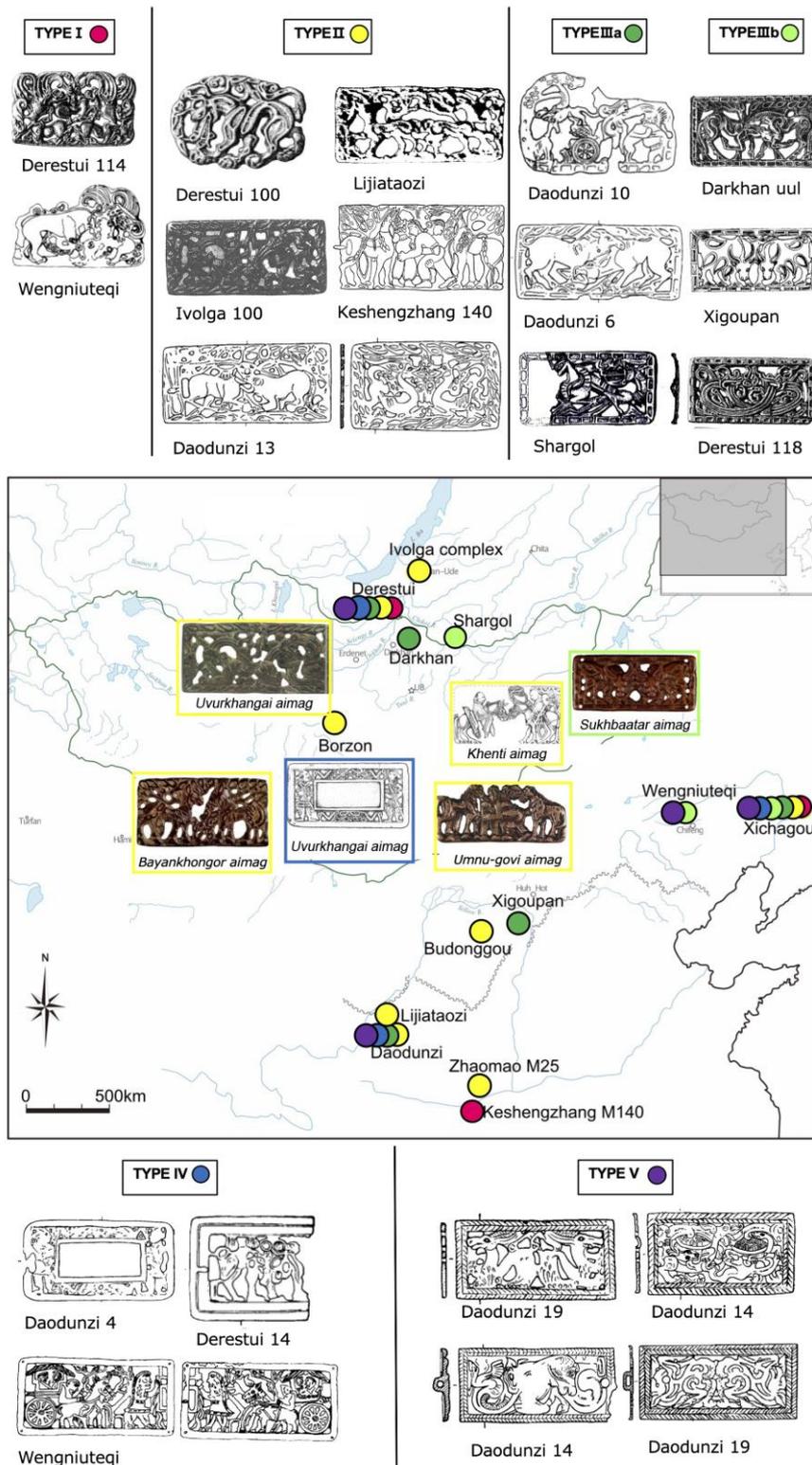


Рис. 2. Поясные бляхи хуннского типа в археологических комплексах Северной Евразии и их типология (по: [Хан Чинсон, 2015])

Fig. 2. Belt plaques of the Xiongnu type in the archaeological sites of Northern Eurasia and their typology (after [Han Jinseong, 2015])

Забайкалья. Некоторые исследователи склонны также считать, что такие бляхи более характерны для культур скифо-сибирского типа, но были достаточно популярны и у хунну [Миняев, Сахаровская, 2007]. Тем не менее найденная при раскопках погребения М35 бляха отличается от типичных для хунну поясных блях с геометрическим орнаментом на ободке, что позволяет отнести ее к начальному периоду распространения хуннского влияния. Мы предполагаем, что бронзовые поясные бляхи с геометрическим орнаментом массово производились в среде хунну и распространялись далее на восток. В погребении М35 бляха с геометрическим декором обнаружена вместе с бронзовым кольцом, что является характерным сочетанием для культуры хунну. Вероятно, данная особенность погребального обряда распространилась на культуры района Ляоси на северо-востоке Китая, где эта традиция получила дальнейшее развитие в рамках локальных культур.

Изделия типа С из материалов раскопок могильника Сичагоу соотносятся с хуннскими бляхами типов III-b, IV и V периода активного распространения культуры хунну на соседние регионы. У изделий типа III-b ободок оформлен прямой выгравированной линией. На таких изделиях появляются изображения нехарактерных для степных культур Сибири и Монголии животных: дракона, птиц, верблюдов и др. Можно прийти к выводу, что в иконографии бронзовых блях начинают доминировать местные изобразительные традиции. Изделия типов III-b, IV и V имели хождение на ограниченной территории: в Минусинской котловине, районах к югу от Монгольской Гоби, районе Великой Китайской стены. Бляхи типа V встречаются также в районе Ордоса, что позволяет предполагать существование здесь центра их производства [Ло Фэн, 2010] (рис. 3).

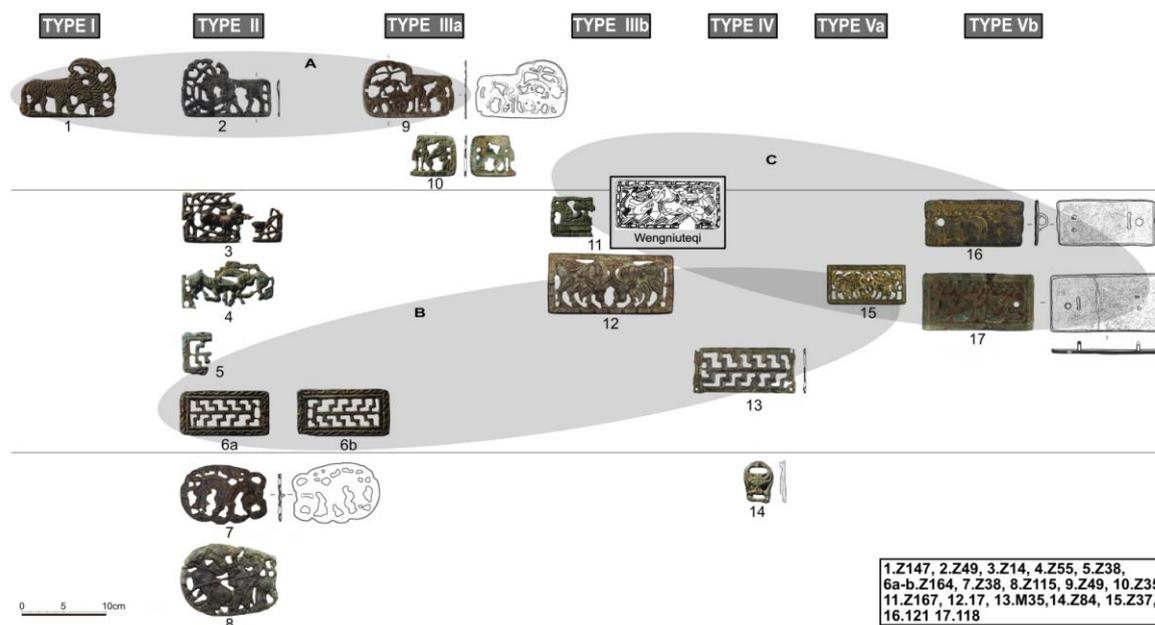


Рис. 3. Типология поясных блях хуннского типа из памятника Сичагоу  
(по: [Сифэн Сичагоу..., 2020, т. 1; Пан Хао, 1988])

Fig. 3. Typology of Xiongnu type belt plaques from the Xichagou site  
(after [Xifeng Xichagou..., 2020, vol. 1; Pan Hao, 1988])

Таким образом, пояс представлял собой предмет, отражающий мобильность, обусловленную особенностями кочевого общества того времени. Принято считать, что изображенные на поясных бляхах сюжеты выражали групповую идентичность и придавали поясу статус престижного предмета. В качестве примеров можно привести гробницы хунну времени дина-

стии Хань Чжаомао М25 и Кешенчжан М140 в центральной и южной частях Внутренней Монголии, предназначенные для погребения отправленных в ханьские земли посланников и военачальников хунну. Принадлежность этих захоронений к культуре хунну удалось установить только по нескольким характерным предметам.

Поясные бляхи типов А–С из материалов могильника Сичагоу относятся к раннему, развитому и позднему этапу культуры хунну. Изделия типа А демонстрируют особенности раннего этапа. Предметы типа В принадлежат к развитому этапу и имеют самую обширную территорию бытования, по ним можно проследить контакты хунну с соседними территориями. К этому типу принадлежит и поясная бляха из погребения М35 Сичагоу. Нанесенный на нее орнамент не находит прямых аналогий в культуре хунну, при этом она обнаружена в типичном для погребального обряда хунну археологическом контексте – вместе с бронзовым кольцом. Поясные бляхи типа С характерны для периода активного распространения культуры хунну и дают информацию о взаимосвязях культур степей Забайкалья с Монголией и Внутренней Монголии с районами Северного Китая.

Памятник Сичагоу уникален еще и тем, что в его материалах имеются поясные бляхи культуры хунну всех известных типов. Такое явление – редкость, особенно на разграбленных памятниках. За редкими исключениями, такими как Иволгинский могильник и памятник Даодунцзы в Китае, на остальных памятниках культуры хунну представлены, как правило, поясные бляхи 1–2 типов, да и число их обычно невелико. Поясные бляхи с зооморфным орнаментом из могильника Сичагоу разнообразны по своим морфологическим характеристикам и демонстрируют процесс трансформации скифо-сибирского звериного стиля в хуннскую орнаментальную традицию. Здесь также обнаружены и бляхи, оформленные в традиции, характерной для районов Северного Китая. При этом в материалах могильника Сичагоу практически нет других предметов культуры хунну, кроме поясных блях. Комплекс обнаруженного здесь инвентаря не совсем типичен для хунну. Можно предположить, что хунну считали поясные бляхи наиболее эффективным, надежным и удобным для ношения предметом и одновременно символом своей культуры. Таким образом, можно прийти к выводу, что население, оставившее могильник Сичагоу, испытало сильное влияние со стороны культуры хунну.

## Обсуждение

### Этнокультурная принадлежность могильника Сичагоу

Ношение пояса хуннского типа можно считать основным признаком принадлежности к культуре хунну [Кан Ин Ук, 2010]. На примере могильника Сичагоу видно, что местные правители этой территории выражали свою идентичность с культурой хунну посредством ношения хуннских поясов. Однако само наличие в материалах памятника поясных блях хуннского типа не может являться веским доказательством принадлежности этой территории к сфере влияния культуры хунну. Аналогичные найденным на памятнике Сичагоу хуннские поясные бляхи обнаружены не только в этом районе, очевидно, они имели хождение в течение длительного времени на различных подвластных хунну территориях [Дэвлет, 1980; Давыдова, Миняев, 1987]. Конечно, сами особенности пояса как неотъемлемого предмета одежды кочевников предполагают его использование на всей территории кочевого мира, от Евразийских степей до приграничных районов Китая. При этом историографии пока не известны другие примеры, кроме Сичагоу, где бы предметы поясной гарнитуры из разных регионов были собраны в одном месте. Кроме того, на Сичагоу практически отсутствуют другие предметы материальной культуры хунну. Представленная здесь керамика продолжает линию развития керамической традиции предшествующей эпохи, отмечены также отдельные сосуды пуэского и ханьского типов. На Сичагоу найдены также и миниатюрные каменные орудия, а единственной культурой с такими предметами является культура сяньби в районе Хулун-Буир на северо-востоке Внутренней Монголии [Ань Чжиминь, 1978].

Несмотря на то что в материалах Сичагоу имеются черты различных культур, результаты археологических работ показали, что этот могильник, где сосредоточено 300–400 захоронений, сооружался в течение длительного времени неким достаточно мощным этническим образованием. Таким образом, население, оставившее памятник Сичагоу, по-видимому, представляло собой группу, которая активно воспринимала черты различных соседних культур, создавая на их основе собственную уникальную традицию. Поскольку пояса считались у кочевников престижными предметами, можно прийти к выводу, что правящая элита Сичагоу идентифицировала себя с хунну, выражая это посредством ношения хуннских поясов. Другими словами, для «не хуннского» населения они выглядели как хунну, но никаких оснований для отождествления их с хунну в этническом смысле нет.

Пролить свет на проблему этнокультурной принадлежности могильника Сичагоу помогают такие предметы, как биметаллические мечи. На могильнике Сичагоу найдены ханьские клинки, пуэские мечи с орнитоморфными навершиями, а также абсолютно уникальный по своим морфологическим характеристикам биметаллический меч. Аналогичный биметаллический меч обнаружен на памятнике Лаохэшэнь (рис. 4, 5). Считается, что такие мечи использовались группами пуэ с ярко выраженными кочевническими чертами. Еще один подобный меч со следами длительного использования выявлен в 2015 г. в ходе археологических раскопок грунтовой могилы Осон в г. Чхонджу, относящейся к культуре Пэкче II в. [Юн Чонха, Кан Ин Ук, 2021]. Из истории Пэкче известно, что правящая элита этого царства считала себя потомками происходящего с севера рода Пуэ.

### Comparison Puyo style Bimetallic sword



No.15 tomb, 17<sup>th</sup> sector,  
Osong site, Cheongju, Korea

Рис. 4. Биметаллические мечи из памятников Осон, Сичагоу и Лаохэшэнь  
(по: [Сифэн Сичагоу..., 2020, т. 1; Юн Чонха, Кан Ин Ук, 2021])

Fig. 4. Bimetallic swords from Osong, Xichagou and Laoheshen sites  
(after [Xifeng Xichagou..., 2020, vol. 1; Yoon Jungha, Kang In Uk, 2021])

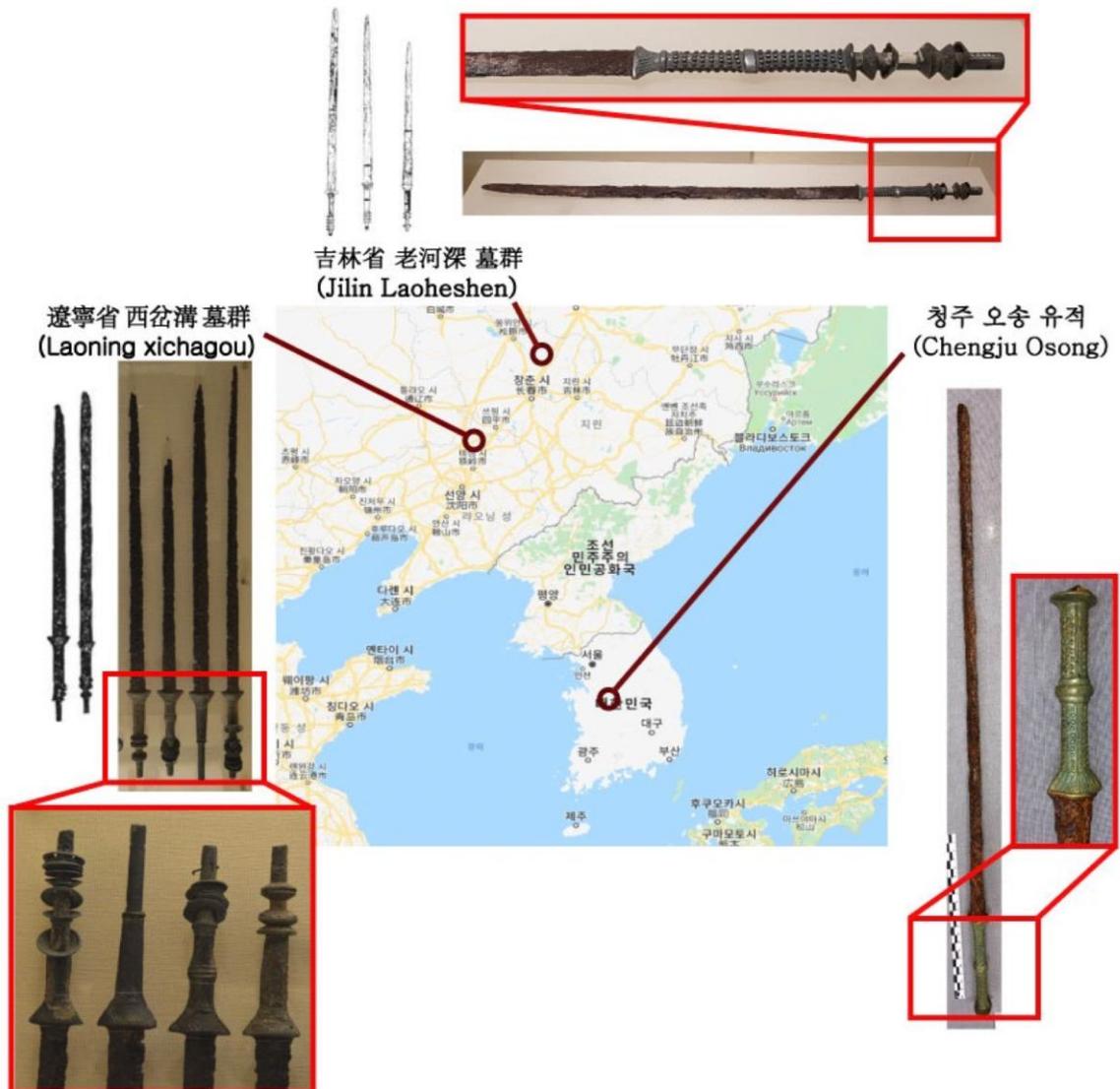


Рис. 5. Памятники с биметаллическими мечами пуёского типа в Восточной Азии  
 Fig. 5. Archaeological sites with bimetallurgical swords of the Buyeo type in East Asia

Таким образом, оставившее могильник Сичагоу население нельзя отождествить с определенной этнической группой. Представляется наиболее вероятным, что процесс консолидации местной правящей элиты протекал за счет демонстрации ее идентичности с той или иной (в зависимости от текущей геополитической обстановки) этнической группой за счет приобретения ими престижных предметов различных культур. Аналогичный биметаллический меч обнаружен на памятнике Лаохэшэнь, время существования которого относится к более позднему (на 100–200 лет) периоду, чем Сичагоу. На памятнике Лаохэшэнь отсутствуют предметы поясного набора хуннского облика [Юйшу Лаохэшэнь, 1987]. Это указывает на то, что население в районе восточного Ляодуна и среднего течения р. Сунгари в то время сменилось на кочевые группы пуё [Кан Ин Ук, 2010; 2020]. Другими словами, население Лаохэшэнь можно рассматривать как основную кочевую группу народа пуё, которой удалось относи-

тельно прочно закрепиться на данной территории и создать своеобразную культуру, что спровоцировало упадок власти хунну и расцвет пуё [Кан Ин Ук, 2020].

### Заключение

Могильник Сичагоу является ключевым объектом для изучения взаимосвязей хунну с Маньчжурией во время расцвета культуры хунну в западной части пров. Ляонин. Но в связи с тем обстоятельством, что к моменту проведения археологических работ памятник был сильно разграблен, а отчет об археологических исследованиях издан значительно позже, значение этого объекта не было оценено сразу. Другой проблемой, связанной с могильником Сичагоу, является вопрос об этнокультурной принадлежности оставившего его населения. В XX в. в археологии Северо-Восточной Азии существовало устойчивое мнение о том, что наличие в материалах археологического памятника каких-либо артефактов определяет принадлежность его населения к той или иной этнической группе. Также и отнесение населения памятника Сичагоу к конкретной этнической группе зависело от того, какие категории предметов брались в расчет: изделия из бронзы, железа или керамика. В результате удалось установить, что материалы могильника Сичагоу сочетают в себе черты многих народов и культур. Пример памятника Сичагоу наглядно демонстрирует несостоятельность методики определения этнокультурной принадлежности археологического объекта по какой-то одной категории находок. Что касается обнаруженных в могильнике Сичагоу поясных блях хуннуского облика, то они происходят не из какого-то конкретного района, а характерны для разных территорий распространения культуры хунну. Другие находки из этого могильника никак не связаны с культурой хунну. Таким образом, погребенные в захоронениях с поясными бляхами на могильнике Сичагоу вряд ли могут считаться хунну по этнической принадлежности, но при этом они обладали высоким социальным статусом, что подчеркивалось ношением хуннуских поясов. Кроме того, на памятнике Сичагоу обнаружен биметаллический меч, который не находит аналогов в материальной культуре хунну. Сходный предмет обнаружен на памятнике раннего Пэкче, Осон в г. Чхонджу, а правители Пэкче, в свою очередь, считали себя потомками народа пуё. Подводя итог сказанному выше, хочется подчеркнуть, что попытки соотнести население, оставившее памятник Сичагоу, с определенной этнической группой по материалам находок поясных блях хуннуского облика также не приведут к достоверным результатам. Напрашивается вывод, что население Сичагоу сформировалось на основе местной культуры предшествующего периода, но в его формирование внесли свой вклад различные и многообразные культуры восточной части пров. Ляонин и западной части пров. Цилинь, среди которых на текущем этапе удастся идентифицировать хуннуский и пуёский компоненты. На памятниках последующего периода в этом районе, таких как Лаохэшэнь, поясные бляхи хуннуского облика отсутствуют. Таким образом, можно также сделать вывод, что в это время влияние хунну в данном районе ослабевает, что способствовало консолидации здесь кочевых групп народа пуё.

### Список литературы

- Ань Чжиминь.** Хайлаэрдэ чжуншици ицунь – цзяньлунь сишицидэ циюань хэ чуаньтун [Мезолитические памятники Хайлара: к вопросу об истоках микролитической традиции] // Каогу сюэбао. 1978. № 3. С. 289–316. (на кит. яз.)
- Артамонов М. И.** Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. 280 с.
- Давыдова А. В., Миняев С. С.** Новые находки наборных поясов в Дырестуйском могильнике // Археологические вести. 1993. № 2. С. 55–65.
- Давыдова А. В., Миняев С. С.** Пояс с бронзовыми бляшками из Дырестуйского могильника // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1987. С. 184–187.

- Дэвлет М. А.** Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. М.: Наука, 1980. 66 с.
- Кан Ин Ук.** Хюнно-ва Тонасиа: хюннохаг-ый чонниб-ыль вихан тхотэ кучхук-ыль кёмхаё [Хунну и Восточная Азия: формирование базы для изучения истории и культуры хунну] // Тонасиа кодэ мунхва сок-ый хюнно [Хунну в контексте древних культур Восточной Азии]. Сеул: Чунан Асиа хакхве [Асс. изучения Центральной Азии], 2010. С. 9–29. (на кор. яз.)
- Кан Ин Ук.** Хюнно-ый пальхын-гва кодэ Ханбандо [Расцвет культуры хунну и Корейский полуостров в древности] // Хюнно чегуг-ый мисуль [Искусство империи хунну]. Тэджон: Куннип мунхваджэ ёнгусо [Нац. ин-т культурного наследия Республики Корея], 2020. С. 232–257. (на кор. яз.)
- Ло Фэн.** Чжунъюань чжицзао – гуаньюй бэйфан дунъювэнь цзиньшу пайши [Сделано на Центральной равнине: о металлических бляхах в северном зверином стиле] // Вэньу. 2010. № 3. С. 56–63, 96. (на кит. яз.)
- Миняев С. С., Сахаровская Л. М.** Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // РА. 2007. № 1. С. 159–166.
- Нинся Тунсинь Даодуныцзы сюнну муди [Хуннуский могильник Даодуныцзы в уезде Тунсинь, Нинся] // Каогу сюэбао. 1988. № 3. С. 333–356. (на кит. яз.)
- Пан Хао.** Вэннютэци фасянь лян Хань тун пайши [Бронзовые бляхи эпохи обеих Хань, найденные в хошуне Оннюд-Ци] // Вэньу. 1998. № 1. С. 42–43, 78. (на кит. яз.)
- Сифэн Сичагоу Си Хань шици дунбэй миньцзу муди [Сичагоу в уезде Сифэн – могильник северо-восточных народов эпохи Западная Хань]: В 3 т. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2020. Т. 1. 516 с.; Т. 2. 407 с.; Т. 3. 299 с. (на кит. яз.)
- Сунь Шоудао.** «Сюнну Сичагоу вэньхуа» гумуцуньдэ фасянь [Открытие могильника «культуры сюнну Сичагоу»] // Вэньу. 1960. № 8/9. С. 25–32. (на кит. яз.)
- Сунь Шоудао.** Сичагоу гумуцунь бэйцзюэ шицзяньдэ цзяосюнь [Уроки раскопок могильника Сичагоу] // Вэньу цанькао цзыляо. 1957. № 1. С. 53–56. (на кит. яз.)
- У Энь.** Вого бэйфан гудай дунъю вэньши [Звериный стиль на севере Древнего Китая] // Каогу сюэбао. 1981. № 1. С. 45–61. (на кит. яз.)
- У Энь.** Чжунго бэйфан цинтун тоудяо дайши [Бронзовые ажурные украшения пояса в Северном Китае] // Каогу сюэбао. 1983. № 1. С. 25–37. (на кит. яз.)
- У Энь.** Люэлунь гуайи дунъю вэньян цзи сянгунань вэньти [Коротко об орнаментах, изображающих фантастических животных, и связанных с этим вопросах] // Гугун боуюунь юанькань. 1994. № 3. С. 27–30. (на кит. яз.)
- Хан Чжин Сон.** Хюнно тонмультун кёгу ёнгу [Изучение зооморфных блях культуры хунну]: Дис. ... магистр. Сеул: Кёнхи тэхаккё [Ун-т Кёнхи], 2015. 75 с. (на кор. яз.)
- Хан Чжин Сон.** Хюнно-рыль тонхэ пон кодэ Йурасиа чховон юмок сахве-ый хоритти мунхва [Культура поясов в кочевых сообществах Евразии по материалам культуры хунну] // Хюнно чегуг-ый мисуль [Искусство империи хунну]. Тэджон: Куннип мунхваджэ ёнгусо [Нац. ин-т культурного наследия Республики Корея], 2020. С. 380–397. (на кор. яз.)
- Юйшу Лаохэшэнь [Могильник Лаохэшэнь в уезде Юйшу]. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1987. 171 с., 84 ил. (на кит. яз.)
- Юн Чонха, Кан Ин Ук.** Чхонджу Осон юджок чхультхо пуёге тонбён чхольгом-ый ыый [Значение находки биметаллического меча пуёского типа на памятнике Осон в г. Чхонджу] // Хангук сангоса хагбо [Древняя история Кореи]. 2021. № 112. С. 31–54. (на кор. яз.)
- Brosseder U.** Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennium. In: Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in the Inner Asia. Bonn, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011, pp. 349–424.

## References

- An Zhimin.** Mesolithic remains at Hailar in Heilunkiang province – with notes on the origin of the microlithic tradition. *Acta Archaeologica Sinica*, 1987, no. 3, pp. 289–136. (in Chin.)
- Artamonov M. I.** Sokrovishcha sakov [Treasures of the Saks]. Moscow, Iskustvo Publ., 1973, 280 p. (in Russ.)
- Brosseder U.** Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in the Inner Asia. Bonn, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011, pp. 349–424.
- Davydova A. V., Miniaev S. S.** Poyas s bronzovymi blyashkami iz Dyrestuiskogo mogil'nika [Belt with bronze plaques from the Dyrestuy burial ground]. In: Arkheologicheskie issledovaniya na Altae. Barnaul, Altai State Uni. Press, 1987, pp. 184–187. (in Russ.)
- Davydova A. V., Minyaev S. S.** Novye nakhodki nabornykh poyasov v Dyrestuiskom mogil'nike [New finds of belt sets in the Dyrestuy burial ground]. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological News]*, 1993, no. 2, pp. 55–65. (in Russ.)
- Devlet M. A.** Sibirskie poyasnye azhurnye plastiny II v. do n. e. – I v. n. e. [Siberian belt penwork plates of the 2<sup>nd</sup> century. BC – 1<sup>st</sup> century AD]. Moscow, Nauka, 1980, 66 p. (in Russ.)
- Han Jinseong.** Hyungno dongmulmun gyogu yeongu [A Study of Animal style belt plaques on Xiongnu period]. M. A. Thesis. Seoul, Kyung Hee University, 2015, 75 p. (in Kor.)
- Han Jinseong.** Hyungno-reul tonghae bon godae yurasia chowon yumok sahoe-ui heoritti munhwa [The belt culture of ancient Eurasian steppe nomadic societies seen through the Xiongnu]. In: Hyungno jegug-ui misul [The xiongnu, art of an empire]. Daejeon, National research inst. of cultural heritage of Republic of Korea, 2020, pp. 380–397. (in Kor.)
- Kang In Uk.** Hyungno-ui balheung-gwa godae Hanbando [The Rise of the Xiongnu and the ancient Korean Peninsula]. In: Hyungno jegug-ui misul [The xiongnu, art of an empire]. Daejeon, National research inst. of cultural heritage of Republic of Korea, 2020, pp. 232–257. (in Kor.)
- Kang In Uk.** Hyungno-wa Dongasia: hyungnohag-ui jeongrib-eul wihan todae guchug-eul gyeomhayeo [Xiongnu in Ancient Culture of East Asia]. In: Dongasia godae munhwa sog-ui hyungno [New Perspectives on Xiongnu Studies in Ancient East Asian Culture]. Seoul, Jungang Asia hakhoe [The Korean Association for Central Asian Studies], 2010, pp. 9–29. (in Kor.)
- Luo Feng.** Zhongyuan zhizao – guanyu beifang dongwuwen jinshupaishi [Made in Central Plains – about the northern animal style metal plaque decoration]. *Cultural Relics*, 2010, no. 3, pp. 56–63, 96 (in Chin.)
- Miniaev S. S., Sakharovskaya L. M.** Elitnyi kompleks zakhoroneniya syunnu v padi Tsaram [An elite complex of Xiongnu burials in the Tsaram valley]. *Rossiiskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*, 2007, no. 1, pp. 159–166. (in Russ.)
- Pang Hao.** Wengniuteqi faxian liang Han tong paishi [Onniud Banner Discovered Bronze Plaques of the Han Dynasty]. *Cultural Relics*, 1998, no. 1, pp. 42–43, 78. (in Chin.)
- Sun Shoudao.** “Xiongnu Xichagou wenhua” gumuqunde faxian [Discovery of Ancient cemetery of Xichagou Culture of Xiongnu]. *Cultural Relics*, 1960, no. 8/9, pp. 25–32. (in Chin.)
- Sun Shoudao.** Xichagou gumuqun beijue shijiande jiaoxun [Lessons from the Excavation of Xichagou Ancient Tombs]. *Wenwu cankao ziliao [Cultural Relics Reference Materials]*, 1957, no. 1, pp. 53–56. (in Chin.)
- Wu En.** Animal style of the northern frontier peoples of Ancient China. *Acta Archaeologica Sinica*, 1981, no. 1, pp. 45–61. (in Chin.)
- Wu En.** Bronze openwork belt ornaments of Northern China. *Acta Archaeologica Sinica*, 1983, no. 1, pp. 25–37. (in Chin.)
- Wu En.** Luelun guaiyi dongwu wenyang ji xiangguan wenti [A Brief Discussion on Fantastic Animal Patterns and Related Issues]. *Palace Museum Journal*, 1994, no. 3, pp. 27–30. (in Chin.)

- Xifeng Xichaogou – Xi Han shiqi dongbei minzu mudi [Xichagou in Xifeng County – burial ground of the northeastern peoples of the Western Han era]. Beijing, Cultural Relics Publ., 2020, vol. 1, 516 p.; vol. 2, 407 p.; vol. 3, 299 p. (in Chin.)
- Xiongnu (hun) cemetery at Daodunzi in Tongxin County, Ningxia. *Acta Archaeologica Sinica*, 1988, no. 3, pp. 333–356. (in Chin.)
- Yoon Jung-ha, Kang In Uk.** Cheongju Osong yujeok chulto buyeogye dongbyeong cheolgeom-ui uiui [Significance of the Buyeo Style Bimetallic Sword from Osong Site of Cheongju]. *Hanguk sanggosa hakbo [Journal of Korean Ancient Historical Society]*, 2021, no. 112, pp. 31–54. (in Kor.)
- Yushu Laoheshen [Laoheshen cemetery in Yushu County]. Beijing, Cultural Relics Publ., 1987, 171 p., 84 pl. (in Chin.)

### Информация об авторах

**Хан Чжин Сон**, магистр искусств  
**Кан Ин Ук**, PhD  
Scopus Author ID 16833545500

### Information about the Authors

**Han Jinseong**, Master of Arts  
**Kang In Uk**, PhD  
Scopus Author ID 16833545500

*Статья поступила в редакцию 09.01.2023;  
одобрена после рецензии 10.02.2023; принята к публикации 15.02.2023  
The article was submitted on 09.01.2023;  
approved after reviewing on 10.02.2023; accepted for publication on 15.02.2023*

Научная статья

УДК 904.59(510)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-95-104

## **Погребальные комплексы периода Северной Вэй в окрестностях г. Гуюань, Нинся-Хуэйский автономный район, КНР**

**Мария Андреевна Кудинова**

Институт археологии и этнографии  
Сибирского отделения Российской академии наук  
Новосибирск, Россия

maria-kudinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

### *Аннотация*

Представлены материалы погребений эпохи Северной Вэй, исследованные на территории городского округа Гуюань, Нинся-Хуэйский автономный район КНР. Известные к настоящему моменту комплексы немногочисленны, но разнообразны по конструктивным особенностям и составу сопроводительного инвентаря, что объясняется различиями во времени создания, этнокультурной принадлежности и социальном статусе захороненных в них людей. Наиболее ранние погребения, обнаруженные у д. Шивацунь в волости Синьци, демонстрируют сходство с могилами периода Шестнадцати варварских государств на территории соседней пров. Шэньси. Захоронения рядовых представителей сяньюби, переселившихся в район Гуюаня после его завоевания Северной Вэй, свидетельствуют о сохранении ими собственных традиций и незначительном влиянии китайской (ханьской) культуры в области погребальной практики.

### *Ключевые слова*

Северо-Западный Китай, Гуюань, раннее Средневековье, Северная Вэй, сяньюби, погребальный обряд, межкультурные контакты

### *Благодарности*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121>

### *Для цитирования*

Кудинова М. А. Погребальные комплексы периода Северной Вэй в окрестностях г. Гуюань, Нинся-Хуэйский автономный район, КНР // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 95–104. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-95-104

## **Northern Wei Tombs in the Vicinity of Guyuan, Ningxia Hui Autonomous Region, China**

**Maria A. Kudinova**

Institute of Archaeology and Ethnography  
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Novosibirsk, Russian Federation

maria-kudinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

### *Abstract*

*Purpose* of this article is to characterize the tombs of the Northern Wei period discovered in the vicinity of Guyuan City, analyze the specifics of the funeral rite of these complexes and define the factors that influenced its formation.

© Кудинова М. А., 2023

*Results.* The possibility of studying the funeral rite of the Northern Wei period in Guyuan is limited by the small number of known complexes, the fragmentary nature of the materials that have reached our days due to tombs looting, and the lack of scientific publications on some complexes. The tombs known to date are not numerous (only seven tombs have been discovered so far), but varied in design features and the composition of the grave goods, which is explained by the chronological distance and differences in the ethnic and cultural identity and the social status of the tomb occupants. The earliest tombs near Shiwaacun Village in Xinji Township show similarities to the tombs of the period of the Sixteen Barbarian States. The burials of ordinary Xianbei who moved to the Guyuan region after its conquest by the Northern Wei testify to the preservation of their own traditions and the insignificant influence of Chinese (Han) culture on their funerary practices.

*Conclusion.* The funeral rite of the Northern Wei tombs in Guyuan, on the one hand, inherits the burials of the Sixteen Barbarian States era, on the other hand, serves as the basis for the funeral rite evolution of the subsequent periods of the Western Wei and Northern Zhou.

*Keywords*

North-Western China, Guyuan, early Middle Ages, Northern Wei, xianbei, funeral rite, intercultural contacts

*Acknowledgements*

The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-78-10121, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10121>

*For citation*

Kudinova M. A. Northern Wei Tombs in the Vicinity of Guyuan, Ningxia Hui Autonomous Region, China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 95–104. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-95-104

## Введение

Империя Северная Вэй (386–535), основанная представителями сяньбийского племени тоба, установила контроль над территорией современного городского округа Гуюань (в южной части Нинся-Хуэйского автономного округа КНР) в 431 г., отвоевав этот район у царства южных хунну Ся. В 436 г. в Гаопине (совр. Гуюань) был учрежден пограничный опорный пункт (*чжэнь*), а в 524 г. на этой территории была создана область Юаньчжоу, административный центр которой находился в г. Гаопин [Сюэ Чжэнчан, 2012, с. 92–93; Вэй Цзинь, 2015, с. 105].

В настоящее время на территории округа Гуюань известно семь погребений, датируемых периодом Северной Вэй. В 1981 г. было обнаружено и исследовано погребение у д. Лэйцзунь в районе Юаньчжоу, известное в научной литературе как «погребение с лаковым гробом». В 1984 г. были раскопаны два погребения у д. Шивацунь в волости Синьци уезда Пэнъян. В 1987 г. было найдено погребение в волости Чжайкэ района Юаньчжоу. В 1991 г. было найдено и раскопано погребение у д. Хуапинцунь на территории пос. Саньин района Юаньчжоу. В 2003–2004 гг. на могильнике Наньюань в юго-западном предместье Гуюаня раскопано 43 погребения, датированных в диапазоне от Хань до Тан, среди них одна могила относится к периоду Северной Вэй. В 2010 г. на могильнике Хайцзыюань у д. Яохэцунь волости Синьци уезда Пэнъян, где раскопаны погребения различных периодов, обнаружена одна северовэйская могила [Ма Цзяньцзунь, Чжоу Пэйни, 2003, с. 47; Ван Яньян, 2018, с. 86–87; Му Яни, 2020, с. 14–15]. Первое из вышеперечисленных погребений уже было детально рассмотрено нами [Шульга, Кудинова, 2020]. В данной работе на основании опубликованных отчетов о раскопках и предметов из коллекции Музея Гуюаня будут представлены материалы других, менее известных за пределами Китая, погребальных комплексов из района Гуюаня периода правления государства Северная Вэй, проанализированы особенности погребального обряда, определены факторы, повлиявшие на их формирование.

## Материалы

### 1. Погребения у д. Шивацунь в волости Синьци

В 1982 г. в горах у д. Шивацунь волости Синьци уезда Пэнъян было обнаружено два погребения, в 1984 г. были проведены их раскопки. Могилы расположены на горном склоне, ориентированы по линии север – юг, расстояние между ними составляет всего 8 м. Оба погребения представляют собой вырезанные в толще грунта могилы с длинным наклонным

дромосом, над ними были возведены земляные насыпи округлой формы [Ло Фэн, 1988, с. 26] (рис. 1, 1, 2).

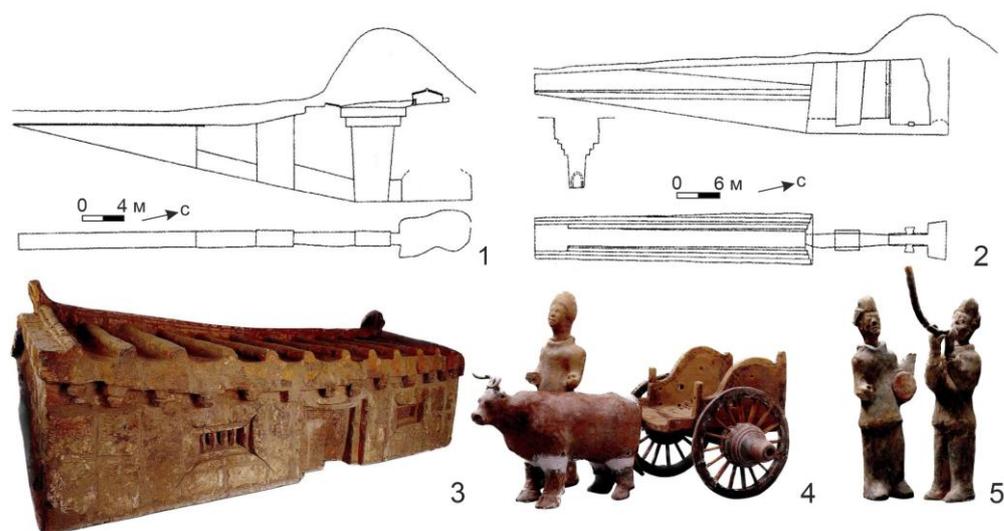


Рис. 1. Материалы погребений у д. Шивацунь, волость Синьцзи:

1 – план и разрез погребения М1; 2 – план и разрез погребения М2; 3 – земляная модель здания; 4 – керамические фигурки слуги и повозки, запряженной быком; 5 – керамические фигурки музыкантов.

(1, 2 – по: [Ло Фэн, 1988, с. 27, рис. 24; с. 28, рис. 5]; 3–5 – по: [Му Яни, 2020, с. 17, рис. 8; с. 18, рис. 9; с. 20, рис. 11]. 3–5 – без масштаба)

Fig. 1. Materials of the tombs near Shiwacun Village, Xinji Township:

1 – plan and section of the tomb M1; 2 – plan and section of the tomb M2; 3 – earthen model of a house; 4 – ceramic figurines of an ox cart and a servant; 5 – ceramic figurines of musicians.

(1, 2 – as per: [Luo Feng, 1988, p. 27, fig. 2; p. 28, fig. 5]; 3–5 – as per: [Mu Yani, 2020, p. 17, fig. 8; p. 18, fig. 9; p. 20, fig. 11]. 3–5 – not to scale)

Общая длина погребения М1 составляет 44,76 м, высота надмогильной насыпи, сооруженной методом трамбовки земли (*ханту*), – 6,2 м. Дромос наклонный под углом 17°, шириной примерно 2,2 м, с двумя воздухопроводными шахтами («небесными колодцами», *тяньцзин*). Дромос соединен с погребальной камерой небольшим коридором прямоугольной в плане формы. Гробница серьезно пострадала от проседания грунта и действий грабителей, ее устройство в настоящее время не может быть достоверно реконструировано. Не ясно даже, включала ли она одну погребальную камеру неправильной формы или же две камеры, соединенные коротким коридором. Общая длина этого помещения составляет 6,6 м, ширина – 2,62–3,15 м. Потолок полностью обрушился, поэтому его высота и конфигурация неизвестны (рис. 1, 1). Стены гробницы были покрыты известью и, вероятно, росписями, на что указывают найденные внутри фрагменты белого известкового покрытия со следами красной краски. Кроме того, в погребальной камере обнаружены следы древесного тлена и железные гвозди, свидетельствующие о наличии деревянного гроба, а также мелкие фрагменты костей.

Под центральной частью надмогильной насыпи, над входным тамбуром гробницы была вырыта прямоугольная в плане яма длиной 11,8 м, шириной 6,48 м, глубиной 1 м, центральная часть которой представляет собой вертикальную шахту со ступенчатыми стенками, соединяющуюся с тамбуром гробницы. По обе стороны от шахты располагались выполненные из утрамбованной земли модели зданий. Одна из них оказалась наполовину разрушенной, вероятно, еще в ходе возведения надмогильной земляной насыпи. Сохранность второй модели гораздо лучше. Ее длина составляет 4,84 м, ширина – 2,9 м, максимальная высота достига-

ет 1,88 м. Модель представляет собой здание с двускатной черепичной крышей, конек которой увенчан двумя украшениями *чивэй* («хвост совы»). В центральной части передней стенки вырезана чуть приоткрытая дверь, по обе стороны от которой показаны два решетчатых окна прямоугольной формы (рис. 1, 3). По-видимому, технология создания этого изделия была следующей: сначала из черно-коричневого грунта путем трабмовки был сформирован параллелепипед, из которого затем было высечено здание, поверхность которого была покрыта слоем желтоватого грунта с примесью извести, и, наконец, на фронтальную стенку и крышу был дополнительно нанесен слой извести [Ло Фэн, 1988, с. 26–28].

Хотя погребение многократно подвергалось разграблению, часть сопроводительного инвентаря всё же сохранилась, в его составе, по-видимому, преобладали предметы мелкой глиняной пластики (удалось восстановить более 100 экз.): фигурки воинов, чиновников, всадников, слуг, музыкантов, домашних животных, модели запряженных быками повозок, зернохранилищ, очага, колодца, крупорушки, мельничного жёрнова, музыкальных инструментов (рис. 1, 4, 5). Кроме того, были найдены керамические горшки, миски, сосуд для приготовления продуктов на пару *цзэн*, плоский светильник [Там же, с. 29–39].

Погребение M2 расположено восточнее погребения M1 и сходно с ним по основным конструктивным параметрам. Над погребением также возвышается насыпь округлой в плане формы высотой 5,4 м, возведенная методом трабмовки земли. Дромос наклонный под углом 13°, со ступенчатыми стенками, с двумя воздушными шахтами. В его южной части, у входа в погребальную камеру, в стенках имеются две небольшие ниши, расположенные зеркально по обе стороны коридора. В дромосе обнаружен полный скелет лошади. Погребальная камера трапецевидная в плане, шириной 4–4,7 м, длиной 2,6 м, потолок не сохранился. Сопроводительный инвентарь практически полностью разграблен. В погребальной камере обнаружены лишь следы древесного тлена, несколько железных гвоздей и фрагменты красного лака – остатки гроба, а также шпилька из слоновой кости, золотое кольцо и керамическая мисочка [Там же, с. 28–29, 39].

## 2. Погребение у д. Личацунь в волости Чжайкэ

В 1987 г. у д. Личацунь в волости Чжайкэ района Юаньчжоу крестьянами было обнаружено древнее погребение. Из описаний очевидцев известно, что могила представляла собой захоронение в грунтовой яме прямоугольной формы. Внутри были найдены золотые серьги и гривна, бронзовое зеркало и серокерамические сосуды (рис. 2, 1, 2). На основании аналогий, установленных для керамики и зеркала, погребение было датировано периодом Северной Вэй [Ло Фэн, 1999, с. 16; Ма Цзяньцзюнь, Чжоу Пэйни, 2003, с. 47].

## 3. Погребение у д. Хуапинцунь поселка Саньин

О памятнике известно лишь, что погребение, представлявшее собой грунтовую яму прямоугольной формы, было случайно обнаружено местными жителями в 1991 г. у д. Хуапинцунь поселка Саньин в районе Юаньчжоу, среди сопроводительного инвентаря была пара золотых серег с инкрустацией (см.: [Ма Цзяньцзюнь, Чжоу Пэйни, 2003, с. 47]) (рис. 2, 3).

Отчеты о работах на погребениях в Чжайкэ и Саньине не были опубликованы, поэтому информация об этих комплексах сводится к упоминаниям в обобщающих работах, часть предметов, найденных там, представлена в экспозиции Музея Гуюаня.

## 4. Погребение на могильнике Наньюань

Погребение M31 было исследовано в ходе раскопок 2003–2004 гг., проводившихся в зоне строительства шоссе Иньчуань – Ухань. Могила ориентирована по линии восток – запад (80°), общая длина – 16,7 м, конструкция включает длинный наклонный дромос, входной тамбур и погребальную камеру подквадратной формы (ок. 2,7 × 3,15 м, высота неизвестна, поскольку потолок не сохранился). Вход в погребальную камеру был замурован стеной из кирпичасырца и обожженного кирпича (рис. 3, 1). Вдоль западной стенки камеры на земляном помосте были установлены два деревянных гроба (один из них – двойной) трапецевидной



Рис. 2. Находки из погребений в волости Чжайкэ и поселке Саньин:

1 – гривна из погребения у д. Личацунь волости Чжайкэ; 2 – серьги из погребения у д. Личацунь волости Чжайкэ; 3 – серьги из погребения у д. Хуапинцунь поселка Саньин (1 – с сайта Музея Гуюаня. URL: <http://www.nxgybwg.com>; 2, 3 – фото М. А. Кудиновой. Музей Гуюаня, 2019 г. 1–3 – без масштаба)

Fig. 2. Findings from the tombs in the Zhayke Township and Sanying Town:

1 – torque unearthed from the tomb near Lichacun Village, Zhaike Township; 2 – earrings unearthed from the tomb near Lichacun Village, Zhaike Township; 3 – earrings unearthed from the tomb near Huapingcun Village, Sanying Town (1 – from the Guyuan Museum website. URL: <http://www.nxgybwg.com>; 2, 3 – photo by M. A. Kudinova, Guyuan Museum, 2019. 1–3 – not to scale)

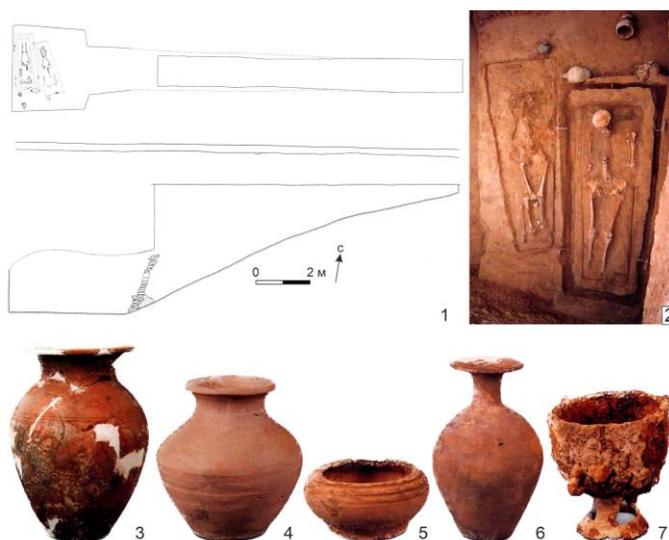


Рис. 3. Материалы погребения М31 на могильнике Наньюань:

1 – план и разрез погребения; 2 – западная часть погребальной камеры (фото); 3, 4 – керамические горшки; 5 – керамическая чаша; 6 – керамический кувшин; 7 – железный котел (по: [Гуюань Наньюань..., 2009, с. 13, рис. 4А; цв. вкл. 4: 3; 5: 1–3, 5, 6]. 2–7 – без масштаба)

Fig. 3. Materials of the tomb M31 at Nanyuan:

1 – plan and section of the tomb; 2 – western part of the burial chamber (photo); 3, 4 – ceramic pots; 5 – ceramic bowl; 6 – ceramic vase; 7 – iron cauldron (as per: [Guyuan Nanyuan..., 2009, p. 13, fig. 4A; color pl. 4: 3; 5: 1–3, 5, 6]. 2–7 – not to scale)

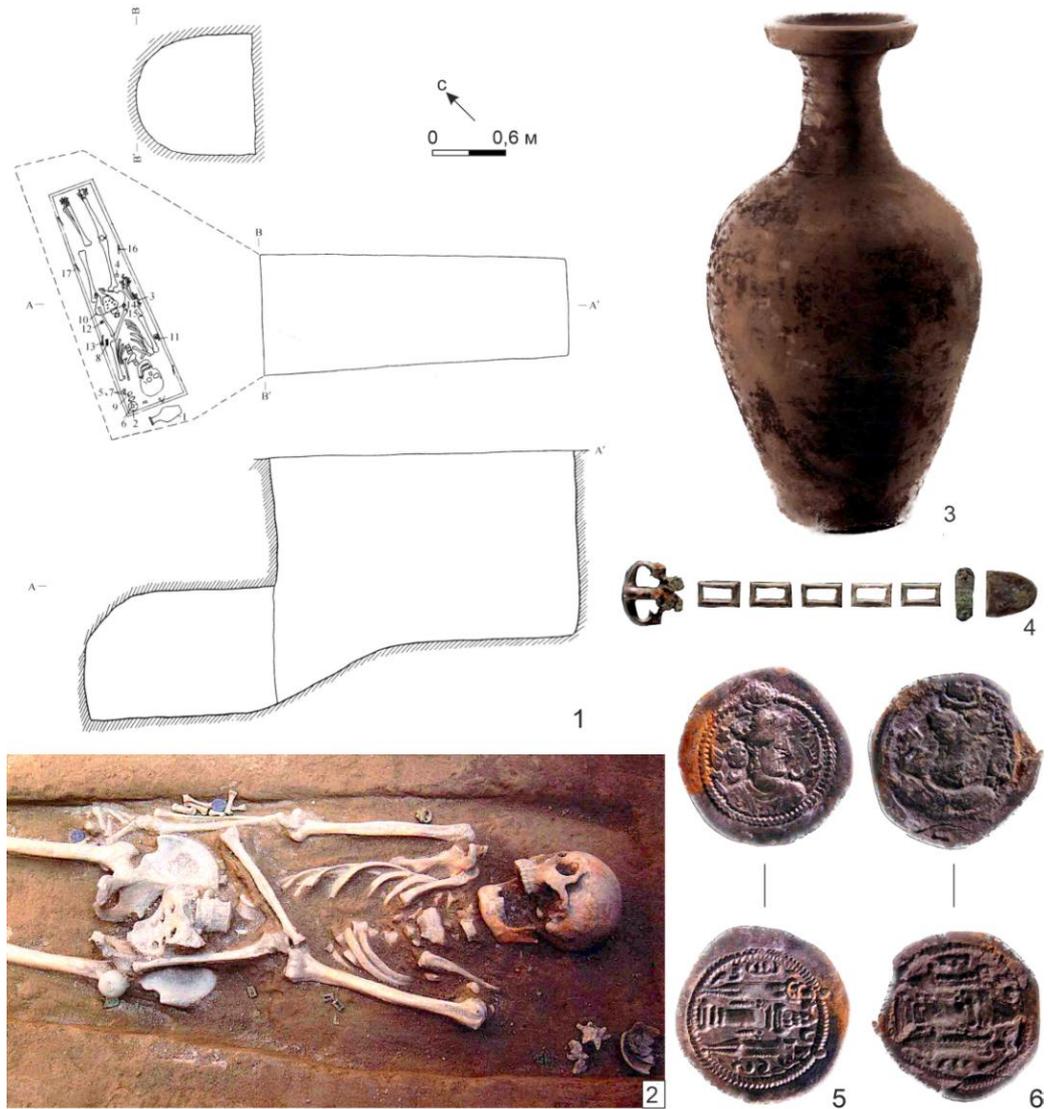


Рис. 4. Материалы погребения М14 на могильнике Хайцзыюань:

1 – план и разрез погребения; 2 – скелет погребенного и сопроводительный инвентарь (фото, деталь); 3 – керамическая ваза; 4 – детали наборного пояса; 5, 6 – серебряные монеты Пероза I (по: [Пэнъян Хайцзыюань, 2013, с. 7, рис. 3А; цв. вкл. 2: 2; 3: 1, 4; 4: 1, 2; 5: 1, 2]. 2–6 – без масштаба)

Fig. 4. Materials of the tomb M14 at Haiziyuan:

1 – plan and section of the tomb; 2 – skeleton of the buried and grave goods (photo, detail); 3 – ceramic vase; 4 – belt set; 5, 6 – silver coins of Peroz I (as per: [Pengyang Haiziyuan, 2013, p. 7, fig. 3A; color pl. 2: 2; 3: 1, 4; 4: 1, 2; 5: 1, 2]. 2–6 – not to scale)

формы, в каждом из них было захоронено по одному человеку. Тела обращены головой на юг. В двойном гробу, предположительно, похоронен мужчина, пол и возраст второго покойного не были определены (рис. 3, 2). Сопроводительный инвентарь сравнительно скромный: железный котел, два керамических горшка, кувшин и чашечка, бронзовая шпилька, несколько медных монет *хоцюань*, выпущенных в годы правления Ван Мана (9–23), железные детали гробов [Гуюань Наньюань..., 2009, с. 11–16] (рис. 3, 3–7). В отчете о раскопках могильника это погребение датировано ранним периодом Восточной Хань [Там же, с. 119], однако позд-

нее Чжу Цуньши обосновал его атрибуцию как рядового погребения тоба-сяньбэй и датировку периодом Северной Вэй [Чжу Цуньши, 2014, с. 163–164, 168].

### 5. Погребение на могильнике Хайцзыюань

Могильник Хайцзыюань расположен к северу от д. Яохэцунь волости Синьци уезда Пэнъян [Пэнъян Хайцзыюань..., 2013, с. 3]. В 2010 г. здесь было исследовано 26 разновременных погребений, в том числе одна могила, датируемая периодом Северной Вэй (M14). Захоронение совершено в грунтовой могиле с подбоем, общая длина конструкции составляет 4,6 м. Собственно «погребальная камера» неправильной формы. Умерший лежал в узком деревянном гробу трапецевидной формы, на спине, с вытянутыми конечностями, головой на юго-запад. Костяк хорошо сохранился, удалось установить, что он принадлежал взрослому мужчине возрастом ок. 45 лет (рис. 4, 1, 2). Сопроводительный инвентарь включает керамическую вазу, чашу и плоский светильник (со следами копоти на внутренней поверхности), бронзовые детали наборного пояса и две серебряные сасанидские монеты шаха Пероза I (прав. 459–484), диаметр 2,6 см, вес 3,7 г (рис. 4, 3–6). Монеты были обнаружены под костями кистей рук, вероятно, они были вложены в ладони покойному. Детали поясной фурнитуры располагались разрозненно вдоль всего скелета (рис. 4, 2). Светильник и чаша фрагментированы. Всё это может свидетельствовать о преднамеренной порче вещей покойного в ходе похорон [Пэнъян Хайцзыюань..., 2013, с. 6–11, 104–105, 128].

### Обсуждение

Погребальные памятники периода Северной Вэй, известные на территории Гуояня немногочисленны, однако при этом весьма разнообразны. Выделяются четыре типа могильных конструкций: вырезанный в толще грунта склеп с длинным наклонным дромосом с вертикальными, наклонными или ступенчатыми стенками (погребения M1 и M2 у д. Шивацунь, Синьци, погребение M31 на могильнике Наньюань); грунтовая могила прямоугольной формы (погребения у д. Личацунь, Чжайкэ и у д. Хуапинцунь, Саньин); грунтовая могила с подбоем (погребение M14 на могильнике Хайцзыюань); кирпичный склеп с дромосом (погребение с лаковым гробом у д. Лэйцзумя). Такое разнообразие объясняется и хронологической дистанцией, и принадлежностью этих погребений представителям разных этнических общностей и социальных слоев.

Погребения у д. Шивацунь обнаруживают сходство с комплексами периода Шестнадцати варварских государств (304–439), известными на территории пров. Шэньси по целому ряду параметров (см.: [Янь Лэй, 1959; Сяньян, 2006; Ван Яньпэн, 2021]): архитектура могильных конструкций, состав сопроводительного инвентаря, в том числе набор и особенности оформления керамических статуэток, наличие над гробницей земляной модели здания. Эти характеристики позволили Ло Фэну предположить, что данные погребения относятся к периоду установления власти Северной Вэй в районе Гуояня (430-е гг.) и могли принадлежать крупным военачальникам, участвовавшим в борьбе с царством Ся за эту территорию [Ло Фэн, 1988, с. 41]. При этом захоронение коня в дромосе могилы M2, очевидно, маркирует влияние сяньбийской погребальной традиции. Этому может быть несколько вариантов объяснения. Погребение, предназначенное для северовэйского военачальника – носителя сяньбийской культуры, могло быть построено местными мастерами по привычным для них образцам, поэтому единственным дошедшим до нас свидетельством сяньбийской идентичности покойного служат останки жертвенного животного. Либо могила принадлежала представителю местной элиты, обряд погребения которого включал элементы сяньбийских традиций как проявление лояльности новой власти или же, наоборот, как знак благосклонности этих новых властей к усопшему, в зависимости от того, по чьей инициативе было совершено жертвоприношение коня.

Могилы M31 из Наньюань и M14 из Хайцзыюань, по-видимому, принадлежали рядовым представителям сяньбэй, переселившимся в район Гуояня после (или в процессе) его завоевания Северной Вэй. Особенности их конструкции и найденные внутри керамические сосуды

находят аналогии среди сяньбийских погребений данного периода в разных регионах Северного Китая (см., например: [Датун Яньбэй..., 2008, с. 5–20]). В составе сопроводительного инвентаря практически отсутствуют китайские предметы (мелкая погребальная пластика, бронзовые, фарфоровые, лаковые сосуды и т. п.), ориентация могил также не соответствует традиционному для китайских погребальных сооружений расположению вдоль оси север – юг. Кроме того, в погребении М14 могильника Хайцзыюань зафиксированы следы преднамеренной порчи вещей покойного, что было распространенной практикой сяньби. Это погребение благодаря обнаружению в нем монет шаха Пероза I датируется не ранее 460 г., и можно говорить о том, что проживавшие на территории современного Гуюаня сяньби по крайней мере во 2-й половине V в. сохраняли собственную традиционную культуру и не подверглись ассимиляции и китаизации.

Примечательно наличие в сопроводительном инвентаре двух сяньбийских погребений редких (старинных или иностранных) монет, вероятно, экзотичность этих предметов могла повышать их ценность как символов престижа и/или амулетов. Авторы отчета о раскопках могильника Хайцзыюань отмечают устойчивость практики использования монет в погребальном обряде этого памятника, сохранявшуюся в течение столетий с Северной Вэй до Северной Сун (960–1127) [Пэнъян Хайцзыюань..., 2013, с. 125–128]. Истоки и семантика этой локальной традиции пока не ясны.

Материалы северовэйских погребений Гуюаня подтверждают данные летописей о поддержании интенсивных контактов с Центральной Азией по Шелковому пути. Монеты шаха Пероза I были найдены не только в богатом погребении с лаковым гробом у д. Лэйцзуняо, но и в могиле на памятнике Хайцзыюань, принадлежавшей рядовому члену общества. Вероятно, к предметам центральноазиатского импорта следует относить и «калачиковидные» серьги, найденные в погребениях в волости Чжайкэ и поселке Саньбин.

### Заключение

Возможности исследования погребального обряда периода Северной Вэй на территории Гуюаня ограничены малым числом известных памятников, фрагментарностью дошедших до нас материалов, обусловленной разграблением могил, а также отсутствием научных публикаций по ряду комплексов. Тем не менее на основании доступных в настоящее время сведений можно отметить ряд особенностей. В дизайне погребальных сооружений и составе сопроводительного инвентаря сохраняются традиции предшествующего периода Шестнадцати варварских государств, часть из которых (прежде всего набор и стилистика погребальной пластики) продолжают развиваться и в последующие эпохи Западной Вэй и Северной Чжоу. С переселением на данную территорию сяньбийского населения здесь появляются типичные погребальные комплексы сяньби, а в погребениях, в целом сохраняющих облик, характерный для предыдущей эпохи, появляются отдельные сяньбийские черты (сопроводительное захоронение коня в погребении М2 у д. Шивацунь). В то же время какие-либо следы ханьского влияния на погребальный обряд сяньби в известных в настоящее время комплексах не прослеживаются. Находки импортных предметов свидетельствуют о поддержании активных контактов по Шелковому пути.

### Список литературы

- Шульга Д. П., Кудинова М. А.** Межэтнические взаимодействия и культурный синкретизм в раннесредневековом Гуюане (по материалам погребения с лаковым гробом эпохи Северной Вэй) // *Stratum plus*. 2020. № 4. С. 193–201.
- Ван Яньян.** Нинся ханьдай бэйчао каогу яньцзю цзуншу [Обзор исследований в области археологии Нинся в эпохи Хань и Северных династий] // *Нинся шифань сюэюань сюэбао*. 2018. Т. 39, № 9. С. 84–92. (на кит. яз.)

- Ван Яньпэн.** Шэньси Сиань Чжунчжаоцунь Шилуго му (Погребение эпохи Шестнадцати государств в Чжунчжаоцунь, Сиань, Шэньси) // Ишу пиньцзянь. 2021. № 7. С. 80–83. (на кит. яз.)
- Вэй Цзинь.** Гуюань вэньу каогу чжундэ силу цичжэнь. [Сокровища Шёлкового пути среди гуюаньских древностей] // Нинся шифань сюэюань сюэбао. 2015. Т. 36, № 2. С. 105–107. (на кит. яз.)
- Гуюань Наньюань Хань-Тан муди [Могильник эпохи Хань-Тан Наньюань в Гуюане]. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2009. 155 с., 40 цв. ил. (на кит. яз.)
- Датун Яньбэй шиюань бэйвэй муцунь [Северовэйский могильник у Яньбэйского педагогического института в Датуне]. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2008. 335 с. (на кит. яз.)
- Ло Фэн.** Пэнъян Синьци бэйвэй му [Северовэйские погребения в волости Синьци уезда Пэнъян] // Вэньу. 1988. № 9. С. 26–42, вкл. 2–4. (на кит. яз.)
- Ло Фэн.** Бэйчао, Суй, Тан шицидэ Юаньчжоу муцзан [Погребения периодов Северных династий, Суй и Тан в Юаньчжоу] // Юаньчжоу гуму цичэн [Полное собрание древних погребений Юаньчжоу]. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999. С. 9–25. (на кит. яз.)
- Ма Цзяньцзюнь, Чжоу Пэйни.** Гуюань бэйчао вэньу каогудэ фасянь юй яньцзю [Открытия и исследования в области памятников материальной культуры и археологии Северных династий в Гуюане] // Гуюань шичжуань сюэбао (Шэхуэй кэсюэ бань). 2003. Т. 24, № 2. С. 47–51. (на кит. яз.)
- Му Яни.** Гуюань бэйчао шици цзансу цзанчжи яньцзю [Исследование погребального обряда эпохи Северных династий в Гуюане] // Вэньу тяньди. 2020. № 11. С. 13–24. (на кит. яз.)
- Пэнъян Хайцзыюань муди фацзюэ баогао [Отчет о раскопках могильника Хайцзыюань в Пэнъяне]. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2013. 136 с., 64 цв. ил. (на кит. яз.)
- Сюэ Чжэнчан.** Сычоучжилу юй Гуюань – шэньбао шицизе вэньхуа ичань Нинся дуань сы чу вэньхуа ицунь [Шелковый путь и Гуюань: четыре памятника культуры в Нинся, претендующие на включение в список Всемирного культурного наследия] // Шэньси шифань дасюэ сюэбао. 2012. Т. 41, № 6. С. 91–102. (на кит. яз.)
- Сяньян шилуго му [Погребения Шестнадцати государств в Сяньяне]. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2006. 160 с., 124 ил. (на кит. яз.)
- Чжу Цуньши.** Гуюань Наньюань Хань-Тан муди чжундэ цзи цзо бэйчао му [Несколько погребений периода Северных династий на могильнике эпохи Хань-Тан Наньюань в Гуюане] // Бяньцзян каогу яньцзю. 2014. Вып. 15. С. 163–170. (на кит. яз.)
- Янь Лэй.** Сиань наньцзяо Цаочанпо цунь Бэйчао мудэ фацзюэ [Раскопки погребения эпохи Северных династий у д. Цаочанпо в южном пригороде Сианя] // Каогу. 1959. № 6. С. 285–287, вкл. 3–4. (на кит. яз.)

### References

- Guyuan Nanyuan Han-Tang mudi [Guyuan Nanyuan Han and Tang Cemetery]. Beijing, Cultural Relics Publ., 2009, 155p., 40 color pl. (in Chin.)
- Luo Feng.** Beichao, Sui-Tang shiqide Yuanzhou muzang [Yuanzhou Tombs of the Northern Dynasties, Sui and Tang Dynasties]. In: Yuanzhou gumu jicheng [Collection of the Ancient Tombs in Yuanzhou]. Beijing, Cultural Relics Publ., 1999, pp. 9–25. (in Chin.)
- Luo Feng.** Pengyang Xinji beiwei mu [Northern Wei Tombs in Xinji Township, Pengyang County]. *Cultural Relics*, 1988, no. 9, pp. 26–42, pl. 2–4. (in Chin.)
- Ma Jianjun, Zhou Peini.** Guyuan beichao wenwu kaogude faxian yu yanjiu [Discoveries and Research of Cultural Relics and Archeology of the Northern Dynasties in Guyuan]. *Journal of Guyuan Teachers College (Social Sciences)*, 2003, vol. 24, no. 2, pp. 47–51. (in Chin.)
- Mu Yani.** Guyuan beichao shiqi zangsu zhangzhi yanjiu [Research on Burial Customs and Burial System in Guyuan during the Northern Dynasties]. *Cultural Relics World*, 2020, no. 11, pp. 13–24. (in Chin.)

- Pengyang Haiziyuan mudi fajue baogao [Report on the Excavation of Haiziyuan Cemetery in Pengyang]. Shanghai, 2013, 136 p., 64 color pl. (in Chin.)
- Shulga D. P., Kudinova M. A.** Inter-Ethnic Relations and Cultural Syncretism in Early Medieval Guyuan (Based on the Materials of the Northern Wei Lacquer Coffin Tomb). *Stratum plus*, 2020, no. 4, pp. 193–201. (in Russ.)
- Tombs of the Northern Wei period in Yanbei Teachers College at Datong. Beijing, Cultural Relics Publ., 2008. 335 p. (in Chin.)
- Wang Yangyang.** Ningxia handai beichao kaogu yanjiu [A Summary of Research on Han Dynasty and Northern Dynasties Archaeology in Ningxia]. *Journal of Ningxia Normal University*, 2018, vol. 39, no. 9, pp. 84–92. (in Chin.)
- Wang Yanpeng.** Shanxi Xi'an Zhongzhao cun Shiliuguo mu [The Tomb of the Sixteen Kingdoms in Zhongzhao Village, Xi'an, Shaanxi Province]. *Appreciation*, 2021, no. 7, pp. 80–83. (in Chin.)
- Wei Jin.** Ningxia wenwu kaogu zhongde silu qizhen [Silk Road Artifacts among Guyuan Antiquities]. *Journal of Ningxia Normal University (Social Science)*, 2015, vol. 36, no. 2, pp. 105–107. (in Chin.)
- Xianyang shiliuguo mu [Xianyang Sixteen Kingdoms tombs]. Beijing, Cultural Relics Publ., 2006, 160 p., 124 pl. (in Chin.)
- Xue Zhengchang.** The Silk Road and Guyuan – The Four Cultural Relics in Ningxia Applying for the World Cultural Heritages. *Journal of Shaanxi Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, 2012, vol. 41, no. 6, pp. 91–102. (in Chin.)
- Yan Lei.** Xi'an nanjiao Caochangpo cun Beichao mude fajue [The Excavation of the Northern Dynasty Tomb in Caochangpo Village in the Southern Suburb of Xi'an]. *Archaeology*, 1959, no. 6, pp. 285–287, pl. 3–4. (in Chin.)
- Zhu Cunshi.** Several Northern Dynasties Tombs of Han and Tang Tombs at Nanyuan of Guyuan. *Research of China's Frontier Archaeology*, 2014, iss. 15, pp. 163–170. (in Chin.)

### Информация об авторе

**Мария Андреевна Кудинова**, кандидат исторических наук  
Scopus Author ID 57204361448  
WoS Researcher ID AAJ-2405-2021  
RSCI Author ID 821099  
SPIN 3321-4579

### Information about the Author

**Maria A. Kudinova**, Candidate of Sciences (History)  
Scopus Author ID 57204361448  
WoS Researcher ID AAJ-2405-2021  
RSCI Author ID 821099  
SPIN 3321-4579

Статья поступила в редакцию 13.12.2022;  
одобрена после рецензии 15.01.2023; принята к публикации 15.02.2023  
The article was submitted on 13.12.2022;  
approved after reviewing on 15.01.2023; accepted for publication on 15.02.2023

Научная статья

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-105-117

## Удила и псалии из археологических памятников Северного Алтая жужанского времени (по материалам некрополя Чобурак-I)

Николай Николаевич Серегин<sup>1</sup>

Алексей Алексеевич Тишкин<sup>2</sup>

Сергей Сергеевич Матренин<sup>3</sup>

Татьяна Сергеевна Паршикова<sup>4</sup>

<sup>1-4</sup> Алтайский государственный университет

Барнаул, Россия

<sup>1</sup> nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

<sup>2</sup> tishkin210@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

<sup>3</sup> matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

<sup>4</sup> taty-parshikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5078-8244>

### Аннотация

Представлены результаты анализа серии удил и псалиев из объектов жужанского времени комплекса Чобурак I. В составе данного памятника, расположенного в Чемальском районе Республики Алтай, экспедицией Алтайского государственного университета раскопан компактный некрополь булан-кобинской археологической культуры. Рассматриваемые элементы конского снаряжения происходят из восьми мужских и двух женских непо потревоженных погребений с сопроводительным захоронением лошади. Публикуемая коллекция насчитывает девять удил и пять псалиев, имеющих хорошую и удовлетворительную сохранность. Морфологический анализ и классификация находок с привлечением актуальных аналогий из памятников, раскопанных на сопредельных территориях, стали основанием для выделения нескольких типов предметов, а также позволили установить датировку изделий и их распространение в материальной культуре ранних тюрок Алтая и сопредельных территорий.

### Ключевые слова

конское снаряжение, Алтай, булан-кобинская культура, погребение, жужанское время, хронология

### Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая» (№ FZMW-2023-0009) Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации

### Для цитирования

Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С. Удила и псалии из археологических памятников Северного Алтая жужанского времени (по материалам комплекса Чобурак-I) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 105–117. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-105-117

© Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 105–117  
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 105–117

## Bits and Cheek-Pieces from the Archaeological Sites of the Northern Altai of the Rouran Period (Based on the Materials of the Choburak-I Complex)

Nikolai N. Seregin<sup>1</sup>, Alexey A. Tishkin<sup>2</sup>  
Sergei S. Matrenin<sup>3</sup>, Tatyana S. Parshikova<sup>4</sup>

<sup>1-4</sup> Altai State University  
Barnaul, Russian Federation

<sup>1</sup> nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

<sup>2</sup> tishkin210@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

<sup>3</sup> matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

<sup>4</sup> taty-parshikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5078-8244>

### Abstract

*Purpose.* This article studies bits and cheek-pieces belong to the mass categories of riding horse equipment from the archaeological sites of Altai of 2<sup>nd</sup> century BC – 5<sup>th</sup> century AD. These finds, taking into account the rarity of such materials from synchronous sites in adjacent territories, are an important source for the reconstruction of horse equipment of the nomads of Central and North Asia. The article presents the analysis of a series of bits and cheek-pieces from objects of the Rouran period of the Choburak-I necropolis.

*Methods and Results.* The analyzed collection includes nine bits and five cheek-pieces. The basis of the study was the morphological analysis and classification of items of horse equipment, as well as the comparison of these finds with materials from neighboring territories. Two types of bits and two types of cheek-pieces are distinguished, demonstrating common and special features of the manufacture of bridle sets by the population of Northern Altai in the Rouran period. A comparative study made it possible to determine their dating and genesis.

*Conclusion.* It has been established that bits and cheek-pieces are an important chronological marker for further clarification of the periodization of the archaeological sites of Altai. It is concluded that the horse equipment of the Bulan-Koby archaeological culture had a significant impact on the appearance of this category of objects among the early Turks. The results obtained expand the existing ideas about the evolution of horse equipment among the nomads of Asia in the middle of the 1<sup>st</sup> millennium AD.

### Keywords

horse equipment, Altai, Bulan-Koby culture, burial, Rouran period, chronology

### Acknowledgements

The reported study was funded by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project FZMW-2023-0009 “Interdisciplinary Study of Ancient Societies of Altai”)

### For citation

Seregin N. N., Tishkin A. A., Matrenin S. S., Parshikova T. S. Bits and Cheek-Pieces from the Archaeological Sites of the Northern Altai of the Rouran Period (Based on the Materials of the Choburak-I Complex). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 105–117. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-105-117

## Введение

Удила и псалии относятся к массовым категориям снаряжения верхового коня, которые обнаружены в археологических памятниках Алтая последней четверти I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. На сегодняшний день данные изделия представлены обширной серией находок из некрополей булан-кобинской культуры. В количественном отношении эта выборка существенно превосходит собрания подобных предметов из синхронных комплексов других областей Центральной и Северной Азии. Такая ситуация в значительной степени обусловлена существованием у многих групп населения Алтая традиции ингумации человека с лошадью (иногда с отдельными частями туши) на протяжении II в. до н. э. – V в. н. э. В связи с этим результаты анализа удил и псалиев из памятников булан-кобинской культуры имеют большое значение для общего понимания процессов эволюции элементов конского снаряжения кочевников обозначенных обширных регионов.

Первый опыт комплексного изучения элементов узды верхового коня населения Алтая эпохи Великого переселения народов был предпринят А. А. Гавриловой. В одном из разделов монографии, посвященной характеристике материалов комплекса Кудыргэ, исследовательница, несмотря на весьма ограниченную на тот момент источниковую базу, сделала ряд ценных наблюдений относительно развития конской амуниции кочевников региона в IV–V вв. н. э., часть которых сохраняет актуальность и по сей день [Гаврилова, 1965, с. 57, 81, рис. 15]. Более чем два десятилетия спустя к данной проблеме обратился Ю. Т. Мамадаков [1990, с. 103–105], в кандидатской диссертации представивший возможности анализа удил из раскопанных им некрополей Центрального Алтая первой половины I тыс. н. э. Значимый вклад в расширение объема имеющихся материалов и изучение конского снаряжения из памятников рассматриваемого региона внес В. И. Соенов, осуществивший систематизацию серии находок [Соенов, Эбель, 1992, с. 34–35]. Определенным итогом этой работы стала развернутая классификация удил и псалиев, а также ряд важных заключений о типологии таких предметов [Соенов, 1998]. Опыт реконструкции уздечных наборов предтюрокского времени из курганов археологического комплекса Яломан-II, исследованного в Центральном Алтае, предпринят А. А. Тишкиным и Т. Г. Горбуновой [2005, с. 121–122]. Ряд работ, в которых представлены различные аспекты анализа конского снаряжения из памятников булан-кобинской культуры Алтая, опубликован соавторами данной статьи (см. [Матренин, 2018; Тишкин и др., 2018, с. 109–114] и др.).

Накопленный опыт изучения амуниции верховых коней демонстрирует значительное разнообразие уздечных гарнитур, используемых кочевниками булан-кобинской культуры, что в том числе отражает эволюцию в направлении поиска оптимальных решений в изготовлении данных предметов. Полученные результаты показывают, что обозначенные категории вещей весьма информативны для хронологической интерпретации погребальных комплексов, а также при осуществлении реконструкции процессов взаимодействия разных групп населения. Кроме того, отдельные предметы, связанные с конским снаряжением, относятся к «социальным маркерам» погребального инвентаря населения Алтая II в. до н. э. – V в. н. э.

Несмотря на увеличение археологических материалов из памятников конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э., в том числе в ходе работ, проведенных в последние десятилетия в разных частях Азии, сохраняется дефицит полноценно опубликованных коллекций удил и псалиев из хорошо датирующихся закрытых комплексов. В частности одной из проблем остается незначительное количество качественно изданных уздечных наборов, обнаруженных при исследовании памятников кочевников II–V вв. н. э. на территории Монголии, Маньчжурии и Восточного Туркестана.

Обозначенные обстоятельства определяют актуальность работ, направленных на публикацию, анализ и интерпретацию предметов конского снаряжения из памятников рассматриваемого периода. В настоящей статье представлен опыт изучения серии удил и псалиев из объектов некрополя жужанского времени Чобурак-I.

### Источники и методы исследования

Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I расположен на правом берегу Катунь, к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. Археологической экспедицией Алтайского государственного университета в составе данного памятника раскопан компактный некрополь булан-кобинской культуры, включавший 12 непотревоженных курганов [Серегин и др., 2022]. Все исследованные погребения взрослых людей относятся к дялянкой традиции обрядовой практики, одним из важных признаков которой выступает захоронение умершего человека в сопровождении лошади, уложенной в «ногах» или поверх покойного [Серегин, Матренин, 2016, с. 161–162]. Анализ сопроводительного инвентаря из могил, а также полученные результаты радиоуглеродного датирования свидетельствуют о хронологии рассматриваемого комплекса в рамках середины – второй половины IV в. н. э.

Удила и псалии обнаружены в восьми мужских (курганы № 30, 30а, 31, 31а, 32, 34, 34а, 38) и двух женских (курганы № 32а, 33) погребениях, что демонстрирует широкое распространение рассматриваемых предметов и одновременно их символическую значимость при реализации обрядовой практики. Во всех случаях указанные изделия размещались в челюстях лошадей. Большинство железных предметов имели умеренную степень коррозии металла, выражающуюся в удовлетворительной и хорошей сохранности находок.

В результате проведенных работ в лабораторных условиях удалось восстановить облик девяти удил и пяти псалиев<sup>1</sup>. Зафиксированная коллекция характеризуется морфологическим разнообразием целых и фрагментированных образцов, что позволяет осуществить их классификацию на основе таксонов, демонстрирующих степень изменчивости показательных признаков от самых общих к наиболее вариативным.

Обнаруженные удила и псалии подвергнуты отдельной морфологической систематизации на основе ранее апробированного анализа обозначенных элементов конского снаряжения из других памятников булан-кобинской культуры [Матренин, 2018; Тишкин и др., 2018, с. 109–114]. В основу классификации удил положено сочетание таких параметров, как материал изготовления (группа); технология изготовления (разряд); способ подвижного соединения грызель (раздел); наличие или отсутствие псалиев (отдел); оформление внешних окончаний грызель (тип); наличие или отсутствие дополнительных петель для повода, их конструкция и форма (вариант). В рамках систематизации псалиев использована схема, учитывающая иерархию следующих показателей: материал предмета (группа); технология изготовления (разряд); деление псалиев на вертикальные и кольчатые (раздел); количество отверстий или колец (отдел); размер кольчатых псалиев (подотдел); абрис изделий (тип); дополнительные элементы оформления концов и отверстий вертикальных псалий, наличие или отсутствие обойм и петель у кольчатых модификаций (вариант).

### Анализ материалов

В результате классификации девяти удил хорошей и удовлетворительной сохранности выделены одна группа, один разряд, два раздела, два отдела, два типа изделий, включающих три варианта.

*Группа I.* Железные удила.

*Разряд I.* Кованые, гладкие из дрота округлого или подквадратного сечения.

*Раздел I.* С псалиями.

*Отдел I.* Соединеннокольчатые.

*Тип 1.* С петельчатыми окончаниями звеньев. Комплекты имеют грызла со слабо выраженной асимметрией длины (5,2 × 6 см; 9,8 и 11 см). Диаметр окончаний звеньев по внешнему контуру варьирует в пределах 1,9–2,7 см.

*Вариант а* – с дополнительными петлями из перевитой проволоки, имеющими восьмерковидную форму. Включает два экземпляра от уздечных наборов из курганов № 33 и 34 (рис. 1, 2, 3).

*Вариант б* – без дополнительных петель. Включает один экземпляр из кургана № 30а (рис. 1, 1).

*Раздел II.* Без псалиев.

*Отдел II.* Соединеннокрюковые.

*Тип 2.* С петельчатыми окончаниями звеньев. Длина грызель варьирует в пределах от 8,6 до 12 см, диаметр окончаний по внешнему краю составляет 2,3–3,3 см. Наблюдается преобладание комплектов, имеющих небольшую асимметрию длины звеньев.

---

<sup>1</sup> Работы по восстановлению внешнего вида и консервации данных изделий выполнены сотрудником Музея археологии и этнографии Алтая И. А. Чудилиным. Им же подготовлены графические иллюстрации публикуемых находок.



Рис. 1. Удила и псаали из объектов некрополя Чобурак-1  
 (а – прорисовка; б – внешний вид находок): 1 – курган № 30а; 2 – курган № 33; 3 – курган № 34 (1–3 – железо)

Fig. 1. Bits and cheek-pieces from the objects of the Choburak-1 necropolis  
 (a – drawing; б – appearance of the finds): 1 – mound no. 30а; 2 – mound no. 33; 3 – mound no. 34 (1–3 – iron)

*Вариант а* – с дополнительными петлями из гладкого дрота, имеющими вытянуто-овальную форму со слегка вогнутыми боковыми сторонами. Включает шесть экземпляров из курганов № 31, 31а, 32, 32а, 34а, 38 (рис. 2, 2–7)<sup>2</sup>.

Учитывая различную степень сохранности, удалось провести классификацию пяти псалиев, что позволило выделить одну группу, один разряд, один раздел, один отдел, два типа предметов с тремя вариантами.

*Группа I.* Железные псалии.

*Разряд I.* Кованые, гладкие.

*Раздел I.* Кольчатые.

*Отдел I.* Однокольчатые. Подотдел *а* – малые (размеры до 5 см).

*Тип 1.* Круглые.

*Вариант а* – с обоймой в виде пластины, согнутой пополам. Включает экземпляр хорошей сохранности из кургана № 30а (см. рис. 1, 1).

*Разряд II.* Кованые, ложновитые.

*Раздел I.* Кольчатые.

*Отдел I.* Однокольчатые. Подотдел *а* – большие (свыше 5 см).

*Тип 2.* Круглые.

*Вариант а* – с восьмерковидными петлями из перевитого дрота. Включает два экземпляра из кургана № 33 (см. рис. 1, 2)<sup>3</sup>.

*Вариант б* – с восьмерковидными петлями из перевитого дрота и полуобоймами в виде пластин, согнутых пополам. Последние имеют вытянуто-прямоугольную форму, широкое сегментовидное окончание, шпеньки для крепления к кожаным ремням. Включает два экземпляра из кургана № 34 (см. рис. 1, 3).

Реализованный опыт морфологической систематизации предметов предоставляет возможности для рассмотрения общих и особенных черт изученных категорий снаряжения верхового коня, а также определения круга актуальных для их хронологической интерпретации аналогий в комплексах булан-кобинской культуры Алтая и синхронных памятников, раскопанных в Центральной и Северной Азии. Выделенные типы удил и псалиев выступают основой для типологического исследования, целью которого является установление относительной датировки и генезиса разных изделий.

### Обсуждение результатов

Все классифицированные удила из объектов некрополя Чобурак-I выполнены в техникековки из гладкого дрота подквадратного или округлого сечения. Они имеют слабо выраженную асимметрию длины звеньев в комплексах. Среди них наиболее ранними являются соединеннокольчатые удила с кольчатыми окончаниями звеньев (тип 1). На Алтае подобные предметы, изготовленные из железа, фиксируются начиная со скифо-сакского времени [Соенов, 1998, с. 97]. В Центральной Азии такие удила достаточно часто использовали хунну (II в. до н. э. – I в. н. э.) и сяньби (конец I – начало III в. н. э.) (см. [Коновалов, 1976, табл. VI, 1, 2, 8, 10, 12; Яремчук, 2005, рис. 107, 3] и мн. др.). Удила типа 1 представлены в конской амуниции булан-кобинской культуры со II в. до н. э. по V в. н. э. Во второй половине I тыс. н. э. данные изделия активно использовались раннесредневековыми тюрками (см. [Гаврилова, 1965, табл. IV, 7; V, 4; Кубарев, 2005, с. 119–120] и мн. др.). Показательными для датировки удил данного типа из объектов некрополя Чобурак-I являются дополнительные

<sup>2</sup> С большой долей вероятности к этому типу могут относиться также удила из кургана № 30, имеющие сильно поврежденное соединение звеньев. Особенностью данного экземпляра является наличие у кольчатых окончаний звеньев витых восьмерковидных петель (рис. 2, 1).

<sup>3</sup> В одной петле зафиксированы железные окислы, которые могут быть частью сломанной пластины-полуобоймы.

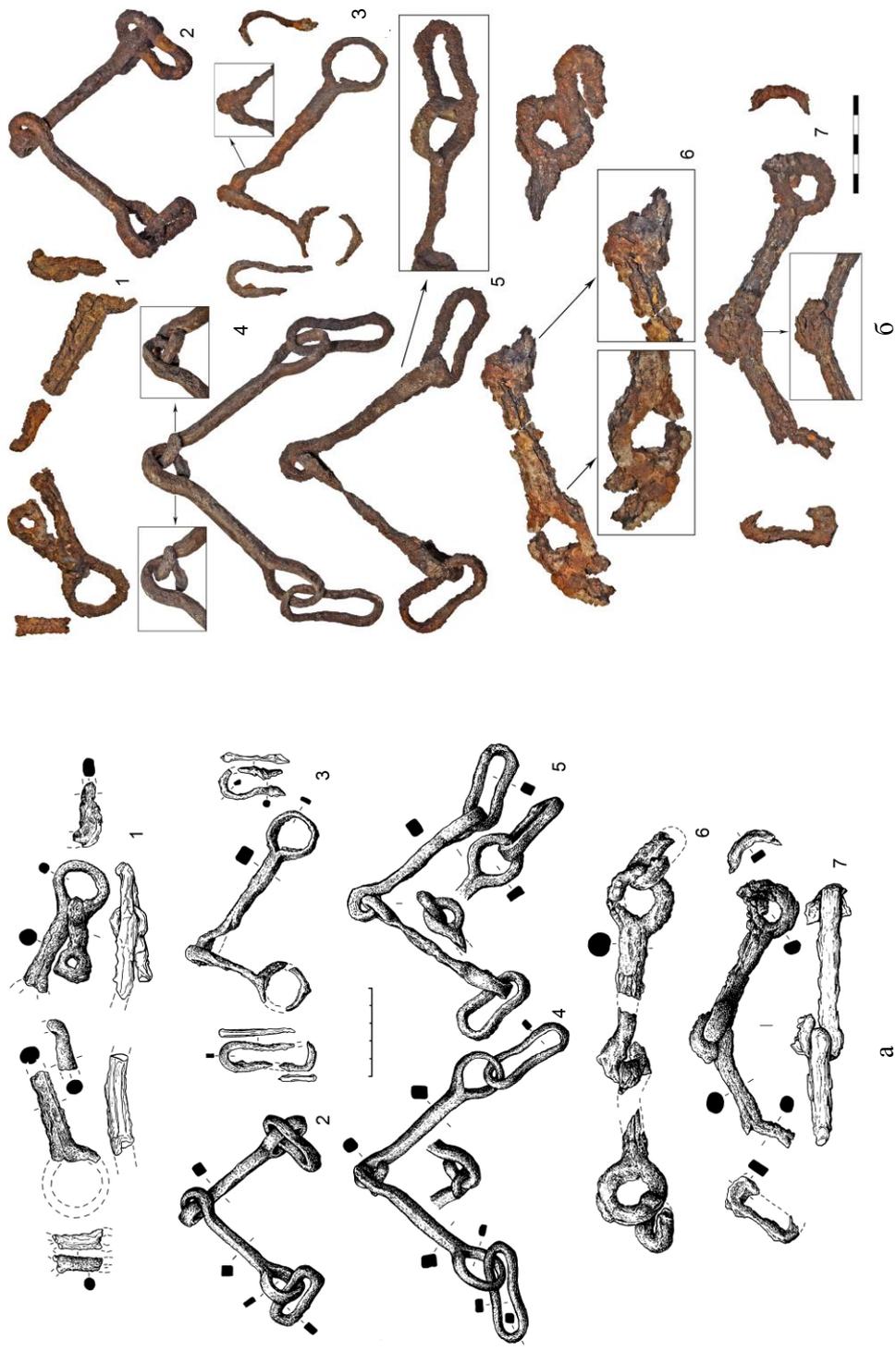


Рис. 2. Удила и псалии из объектов некрополя Чобурак-I (а – прорисовка; б – внешний вид находок): 1 – курган № 30; 2 – курган № 31; 3 – курган № 31а; 4 – курган № 32а; 5 – курган № 34а; 6 – курган № 32; 7 – курган № 38 (1-7 – железо)

Fig. 2. Bits and cheek-pieces from the objects of the Choburak-I necropolis (a – drawing; б – appearance of the finds): 1 – mound no. 30; 2 – mound no. 31а; 3 – mound no. 31а; 4 – mound no. 32а; 5 – mound no. 34а; 6 – mound no. 32; 7 – mound no. 38 (1-7 – iron)

железные восьмерковидные витые петли. При изучении снаряжения из памятников Алтая отмечено, что данный элемент впервые появился не ранее конца III – начала IV в. н. э. [Матренин, 2017, с. 25]. В составе уздечных наборов такие крепления зафиксированы в погребениях могильника Дялян [Тетерин, 1995, рис. 50], который относится к жузжанскому времени.

Другую линию развития демонстрируют удила с крюковым соединением и петельчатыми окончаниями звеньев, выделенные в тип 2. В Центральной Азии такие модификации без дополнительных петель появились, судя по имеющимся материалам, в позднехуннское время (конец I в. до н. э. – I в. н. э.), но получили широкое распространение с раннесяньбийского периода (конец I – начало III в. н. э.) [Мамадаков, 1990, с. 104; Яремчук, 2005, рис. 107, 3; 110, 6, 8, 9; 111, 3, 5; 113, 3]. Похожие удила использовались для управления лошадьми тюрками Алтая во второй половине V – X в., как, впрочем, и многими другими группами населения Евразии в период раннего Средневековья [Гаврилова, 1965, рис. 8, 10; 10, 1; табл. X, 9; XII, 14; XV, 6; XVIII, 18; XXIII, 1, 2; Кубарев, 2005, рис. 34, 1, 2]. Для булан-кобинской культуры датировка удил типа 2 может быть определена в рамках II–V вв. н. э. На Алтае точные аналогии им зафиксированы в погребальных комплексах второй половины IV – V в. н. э. (Верх-Уймон, Дялян, Яломан-II) [Соенов, 1998, с. 93, 96–98, рис. 1, 8; 2, 1–3; Тишкин и др., 2018, с. 110, табл. 30, 7, 9; 31, 1, 2].

Показательными для изучения эволюции снаряжения верхового коня являются железные кольчатые псалии, обнаруженные в трех объектах некрополя Чобурак-I. Такие находки представлены гладкими экземплярами малого размера (тип 1) и ложновитыми образцами большого диаметра (тип 2). Подобные изделия крайне редко встречаются в археологических материалах Центральной Азии конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. [Амартүвшин, Хатанбаатар, 2008, рис. 8, 2]. В Туве единичные экземпляры кольчатых псалиев из гладкого и ложновитого дрота найдены в комплексах кокэльской культуры конца III – IV в. н. э. [Вайнштейн, 1970, рис. 51, 8, 9; Кызласов, 1979, рис. 82, 1, 2]. Образцы гладких кольчатых псалиев происходят из склепов таштыкской культуры Среднего Енисея V–VI вв. н. э. [Вадецкая, 1999, табл. 137, 2]. В Средней Азии они обнаружены в памятниках кенкольской культуры III–IV вв. н. э. [Заднепровский, 1992, табл. 31, 9]. На юге Западной Сибири кольчатые гладкие псалии известны с конца III – начала IV в. н. э. [Ширин, 2003, табл. XXXVI, 1].

Анализ уздечных наборов кочевников булан-кобинской культуры предоставляет основания для выделения двух волн распространения железных кольчатых псалиев на территории Алтая. «Ранняя» волна (I в. до н. э. – I в. н. э.) связана с влиянием материальной культуры кочевников «юэчжийско-сарматского» круга. Псалии этого хронологического периода отличаются сравнительно большим диаметром (от 5 до 7,5 см), не имеют обойм, сочетаются с удилами, имеющими петельчатые окончания звеньев. Начало «поздней» волны использования кольчатых псалиев «булан-кобинцами» приходится, по-видимому, на конец III – первую половину IV в. н. э. и отражает импульс влияния юго-западного происхождения в рамках продвижения на «северо-восток» выходцев из Тянь-Шаня. Особенность данных изделий состоит преимущественно в небольшом диаметре (до 5 см), наличии металлических пластин-полуобойм, а также их сочетании с удилами, имеющими малокрючные окончания [Матренин, 2018, с. 189].

Железные кольчатые псалии из могильника Чобурак-I предпочтительно рассматривать в рамках «второй» волны распространения таких изделий на Алтае в эпоху Великого переселения народов. При этом в отношении больших ложновитых псалиев с дополнительными восьмерковидными петлями (тип 2) определенно следует указывать их нижнюю хронологическую границу не ранее IV в. н. э. В Центральной Азии самые ранние изделия этого типа обнаружены в Туве в погребении некрополя Кокэль [Вайнштейн, 1970, рис. 51, 8, 9]. Наиболее архаичные для Средневековья кольчатые ложновитые псалии найдены в оградке комплекса Кудыргэ второй половины V – первой половины VI в. [Илюшин, 2000, рис. II, 5]. Большая часть кольчатых ложновитых псалиев обнаружена в раннетюркских памятниках Алтая. Кроме того, рассматриваемые элементы конского снаряжения найдены в двух объек-

тах, раскопанных на территории Тувы, а также в одном захоронении, исследованном в Монголии (см. обзор: [Серегин, Васютин, 2021, с. 148–150; рис. 172]). Принимая во внимание известные археологические материалы, период бытования кольчатых ложновитых псалиев типа 2 можно определить предварительно в рамках IV–VII вв. н. э. [Там же, с. 150]. Более детальная хронология изделий данного типа требует привлечения новых археологических материалов. Результаты раскопок могильника Чобурак-I оставляют открытым вопрос о характере связи булан-кобинских железных гладких псалиев малого и большого размеров.

### Заключение

Изученная серия предметов снаряжения верхового коня из некрополя булан-кобинской культуры погребально-поминального комплекса Чобурак-I является основой для характеристики общих и особенных черт конструкции удил и псалиев, представленных несколькими модификациями. Соединеннопетельчатые удила с кольчатыми окончаниями звеньев (тип 1) датируются с учетом актуальных аналогий из памятников разных регионов Азии в рамках II в. до н. э. – V в. н. э. При этом важно подчеркнуть, что впервые на Алтае в эпоху Великого переселения народов удила такой конструкции были снабжены кольчатыми ложновитыми псалиями большого размера, имеющими дополнительные петли в виде витых восьмерковидных петель, а в отдельных случаях – еще и железные пластины-полуобоймы. Данные комплекты являются прототипом уздечных наборов для лошадей в культуре раннесредневековых тюрок второй половины V – VII в. н. э. Материалы комплекса Чобурак-I демонстрируют сосуществование кольчатых ложновитых псалиев большого диаметра и гладких псалиев малого размера. При этом последние сочетаются с удилами, имеющими петельчатое соединение и кольчатое окончание звеньев. Достаточно необычным является то, что обнаруженные соединеннокрюковые удила с кольчатыми окончаниями и дополнительными петлями для повода (тип 2) не оснащены псалиями. В порядке рабочей гипотезы можно предположить, что их функцию выполняли дополнительные петли для повода. Точные аналогии данным изделиям известны в опубликованных погребальных комплексах булан-кобинской культуры второй половины IV – первой половины V в. н. э. Совокупность сделанных заключений позволяет рассматривать отдельные типы удил и псалиев в качестве надежного маркера для дальнейшей детализации периодизации памятников Алтая. Важным обстоятельством, требующим дальнейшего специального рассмотрения, является возможное влияние традиций «булан-кобинцев» на формирование облика данных функциональных гарнитур для лошадей у ранних тюрок.

Таким образом, результаты изучения публикуемой серии удил и псалиев из объектов некрополя Чобурак-I расширяют возможности для разностороннего изучения особенностей материальной культуры кочевников Алтая жужанского времени и дополняют имеющиеся представления об эволюции снаряжения верховых коней народов Азии на рубеже поздней древности и Средневековья.

### Список литературы

- Вадецкая Э. Б.** Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
- Вайнштейн С. И.** Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения кызылганской и сыинчурекской культур) // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л.: Наука, 1970. Т. 3. С. 7–79.
- Гаврилова А. А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Заднепровский Ю. А.** Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степи Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 73–87. (Археология СССР)

- Илюшин А. М.** Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 157–169.
- Коновалов П. Б.** Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.
- Кубарев Г. В.** Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- Кызласов Л. Р.** Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
- Мамадаков Ю. Т.** Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.
- Матренин С. С.** Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н. э. – V в. н. э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.
- Матренин С. С.** Хронологические индикаторы снаряжения верхового коня кочевников сяньбийско-жужанского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры Алтая) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. Вып. 2. С. 188–195.
- Серегин Н. Н., Васютин С. А.** Раннетюркские археологические комплексы Центрального и Восточного Алтая (по материалам исследований А. С. Васютина). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2021. 296 с.
- Серегин Н. Н., Матренин С. С.** Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н. э. – XI в. н. э. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. 272 с.
- Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С.** Неординарное погребение подростка с воинским инвентарем из некрополя жужанского времени Чобурак-I (Северный Алтай) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 1. С. 122–133.
- Соенов В. И.** Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. С. 93–98.
- Соенов В. И., Эбель А. В.** Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 116 с.
- Тетерин Ю. В.** Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. С. 131–135.
- Тишкин А. А., Горбунова Т. Г.** Реконструкция уздечных наборов булан-кобинской культуры (по материалам памятника Яломан-II) // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 118–122.
- Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В.** Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. 368 с.
- Ширин Ю. В.** Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
- Яремчук О. А.** Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: Дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.
- Амартүвшин Ч., Хатанбаатар П.** Хурэн хондын хунну булшны судалгаа // Археологийн судлал. 2008. Боть VI (XXVI). Т. 190–212. (на монг. яз.)

## References

- Amartyvshin Ch., Hatanbaatar P.** Hurjen hondyn hunnu bulshny sudalgaa [A study of Xiungnu tombs in Khuren Khond]. *Arheologijn sudlal* [Archaeological news], 2008, no. 6, pp. 190–212. (in Mong.)
- Gavrilova A. A.** Mogil'nik Kudyrgeje kak istochnik po istorii altajskih plemen [Burial ground Kudyrge as a source on the history of the Altai tribes]. Moscow; Leningrad, Nauka, 1965, 146 p. (in Russ.)
- Ilyushin A. M.** Mogil'nik Kudyrgeje i voprosy drevnetjurkskoi istorii Sayano-Altaya [Burial ground Kudyrge and questions of ancient Turkic history of Sayano-Altai]. In: *Pamyatniki drevnetjurkskoi kul'tury v Sayano-Altai i Tsentral'noi Azii* [Monuments of ancient Turkic culture in the Sayano-Altai and Central Asia]. Novosibirsk, NSU Press, 2000, pp. 157–169. (in Russ.)
- Konovalov P. B.** Khunnu v Zabaikal'e (pogrebal'nye pamyatniki) [Xiungnu in Transbaikalia (burial monuments)]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1976, 221 p. (in Russ.)
- Kubarev G. V.** Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov) [The culture of the ancient Turks of Altai (based on the materials of funeral monuments)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2005, 400 p. (in Russ.)
- Kyzlasov L. R.** Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.) [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9<sup>th</sup> century)]. Moscow, MSU Press, 1979, 207 p. (in Russ.)
- Mamadakov Yu. T.** Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaia v pervoi polovine I tys. n. e. [The culture of the population of Central Altai in the first half of the 1<sup>st</sup> millennium AD]. Cand. Hist. Sci. Diss, Novosibirsk, 1990, 317 p. (in Russ.)
- Matrenin S. S.** Khronologicheskie indykatory snaryazheniya verkhovogo konya kochevnikov syan'-biisko-zhuzhanskogo vremeni (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov bulan-kobinskoi kul'tury Altaya) [Chronological indicators of the equipment of the riding horse of the nomads of the Xianbei-Rouran period (based on the materials of the burial monuments of the Bulan-Koby culture of Altai)]. In: *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii* [Modern solutions to urgent problems of Eurasian archeology]. Barnaul, AltSU Press, 2018, pp. 188–195. (in Russ.)
- Matrenin S. S.** Snaryazhenie kochevnikov Altaya (II v. do n. e. – V v. n. e.) [Equipment of Altai nomads (2<sup>nd</sup> century BC – 5<sup>th</sup> century AD)]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2017, 142 p. (in Russ.)
- Seregin N. N., Matrenin S. S.** Pogrebal'nyi obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n. e. – XI v. n. e. [Funeral rite of Altai nomads in the 2<sup>nd</sup> century BC – 11<sup>th</sup> century AD]. Barnaul, AltSU Press, 2016, 272 p. (in Russ.)
- Seregin N. N., Tishkin A. A., Matrenin S. S., Parshikova T. S.** Neordinarnoe pogrebenie podrostka s voinskim inventarem iz nekropolya zhuzhanskogo vremeni Choburak-I (Severnyi Altai) [Extraordinary burial of a teenager with military equipment from the Choburak-I necropolis of the Rouran period (Northern Altai)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2022, no. 1, pp. 122–133. (in Russ.)
- Seregin N. N., Vasyutin S. A.** Rannetyurkskie arkheologicheskie komplekсы Tsentral'nogo i Vostochnogo Altaya (po materialam issledovaniya A. S. Vasyutina) [Early Turkic archaeological complexes of the Central and Eastern Altai (based on the research materials of A. S. Vasyutin)]. Barnaul, AltSU Press, 2021, 296 p. (in Russ.)
- Shirin Yu. V.** Verkhnee Priob'e i predgor'ya Kuznetskogo Alatau v nachale I tys. n. e. (pogrebal'nye pamyatniki fominskoi kul'tury) [Upper Ob and foothills of the Kuznetsk Alatau at the beginning of the 1<sup>st</sup> millennium AD (burial monuments of the Fomin culture)]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost', 2003, 288 p. (in Russ.)
- Soenov V. I.** Uдила i psalii gunno-sarmatskogo vremeni Gornogo Altaya [Ribs and cheek-pieces of the Hunno-Sarmatian period of Gorny Altai]. In: *Snaryazhenie verkhovogo konya na Altai v rannem zheleznom veke i srednevekov'e* [Riding horse equipment in Altai in the early Iron Age and the Middle Ages]. Barnaul, AltSU Press, 1998, pp. 93–98. (in Russ.)
- Soenov V. I., Ebel A. V.** Kurgany gunno-sarmatskoi epokhi na Verkhnei Katuni [Mounds of the Hunno-Sarmatian era on the Upper Katun]. Gorno-Altaysk, GASPI Press, 1992, 116 p. (in Russ.)

- Teterin Yu. V.** Poyasnye nabory gunno-sarmatskoi epokhi Gornogo Altaya [Belt sets of the Hun-Sarmatian era of Gorny Altai]. In: Problemy okhrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya [Problems of protection, study and use of the cultural heritage of Altai]. Barnaul, AltSU Press, 1995, pp. 131–135. (in Russ.)
- Tishkin A. A., Gorbunova T. G.** Rekonstruktsiya uzdechnykh naborov bulan-kobinskoi kul'tury (po materialam pamyatnika Yaloman-II) [Reconstruction of the bridle sets of the Bulan-Koby culture (based on the materials of the Yaloman-II site)]. In: Snaryazhenie kochevnikov Evrazii [Equipment of Eurasian nomads]. Barnaul, AltSU Press, 2005, pp. 118–122. (in Russ.)
- Tishkin A. A., Matrenin S. S., Shmidt A. V.** Altai v syan'biisko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka) [Altai in the Xianbei-Rouran period (based on materials from the Stepushka monument)]. Barnaul, AltSU Press, 2018, 368 p. (in Russ.)
- Vadetskaya E. B.** Tashtytskaya epokha v drevnei istorii Sibiri [Tashtyk era in the ancient history of Siberia]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1999, 440 p. (in Russ.)
- Vainshtein S. I.** Raskopki mogil'nika Kokel' v 1962 g. (pogrebeniya kyzylganskoi i syyn-churekskoi kul'tur) [Excavations of the Kokel burial ground in 1962 (burials of the Kyzylgan and Syyn-Churek cultures)]. In: Tr. Tuvinskoj kompleksnoj arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii [Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographic Expedition]. Leningrad, Nauka, 1970, pp. 7–79. (in Russ.)
- Yaremchuk O. A.** Mogil'nik Zorgol-I – pamyatnik khunno-syan'biiskoi epokhi stepnoi Daurii [The burial ground of Zorgol-I is a monument of the Xiongnu-Xianbei era of the steppe Dauria]. Cand. Hist. Sci. Diss. Chita, 2005, 296 p. (in Russ.)
- Zadneprovsky Yu. A.** Rannie kochevniki Semirech'ya i Tyan'-Shanya [Early nomads of Semirechye and Tien Shan]. In: Stepi Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppes of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period]. Moscow, Nauka, 1992, pp. 73–87. (in Russ.) (Archeology of the USSR)

### Информация об авторах

- Николай Николаевич Серегин**, доктор исторических наук, доцент, заведующий лабораторией  
Scopus Author ID 56103532200  
WoS Researcher ID Q-8903-2017  
RSCI Author ID 434010  
SPIN 1228-1693
- Алексей Алексеевич Тишкин**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой  
Scopus Author ID 18042628200  
WoS Researcher ID A-7059-2016  
RSCI Author ID 77701  
SPIN 8232-4049
- Сергей Сергеевич Матренин**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник  
Scopus Author ID 57209879158  
RSCI Author ID 380038  
SPIN 1873-4593
- Татьяна Сергеевна Паршикова**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник  
Scopus Author ID 56518093000  
RSCI Author ID 766518  
SPIN 3204-4971

### Information about the Authors

**Nikolai N. Seregin**, Doctor of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 56103532200

WoS Researcher ID Q-8903-2017

RSCI Author ID 434010

SPIN 1228-1693

**Alexey A. Tishkin**, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus Author ID 18042628200

WoS Researcher ID A-7059-2016

RSCI Author ID 77701

SPIN 8232-4049

**Sergei S. Matrenin**, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher

Scopus Author ID 57209879158

RSCI Author ID 380038

SPIN 1873-4593

**Tatiana S. Parshikova**, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher

Scopus Author ID 56518093000

RSCI Author ID 766518

SPIN 3204-4971

### Вклад авторов

Н. Н. Серегин – разработка концепции исследования, анализ материала, формулирование выводов, подготовка первой версии статьи.

А. А. Тишкин – обобщение результатов, доработка текста.

С. С. Матренин – отбор и анализ материала, обобщение результатов, компоновка иллюстраций.

Т. С. Паршикова – отбор и анализ материала, обобщение результатов, компоновка иллюстраций.

### Contribution of the Authors

Nikolai N. Seregin developed the research concept, analyzed the material, made conclusions, prepared the first version of the article.

Alexey A. Tishkin summed up the results, revised the text.

Sergey S. Matrenin selected and analyzed material, summed up the results, composed the illustrations.

Tatyana S. Parshikova selected and analyzed material, summed up the results, composed the illustrations.

*Статья поступила в редакцию 16.02.2023;  
одобрена после рецензии 13.02.2023; принята к публикации 15.02.2023  
The article was submitted on 16.02.2023;  
approved after reviewing on 13.02.2023; accepted for publication on 15.02.2023*

Научная статья

УДК 902.21

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-118-130

## **Селище Ябалаклы-1: новые материалы по чияликской культуре Южного Предуралья**

**Евгений Владимирович Русланов**

Институт истории, языка и литературы  
Уфимского федерального исследовательского центра  
Российской академии наук  
Уфа, Россия

butleger@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0387-3360>

### *Аннотация*

Представлены результаты работ, проведенных в долине реки Дема в Южном Предуралье в 2021 г. комплексной Золотоордынской археологической экспедицией ИИЯЛ УФИЦ РАН. Результатом разведки стало выявление интересного и довольно редкого памятника – открытого селища чияликской археологической культуры. Было установлено, что памятник является однослойным, в его культурном слое обнаружено большое количество костей животных, фрагментов чугунных котлов, а также обломков гончарной и поливной посуды. Полученные данные позволяют датировать памятник в пределах XIII–XIV вв. и отнести к кругу синхронных селищ чияликской культуры Горновского археологического микрорайона.

### *Ключевые слова*

Южное Предуралье, река Дема, позднее Средневековье, чияликская культура, селище

### *Благодарности*

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00815 «Комплексная реконструкция освоения горных степей Южного Урала от эпохи камня до Нового времени (социокультурные и природные трансформации)».

Статья подготовлена по теме «Социокультурные процессы на Евразийском пространстве с древнейших времен до современности» госзадания Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук на 2023 год.

### *Для цитирования*

Русланов Е. В. Селище Ябалаклы-1: новые материалы по чияликской культуре Южного Предуралья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 118–130. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-118-130

## **The Yabalakly-1 Settlement: New Materials on the Chiyalik Culture of the Southern Urals**

**Evgeny V. Ruslanov**

Institute of History, Language and Literature  
of the Ufa Federal Research Center  
of the Russian Academy of Sciences  
Ufa, Russian Federation

butleger@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0387-3360>

### *Abstract*

*Purpose.* The Chiyalik archaeological culture was isolated at the end of 1970. Cultural monuments are located on the territory of the Republic of Bashkortostan, in the eastern part of the Republic of Tatarstan, the southeastern part of Udmurtia, in the south of the Perm Region, the north of the Chelyabinsk region, the southern part of the Sverdlovsk region and the western part of the Kurgan region.

© Русланов Е. В., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 118–130

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 118–130

*Results.* The article presents the results of the work carried out on the Dema River in 2021 by the integrated Golden Horde archaeological expedition. As a result of the conducted surveys, the archaeological settlement of Yabalakly-1 was revealed. It has been established that the monument is single-layer, its cultural layers contain a large number of horse, cow, sheep and dog bones, fragments of cast-iron cauldrons, as well as fragments of pottery and glazed Kashin ceramics.

*Conclusion.* The absence of pig bones is important, since it indicates the practice of Islam. Hunting and fishing played a secondary role in providing the archaeological settlements inhabitants with meat. The obtained archaeological material (fragments of large earthenware pot, glazed Kashin ceramics, stirrup, and parts of cast-iron cauldrons) allows us to date the monument within the 14<sup>th</sup> century. Similar villages are located within the Southern Urals in the valleys of the Dema, Chermasan, Karmasan rivers, etc.

#### *Keywords*

Southern Urals, Dema River, late Middle Ages, Chiyalik culture, village

#### *Acknowledgements*

The research was carried out with the support of the Russian National Science Foundation grant no. 22-28-00815 “Comprehensive reconstruction of the development of the mountain steppes of the Southern Urals from the Stone Age to Modern times (socio-cultural and natural transformations)”.

The article was prepared on the topic “Socio-cultural processes in the Eurasian space from ancient times to the present” state tasks of the Order of the Badge of Honor of the Institute of History, Language and Literature Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences for 2023.

#### *For citation*

Ruslanov E. V. The Yabalakly-1 Settlement: New Materials on the Chiyalik Culture of the Southern Urals. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 118–130. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-118-130

## Введение

Южное Предуралье представляет собой всхолмлённую равнину, нарушенную отдельными поднятиями и прорезанную долинами крупных рек – Белой и Уфы – и их многочисленными притоками (Ик, Дема, Урашак, Чермасан, Кармасан и др.) [Турикешев и др., 2016, с. 13]. В золотоордынское время (XIII–XIV вв.) этот регион выделялся богатством экологических ниш разной таксономической градации (степь, лесостепь, лес, верховые болота, разработанные долины рек, заливные луга и т. д.), что выгодно отличало его от открытых степей и горнолесной зоны Южного Урала. Эта особенность играла определяющую роль в миграционных процессах населения с различным типом ведения хозяйства, кочевников и коллективов с непрочной оседлостью, являвшихся триггерами активного культурного развития и освоения Южного Предуралья. Если кочевники степной зоны Южного Урала, проникавшие в Предуралье Демско-Бельским степным коридором [Савельев, 2014], в целом изучены неплохо (см., например: [Гарустович и др., 2014; 2015; Иванов и др., 2021; 2022]), то материалы памятников полукочевых групп, оставивших многочисленные селища в долинах рек Камско-Бельского бассейна, опубликованы в очень ограниченном объеме. Всего на рассматриваемой территории известно 97 подобных памятников, целенаправленные раскопки были проведены на Горновском, Игимском I, Чияликском, Подымаловском I, Карповском, Тукмак-Карановском, Казакларовском, Меллятамакском VI, Ябалаклинском-1 селищах и на Старо-Нагаевской II стоянке, частично опубликованы лишь материалы Горновского, Игимского I, Чияликского, Подымаловского I и Меллятамакского VI селищ [Иванов и др., 2007; Казаков и др., 2016; Тузбеков, 2021; Русланов, 2022]. Несколько лучше обстоит дело с грунтовыми могильниками: так, в 51 некрополе (Такталачукский, Кушулевский, Азметьевский I, Дербешкинский, Базитамакский, Кишертский, Горновский, Нижне-Хозятовский, Новотроицкий и др.) изучено около 900 погребений [Казаков, 1978; Казаков и др., 1989; Пастушенко, 2006; Свод..., 2007; Гарустович, 2015; Вальков и др., 2020; Русланов, 2020].

Данная проблема, скрытая в диспропорции между введенными в научный оборот бытовыми и погребальными памятниками, не позволяет с достаточной полнотой реконструировать исторические процессы, проходившие в этом регионе в эпоху Золотой Орды, и сама по себе актуализирует необходимость освоения новых данных для расширения имеющейся источниковой базы по чияликской культуре Южного Предуралья. Таким образом, цель на-

стоящей статьи заключается в публикации новых материалов, полученных в ходе изучения селища Ябалаклы-1 в бассейне р. Дема.

Собственно, чияликская культура была выделена Е. П. Казаковым в Прикамье. Она получила свое название по селищу у д. Чиялик (Чиялек) в Актанышском районе Республики Татарстан, раскопки которого проводились в 1969 г. В дальнейшем основные компоненты культуры и памятники на территории Южного Предуралья были рассмотрены Г. Н. Гарустовичем, в результате чего были написаны кандидатская диссертация и ряд обобщающих статей [Казаков, 1978, с. 31–33; 2003, с. 79–86; Гарустович, 1998; 2015, с. 181–197].

Локализация памятников позволяет очертить границы расселения чияликских племен в Южном Предуралье. Самые западные селища и могильники были выявлены в восточных районах Татарстана и западных районах Республики Башкортостан. На реке Ик располагаются могильники *Кара-Яр, Казыбиргян, Тукмак-Каран, Карповский, Ново-Сарлинский, Байряки-Тамакский, I и II Старо-Варяжские, Кыпчаковский* и селища *Игимское, Белозерское, Тумутукское, Ново-Какрыбашевское*. На реке Сюнь обнаружены могильники *Азьметьевский I, Такталачукский* и селища *Чияликское, Миннияровское*. На левому берегу Камы находится могильник *Дербешкинский* и селища *Тат-Азибейское, Актанышское, Турачинское II*. По берегам Белой в ее нижнем течении располагаются могильники *Кушулевский, Базитамакский, Янгизнара* и селища *Кушулевское, Барановское I, Кабанкуль II и IX*. Таким образом, западные границы расселения чияликских племен проходили по территории междуречья рек Зай и Ик, именно здесь располагаются самые крупные могильники. Размещение чияликских памятников вдоль восточных границ Волжской Булгарии, которые проходили по рекам Шешма и Зай, позволяет говорить о том, что именно Булгария была центром притяжения предуральского (чияликского) населения в XIII–XIV вв., что выразилось в сильном влиянии Волжской Булгарии и распространением в Предуралье мусульманской религии [Гарустович, 1996, с. 52–55]. В этой связи стоит отметить, что город Булгар находился всего в 180 км от западных границ компактного расселения «чияликцев». Далее к востоку чияликские памятники расположены по берегам рек Белая, Дема, Кармасан и Чермасан: могильники *Ахметовский I и II, Резановский, Казакларовский, Уфимский, Шиповский, Шах-Тау, Хлебодаровский, Горновский, Нижне-Хозятовский, Новотроицкий* и др., селища и городища *Кумлекуль, Кара-Абыз, Чертово, Шах-Тау, Ибргаимовское, Акаваз, Подымалово-1, Кармасан, Таптыковское, Ябалаклы-1, Новые Ябалаклы 1 и 2*. К северу от р. Белой в лесных районах чияликские памятники единичны, но они известны в Кунгурской лесостепи на территории Перми, где они выделены в сылвенскую культуру (могильники *Селянино-Озеро, Кишертский*) [Гарустович, 1992]. Южнее распространение памятников чияликской культуры ограничивается естественными границами лесостепи, не затрагивая степные районы. Восточные границы в Зауралье прослежены менее четко: здесь вплоть до Тобола известны немногочленные, но схожие в некоторых элементах материальной культуры памятники макушинского типа южного локального варианта юдинской культуры (могильники *Макушинский, Козырь, Кодон Миассово I, Большеказакбаевский 2* на р. Нице; погребение у д. Смолино; городища *Папское, Прыговское, Усть-Терсюк-1*) [Викторова, 1964; Викторова, Морозов, 1993; Казаков, 1986; 2003; 2007а; 2007б, с. 59–67; Гарустович, Иванов, 1992; Матвеева и др., 2020; Третьяков, 2022]. Таким образом, по современному административно-территориальному делению чияликская культура занимает территорию современной Республики Башкортостан, восточную часть Республики Татарстан, юго-восточную часть Удмуртии, юг Пермского края (Кунгурская лесостепь), а также север Челябинской, южную часть Свердловской и западную часть Курганской областей Российской Федерации.

### Результаты и обсуждение

Селище Ябалаклы-1 выявлено в 2021 г. в ходе разведывательных работ по поиску позднесредневековых памятников в долине реки Дема. Памятник находится в 1,17 км к северу от северной окраины с. Ябалаклы Чишминского района Республики Башкортостан на левом об-

рывистом берегу р. Дема. Памятник расположен на подтреугольном мысу, образованном современным руслом реки и старичным озером Дога-куле. Площадка памятника ровная, высотой 2–3 м над урезом воды, покрыта луговой растительностью. К северу площадка селища резко понижается на 1,5–2 м, что, по всей видимости, связано с тем, что в ходе меандрирования русло р. Дема поменяло свое положение, сместившись к востоку и оставив после себя старичное озеро Дога-куле. Площадь памятника составляет 8 400 кв. м (рис. 1).

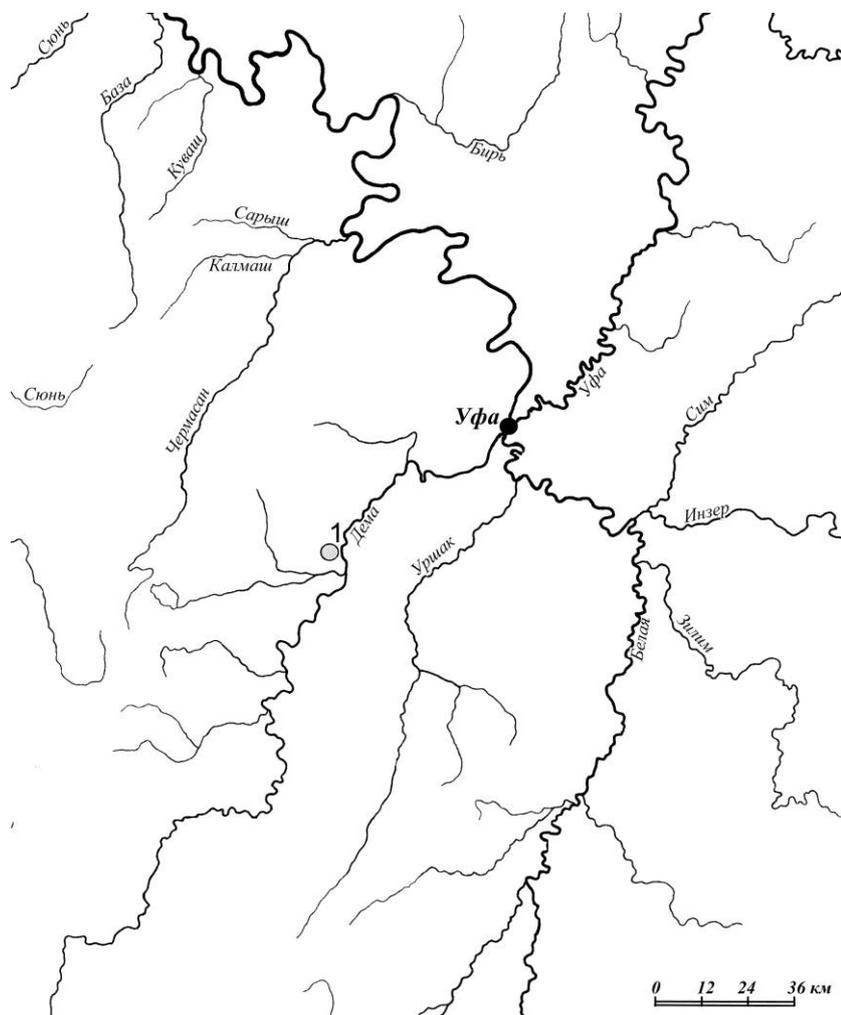


Рис. 1. Месторасположение селища Ябалаклы-1  
 Fig. 1. A location of the Yabalakly-1 settlement

Стратиграфия памятника по данным шурфа № 8 выглядит следующим образом: дерн – 5 см; рыхлый светло-серый запесоченный гумус (культурный слой) – 5–35 см; светло-серый аллювий – 35–40 см; гумусированная супесь с включением суглинка (переходный слой к материковому основанию) – 45–75 см; материк – светло-коричневый плотный суглинок (глубже 75 см). Глубина шурфа составила 85 см. Археологический материал встречен в слое светло-серого рыхлого гумуса мощностью до 30–35 см. В числе отдельных артефактов, полученных в ходе шурфовки и осмотра осыпи берега, представлены железные и бронзовые изделия (кованый гвоздь (рис. 2, 8), фрагменты железных ножей (рис. 2, 7), долото, различные ручки, бронзовая ажурная накладка (рис. 2, 3)). Особо выделяется металлическое стремя арочной формы со сломанной и отогнутой вовнутрь подножкой, несущее датирующую информацию, размер изделия 16 × 13 × 1 см (рис. 2, 4).

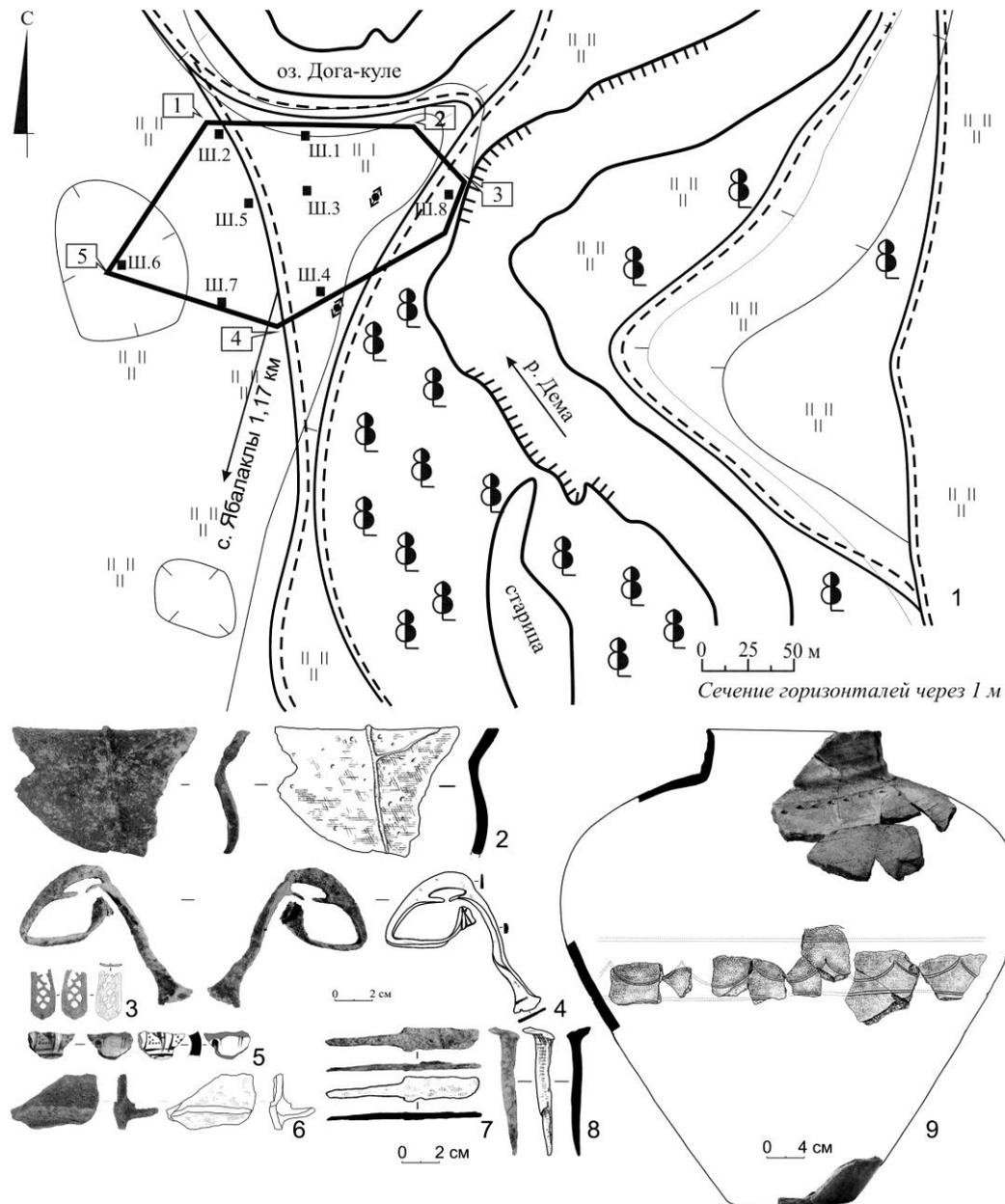


Рис. 2. План и вещевой материал селища Ябалаклы-1:

1 – план памятника; 2 – венчик и часть тулова чугунного котла; 3 – бронзовая накладка; 4 – металлическое стремя; 5 – фрагмент кашинного поливного сосуда; 6 – часть ручки чугунного котла; 7 – железный нож; 8 – кованый железный гвоздь

Fig. 2. A plan and archaeological finds of the Yabalakly-1 settlement:

1 – a plan of the monument; 2 – a wisk and a part a cast-iron cauldron body; 3 – a bronze overlay; 4 – a metal stirrup; 5 – a fragment of a Kashin irrigation vessel; 6 – a part of the a cast-iron cauldron handle; 7 – an iron knife; 8 – a forged iron nail

Стремя с узкой прорезью для путилица и, по всей видимости, прямой или чуть выгнутой широкой подножкой, которая не сохранилась. Ввиду отсутствия подножки мы не смогли установить точный тип изделия, однако ниже приводим список возможных вариантов: тип ДШ или ДШ [Федоров-Давыдов, 1966, с. 13. рис. 1], тип VII [Кирпичников, 1973, с. 50–51, рис. 29], тип IV3 [Армарчук, 2006, с. 27–29, рис. 14–16], тип А1а или АПв [Мыськов, 2015,

с. 56, табл. III]. Подобные стремена датируются довольно широко: XII–XIV вв. (см., например: [Фокин, Митько, 2022, с. 94–105]). Отдельной категорией артефактов являются чугунные котлы – важный маркер позднесредневековых чияликских селищ, всего был найден 21 фрагмент. Среди них выделяется несколько обломков, дающих представление о форме котлов, способах их ремонта и т. д. Венчик котла раструбовидной формы размером  $9,5 \times 13 \times 0,5$  см найден на уровне 1 горизонта в шурфе 8, с внутренней стороны прослежены ребро и два литейных шва, первый шов вертикально проходит от венчика к тулову, второй слегка наклонный (рис. 2, 2), венчик относится к *типу ВЗС1* по типологии С. В. Рязанова [2009, с. 50, рис. 36, 15]. Кроме того, в осыпи берега найдена плоская ручка подпрямоугольной формы размером  $10,2 \times 6 \times 0,5$  см (рис. 2, б) и несколько небольших заплаток для устранения литейного брака. По мнению С. В. Рязанова [2011, с. 36], подобные котлы датируются XIV в.

Гончарная посуда представлена большим количеством фрагментов, полученных в основном в ходе изучения шурфа № 8. Цвет фрагментов от светло-коричневого до темно-серого, толщина стенок от 0,3 до 0,4 см. Примесь в тесте является просеянный песок. В ходе камеральной обработки полученного материала удалось восстановить внешнюю форму крупной корчаги с раздутым туловом и сужающимися к днищу стенками (рис. 2, 9). Сосуд орнаментирован рядом горизонтальных желобков по венчику, горизонтальным пояском из разреженных полуовальных вдавлений, а также волнистым орнаментом, расположенным в средней части сосуда, выше и ниже которого проходит ряд горизонтальных параллельных прорезанных полос. Корчага, аналогичная найденной на селище Ябалаклы-1, по мнению Т. А. Хлебниковой, датируется серединой – второй половиной XIV в. производство данного типа посуды было широко распространено в Болгаре и других городах Поволжья в позднесловоордынское время [Город Болгар..., 1988, с. 79, 89, рис. 68]. Кроме красноглиняной гончарной посуды, в шурфе № 8 встречен фрагмент кашинного сосуда с сине-зеленой росписью под прозрачной глазурью размером  $2,5 \times 1,4 \times 0,6$  см (рис. 2, 5). По типологии, предложенной Е. М. Болдыревой, данный фрагмент чаши относится к Отделу 1 «Кашинная посуда. Подотдел 1. Посуда из бежевого, серого или белого кашина средней плотности» и датируется XIV в. Аналогии данному типу посуды можно найти в Иране, Поволжских городах Золотой Орды, в городище Самосделка [Болдырева, 2016, с. 236, рис. 39, 1–6; Болдырева, 2021, рис. 2, 9]. Часто встречающимся артефактом в слоях памятника является глиняная обмазка, использовавшаяся в качестве скрепляющего материала в процессе обустройства очагов, укрепления котлов над огнем и т. д. Цвет обмазки, как правило, варьирует от светло- до темно-коричневого, в глиняном тесте присутствует обильная примесь шамота.

Кроме обмазки встречен шлак, являющийся свидетельством металлургического производства на площадке памятника в эпоху позднего Средневековья. Изделия из кости представлены костяным лощиком из средней фаланги (венечной кости) лошади и костяной подвеской из кости волка. Волярная (плантарная) поверхность кости использовалась в качестве рабочей, вследствие чего она сильно залощена, размер изделия  $4,5 \times 4,5 \times 2,7$  см; в костяной подвеске имеется сквозное отверстие, размер изделия  $9 \times 1 \times 1,3$  см.

Остеологический материал памятника представлен 623 фрагментами костей (определены до вида или рода 123 из них)<sup>1</sup>. Кости овцы были выделены из общей массы мелкого рогатого скота на основании данных сравнительных таблиц, предложенных рядом зарубежными специалистами [Zeder, Lapham, 2010; Zeder, Pilaar, 2010]. Фрагменты костей, не определимые дальше класса, были записаны как кости млекопитающих и распределены по принадлежности к мелкой (размером с овцу или козу) или крупной (размером с лошадь или крупный рогатый скот) размерной группе. Остеологический материал представляет собой кухонные остатки. Костный материал, полученный в памятнике, сильно фрагментирован и имеют следы целенаправленного дробления. Количество фрагментов, несущих на себе следы воздействия

<sup>1</sup> Определение выполнено аспирантом отдела археологии ИИЯЛ УФИЦ РАН А. А. Романовым.

открытого огня, незначительно (29 экз.). Также незначительное количество костей (3 экз.) имеет следы погрызов собаками. Видовой состав представлен только одомашненными видами млекопитающих (см. таблицу). В материалах селища также встречены кости птиц (1 экз.). Определимые фрагменты костей млекопитающих представлены 4 видами одомашненных животных. Наибольшее количество (60,16 %) принадлежит лошади, на втором месте мелкий рогатый скот (МРС) (20,33 %) и далее крупный рогатый скот (КРС) (17,89 %). Также обнаружено два экземпляра костей собаки. Неопределимые до вида фрагменты костей распределены следующим образом: к мелкой размерной группе отнесены 276 фрагментов (48,25 %), к крупной размерной группе – 296 фрагментов (51,75 %) (см. таблицу). Выявленная на уровне 1 горизонта шурфа № 8 нижняя челюсть овцы принадлежала половозрелой особи.

Видовой состав остеологического материала селища Ябалаклы-1  
Species composition of the osteological material  
of the Yabalakly-1 settlement

Вид	Количество		Примечание
	экз.	%	
КРС	21	17,21	
Лошадь	74	60,66	
МРС	25	20,49	4 экз. принадлежат овце
Собака	2	1,64	
<b>Всего определимых</b>	<b>122</b>		
Птица	1		
Млекопитающие крупные	294	51,58	
Млекопитающие мелкие	276	48,42	

### Заключение

В целом, опираясь на данные с селищ Чиялик, Ябалаклы-1, Подымалово-1, Горный, Новые Ябалаклы-1 и 2, Меллятамак VI, городища Мончазы [Казаков, 1978; Казаков и др., 2016; Тузбеков и др., 2022], в которых до вида было определено 713 костей (МРС – 245 фрагментов костей, лошади – 238 фрагментов, КРС – 230 фрагментов), можно сделать вывод о гомогенной структуре стада позднесредневекового населения Южного Предуралья, состоящего из лошади (34 %) <sup>2</sup>, МРС (34 %) и КРС (32 %). Важным является отсутствие в слоях памятников костей свиньи, что, по всей видимости, связано с исповеданием ислама в среде носителей чияликской культуры. Кроме того, определенную роль в мясном обеспечении насельников поселений составляла охота и рыбная ловля. Так, в коллекциях селищ Горново, Подымалово-1, Ябалаклы-1, Новые Ябалаклы-2 встречены кости дикой птицы, волка, зайца, рыбы. Наличие собак в хозяйственном укладе подтверждается скелетными остатками и следами погрызов на костях домашних животных из селищ Ябалаклы-1 и Подымалово-1.

Таким образом, полученный археологический материал (фрагменты корчаг, кашинная посуда, стремя, части чугунных котлов) позволяет определить время существования памятника в пределах XIV в. Аналогичные селища (*Чиялик, Тукмак-Каран, Горново, Ябалаклы 1, Подымалово 1* и др.) расположены в пределах Южного Предуралья в долинах рек Дема, Чермасан, Кармасан и др.

### Список литературы

**Армарчук Е. А.** Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М.: Таус, 2006. 227 с.

<sup>2</sup> Здесь и далее в скобках указаны проценты от 713 определенных до вида костей.

- Болдырева Е. М.** Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV в. (по материалам Самосдельского городища): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 250 с.
- Болдырева Е. М.** Кашинная керамика из Царевского городища в хранении Государственного исторического музея // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 93–106. DOI 10.24852/ra2021.2.36.93.106
- Вальков Д. В., Русланов Е. В., Сёмин Д. В., Фахретдинов А. И.** Стоянка и грунтовый могильник Калиновка-4 – многослойный памятник в лесостепном Приуралье // Уфимский археологический вестник. 2020. № 20. С. 120–133. DOI 10.31833/uav/2020.20.009
- Викторова В. Д.** Курганы у с. Макушино на р. Нице // Археология и этнография Башкирии. Уфа: Башкнигоиздат, 1964. Т. 2. С. 247–250.
- Викторова В. Д., Морозов В. М.** Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. С. 174–178.
- Гарустович Г. Н.** Ареал расселения угорских племен Приуралья в XIII–XIV вв. // Востокведение в Башкортостане: История. Культура. II. Уфа: Изд-во БГУ, 1992. С. 121–123.
- Гарустович Г. Н.** Памятники X – начала XIV в. н. э. // Археологические памятники Башкортостана. Уфа: Гилем, 1996. С. 51–55.
- Гарустович Г. Н.** Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1998. 28 с.
- Гарустович Г. Н.** Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. № 15. С. 181–198.
- Гарустович Г. Н., Иванов В. А.** Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н. э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. С. 17–31.
- Гарустович Г. Н., Иванов В. А., Проценко А. С.** Погребения кочевников Улуса Шибана (XIII–XIV вв.) в верховьях р. Урал // Изв. Самар. НЦ РАН, 2014. Т. 16, № 3-2. С. 626–633.
- Гарустович Г. Н., Иванов В. А., Проценко А. С.** Колпаковский I курганный могильник // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2015. № 6 (361). С. 28–34.
- Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. 280 с.
- Иванов В. А., Обыденнова Г. Т., Шутелева И. А., Щербаков Н. Б.** Археологические исследования поселенческого памятника эпохи позднего средневековья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К. В. Сальникова (1990–1966). Уфа: Китап, 2007. С. 427–431.
- Иванов В. А., Проценко А. С., Русланов Е. В.** Погребения с признаками мусульманского обряда у кочевников Золотой Орды // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 94–107. DOI 10.24852/ra2021.4.38.94.107
- Иванов В. А., Русланов Е. В., Проценко А. С.** Ишкуловский II курганный могильник – памятник монгольских кочевников XIII–XIV вв. на Южном Урале // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21, № 2. С. 243–258. DOI 10.15688/nav.jvolsu.2022.2.14
- Казаков Е. П.** Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 132 с.
- Казаков Е. П.** О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 67–75.
- Казаков Е. П.** Чияликская культура: территория, время, истоки // Угры: Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие угорских народов Западной Сибири». Тобольск: Изд-во Гос. ист.-культ. музея-заповедника, 2003. С. 79–87.
- Казаков Е. П.** О территориях и этнонимах угров Урало-Поволжья в VI–XIV вв. н. э. // Уфимский археологический вестник. 2007а. № 6–7. С. 145–160.

- Казаков Е. П.** Волжские булгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2007б. 208 с.
- Казаков Е. П., Старостин П. Н., Халиков А. Х.** Археологические памятники Восточного Закамья. Казань: Изд-во АН СССР. Казан. филиал, 1989. 99 с.
- Казаков Е. П., Чижевский А. А., Лыганов А. В.** Меллятамакское VI селище чияликской культуры // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 219–243.
- Кирпичников А. Н.** Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // Свод археологических источников. Л.: Наука, 1973, Вып. Е1-36. 140 с.
- Матвеева Н. П., Зеленков А. С., Третьяков Е. А., Овчинников И. Ю.** Хронологические комплексы раннего железного века и Средневековья в Зауралье (по материалам Папского городища) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 31–48. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3- 31-48
- Мыськов Е. П.** Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгоград. филиал ФГБОУ ВО РАНХиГ, 2015. 484 с.
- Пастушенко И. Ю.** Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // *Finno-Ugrica*. 2005–2006. № 9. С. 40–70.
- Русланов Е. В.** Несколько раннемусульманских погребений из грунтовых могильников лесостепного Предуралья // Уфимский археологический вестник. 2020. № 20. С. 134–140. DOI 10.31833/uav/2020.20.010.
- Русланов Е. В.** Горновский археологический комплекс золотоордынского времени в Предуралье: к 60-летию научного изучения // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 253–267. DOI 10.24852/2587-6112.2022.6.253.267
- Рязанов С. В.** Чугунолитейное производство в Европейской части Золотой Орды (вторая половина XIII–XIV вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2009. 188 с.
- Рязанов С. В.** Металлургия железа на Южном Урале в XIII–XIV вв. Уфа: Изд-во ИЭИ УНЦ РАН, 2011. 125 с.
- Савельев Н. С.** Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // Уфимский археологический вестник. 2014. № 14. С. 191–206.
- Свод памятников археологии Республики Татарстан: В 3 т. / Отв. ред. А. Г. Ситдинов, Ф. Ш. Хузин. Казань: Изд-во ИИ АН РТ, 2007. Т. 3. 529 с.
- Третьяков Е. А.** Урало-Сибирский регион в развитом средневековье (к вопросу о памятниках макушинского типа) // XXII Уральское археологическое совещание. Курган: Курган. гос. ун-т, 2022. С. 300–303.
- Тузбеков А. И.** Кашинная керамика с селища Подымалово-1 (по результатам раскопок 2019 года) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 4. С. 157–165.
- Тузбеков А. И., Григорьева И. М., Рослякова Н. В.** Результаты археозоологического исследования остеологического материала из раскопок селища Подымалово-1 в Башкирском Приуралье (2019) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2022. № 3. С. 37–50.
- Турикешев Г. Т.-Г., Данукалова Г. А., Кутушев Ш.-И. Б.** Южное Предуралье: география, геология, тектоника и геоморфология. Монография. М.: Изд-во ИНФРА-М, 2016. 260 с.
- Федоров-Давыдов Г. А.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.
- Фокин С. М., Митько О. А.** Сопроводительный инвентарь погребения кыргызского воина из окрестностей с. Новоселово в Красноярском крае // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 94–105. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-94-105
- Zeder A., Lapham A.** Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, Ovis, and goats, *Capra*. *Journal of Archaeological Science*, 2010, no. 3 (11), pp. 2887–2905.

**Zeder A., Pilaar S. E.** Assessing the reliability of criteria used to identify mandibles and mandibular teeth in sheep, Ovis, and goats, Capra. *Archaeological Science*, 2010, no. 37, pp. 225–242.

### Reference

- Armarchuk E. A.** Konskaya upryazh' iz mogil'nikov Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya X–XIII vekov [Horse harness from the burial grounds of the North-Eastern Black Sea region of the 10<sup>th</sup> – 13<sup>th</sup> centuries]. Moscow, Taus, 2006, 227 p. (in Russ.)
- Boldyreva E. M.** Kashinnaya keramika iz Tsarevskogo gorodishcha v khraneni Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Kashin ceramics from the Tsarevskoye settlement in the custody of the State Historical Museum]. *Povolzhskaya arheologiya [The Volga River Region Archaeology]*, 2021, no. 2 (36), pp. 93–106. (in Russ.) DOI 10.24852/pa2021.2.36.93.106
- Boldyreva E. M.** Polivnaya keramika Nizhnego Povolzh'ya v X – 1 pol. XIV v. (po materialam Samosdel'skogo gorodishcha) [Irrigation ceramics of the Lower Volga region in the 10<sup>th</sup> – 1<sup>st</sup> half of 14<sup>th</sup> centuries (based on the materials of the Samosdelsky settlement)]. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2016, 250 p. (in Russ.)
- Fedorov-Davydov G. A.** Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskie pamyatniki [Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde Khans. Archaeological monuments]. Moscow, Moscow State Uni. Press, 1966, 276 p. (in Russ.)
- Fokin S. M., Mitko O. A.** Accompanying Grave Goods from the Kyrgyz Warrior Burial from the Vicinity of the Novoselovo Village (Krasnoyarsk Region). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 7, pp. 94–105. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-94-105
- Garustovich G. N.** Areal rasseleniya ugorskikh plemen Priural'ya v XIII–XIV vv. [The area of settlement of the Ugric tribes of the Urals in the 13<sup>th</sup> – 14<sup>th</sup> centuries]. In: *Vostokovedenie v Bashkortostane [Oriental studies in Bashkortostan]*. Ufa, 1992, pp. 121–123. (in Russ.)
- Garustovich G. N.** Chiyalikskaia arkheologicheskaya kul'tura epokhi srednevekov'ya na Yuzhnom Urale [Chiyalik archaeological culture of the Middle Ages in the Southern Urals]. *Ufimskii arheologicheskii vestnik [Ufa Archaeological Herald]*, 2015, no. 15, pp. 181–198. (in Russ.)
- Garustovich G. N.** Naselenie Volgo-Ural'skoi lesostepi v pervoi polovine II tysyacheletiya nashey ery [The population of the Volga-Ural forest-steppe in the first half of the II millennium AD]: Abstract of Cand. Hist. Sci. Dis. Ufa, 1998, 28 p. (in Russ.)
- Garustovich G. N.** Pamyatniki X – nachala XIV v. n. e. [Monuments of the 10<sup>th</sup> – beginning of the 14<sup>th</sup> century AD]. In: *Arkheologicheskie pamyatniki Bashkortostana [Archaeological monuments of Bashkortostan]*. Ufa, Gilem, 1996, pp. 51–55. (in Russ.)
- Garustovich G. N., Ivanov V. A.** Areal rasseleniya ugrov na Yuzhnom Urale i v Priural'e vo vtoroi polovine I – nachale II tys. n. e. [The area of settlement of the Ugric peoples in the Southern Urals and the Urals in the second half of the 1<sup>st</sup> – beginning of the 2<sup>nd</sup> millennium AD]. In: *Problemy etnogeneza finno-ugorskikh narodov Priural'ya [Problems of ethnogenesis of the Finno-Ugric peoples of the Urals]*. Izhevsk, 1992, pp. 17–31. (in Russ.)
- Garustovich G. N., Ivanov V. A., Protsenko A. S.** Pogrebeniya kochevnikov Ulusa Shibana (XIII–XIV vv.) v verkhov'yakh r. Ural [Burials of nomads of the Shiban Ulus (13<sup>th</sup> – 14<sup>th</sup> centuries) in the upper reaches of the Ural River]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiiskoi akademii nauk [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]*, 2014, vol. 16, no. 3-2, pp. 626–633. (in Russ.)
- Garustovich G. N., Ivanov V. A., Protsenko A. S.** Kolpakovskii I kurgannyi mogil'nik [Kolpakovsky I kurgan burial ground]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, 2015, no. 6 (361), pp. 28–34. (in Russ.)
- Gorod Bolgar: Ocherki remeslennoi deyatelnosti [The city of Bulgarians: Essays on handicraft activity]. Moscow, Nauka, 1988, 280 p. (in Russ.)

- Ivanov V. A., Obydenнова G. T., Shuteleva I. A., Shcherbakov N. B.** Arkheologicheskie issledovaniya poselencheskogo pamyatnika epokhi pozdnego srednevekov'ya [Archaeological research on the settlement monument of the Late Middle Ages]. In: Formirovanie i vzaimodeistvie ural'skikh narodov v izmenyayushcheysya etnokul'turnoi srede Evrazii: problemy izucheniya i istoriografiya [Formation and interaction of the Ural peoples in the changing ethno-cultural environment of Eurasia: problems of study and historiography. Readings in memory of K. V. Salnikov (1990–1966)]. Ufa, 2007, pp. 427–431. (in Russ.)
- Ivanov V. A., Protsenko A. S., Ruslanov E. V.** Pogrebeniya s priznakami musul'manskogo obryada u kochevnikov Zolotoi Ordy [Burials with signs of the Muslim rite among the nomads of the Golden Horde]. *Povolzhskaya arheologiya [The Volga River Region Archaeology]*, 2021, no. 4 (38), pp. 94–107. (in Russ.) DOI 10.24852/pa2021.4.38.94.107.
- Ivanov V. A., Ruslanov E. V., Protsenko A. S.** Ishkulovskii II kurganyi mogil'nik – pamyatnik mongol'skikh kochevnikov XIII–XIV vv. na Yuzhnom Urale [Ishkulovsky II burial mound – a monument of the Mongolian nomads of the 13<sup>th</sup> – 14<sup>th</sup> centuries in the Southern Urals]. *Nizhnevolzhskii arheologicheskii vestnik [The Lower Volga Archaeological Bulletin]*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 243–258. (in Russ.) DOI 10.15688/nav.jvolsu.2022.2.14
- Kazakov E. P.** Chiyaliskaya kul'tura: territoriya, vremya, istoki [Chiyalik culture: territory, time, origins]. In: Ugry. Materialy VI Sibirskogo simpoziuma “Kul'turnoe nasledie ugorskikh narodov Zapadnoi Sibiri” [Ugric. Materials of the VI Siberian Symposium “Cultural heritage of the Ugric peoples of Western Siberia”]. Tobolsk, 2003, pp. 79–87. (in Russ.)
- Kazakov E. P.** O proiskhozhdenii i etnokul'turnoi prinadlezhnosti srednevekovykh prikamskikh pamyatnikov s grebenchato-shnurovoi keramikoi [On the origin and ethno-cultural belonging of medieval Kama monuments with comb-cord ceramics]. Problemy srednevekovoi arheologii Urala i Povolzh'ya [Problems of medieval archeology of the Urals and the Volga region]. Ufa, 1986, pp. 67–75. (in Russ.)
- Kazakov E. P.** O territoriyakh i etnonimakh ugrov Uralo-Povolzh'ya v VI–XIV vv. n. e. [About the territories and ethnonyms of the Ural-Volga Ugrians in the 6<sup>th</sup> – 14<sup>th</sup> centuries AD]. *Ufimskii arheologicheskii vestnik [Ufa Archaeological Herald]*, 2007, no. 6–7, pp. 145–160. (in Russ.)
- Kazakov E. P.** Pamyatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh rajonakh Tatarii [Monuments of the Bulgarian time in the eastern regions of Tatarstan]. Moscow, Nauka, 1978, 132 p. (in Russ.)
- Kazakov E. P.** Volzhskie bulgary, ugry i finny v IX–XIV vv.: problemy vzaimodeistviya [Volga Bulgars, Ugrians and Finns in the 9<sup>th</sup> – 14<sup>th</sup> centuries: problems of interaction]. Kazan, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2007, 208 p. (in Russ.)
- Kazakov E. P., Chizhevsky A. A., Lyganov A. V.** Mellyatamaskoe VI selishche chiyaliskoi kul'tury [Mellyatamaskoye VI village of Chiyalik culture]. *Povolzhskaya arheologiya [The Volga River Region Archaeology]*, 2016, no. 2 (16), pp. 219–243. (in Russ.)
- Kazakov E. P., Starostin P. N., Khalikov A. H.** Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnogo Zakam'ya [Archaeological sites of the Eastern Kama river]. Kazan, USSR Academy of Sciences. Kazan Branch, 1989, 99 p. (in Russ.)
- Kirpichnikov A. N.** Snaryazhenie vsadnika i verkhovogo konya na Rusi IX–XIII vv. [Equipment of a rider and a riding horse in Russia of the 9<sup>th</sup> – 13<sup>th</sup> centuries]. In: Set of archaeological sources. Leningrad, Nauka, 1973, iss. E1-36, 140 p. (in Russ.)
- Matveeva N. P., Zelenkov A. S., Tretyakov E. A., Ovchinnikov I. Yu.** Chronological Complexes of the Iron and Middle Ages in the Trans-Urals (Based on the Materials of the Papskoe Settlement). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 31–48. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-31-48
- Myskov E. P.** Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy [Nomads of the Volga-Don steppes in the era of the Golden Horde]. Volgograd, Volgograd Branch of the RANEPa, 2015, 484 p. (in Russ.)
- Pastushenko I. Yu.** Kishertskii mogil'nik v basseine reki Sylvy [Kishertsky burial ground in the Sylva river basin]. *Finno-Ugrica*, 2005–2006, no. 9, pp. 40–70. (in Russ.)

- Ruslanov E. V.** Gornovskii arheologicheskii kompleks zolotoordynskogo vremeni v Predural'e: k 60-letiyu nauchnogo izucheniya [Gornovo archaeological complex of the Golden Horde time in the Cis-Urals: To the 60<sup>th</sup> anniversary of scientific study]. *Arkheologiya Evraziiskih stepei* [Archaeology of the Eurasian Steppes], 2022, no. 6, pp. 253–267. (in Russ.) DOI 10.24852/2587-6112.2022.6.253.267
- Ruslanov E. V.** Neskol'ko rannemusul'manskikh pogrebenii iz gruntovykh mogil'nikov lesostepnogo Predural'ya [A few early Islamic graves in subsoil burial ground located in forest-steppe Cis-Urals]. *Ufimskii arheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Herald], 2020, no. 20, pp. 134–140. (in Russ.) DOI 10.31833/uav/2020.20.010
- Ryazanov S. V.** Chugunoliteinoe proizvodstvo v Evropeiskoi chasti Zolotoi Ordy (vtoraya polovina XIII–XIV vv.) [Iron foundry in the European part of the Golden Horde (the second half of the 13<sup>th</sup> – 14<sup>th</sup> centuries)]. Cand. Hist. Sci. Diss. Ufa, 2009, 188 p. (in Russ.)
- Ryazanov S. V.** Metallurgiya zheleza na Yuzhnom Urale v XIII – XIV vv [Iron metallurgy in the Southern Urals in the 13<sup>th</sup> – 14<sup>th</sup> centuries]. Ufa, IEI UNC RAS, 2011, 125 p. (in Russ.)
- Savelev N. S.** Sarmatizatsiya lesostepi Yuzhnogo Priural'ya: predposylki, osnovnye etapy, kharakteristiki, sledstviya [Sarmatization of the forest-steppe of the Southern Urals: prerequisites, main stages, characteristics, consequences]. *Ufimskii arheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Herald], 2014, no. 14, pp. 191–206. (in Russ.)
- Sitdikov A. G., Khuzin F. Sh.** (eds.). Svod pamyatnikov arheologii Respubliki Tatarstan [Corpus of Archaeological Sites in the Republic of Tatarstan]. In 3 vols. Kazan, Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2007, vol. 3, 529 p. (in Russ.)
- Tretyakov E. A.** Uralo-Sibirskii region v razvitom srednevekov'e (k voprosu o pamyatnikakh makushinskogo tipa) [Ural-Siberian region in the developed Middle Ages (on the question of monuments of the Makushinsky type)]. In: XXII Ural'skoe arheologicheskoe soveshchanie [XXII Ural Archaeological Meeting]. Kurgan, 2022, pp. 300–303. (in Russ.)
- Turikeshev G. T.-G., Danukalova G. A., Kutushev Sh.-I. B.** Yuzhnoe Predural'e: geografiya, geologiya, tektonika i geomorfologiya [Southern Urals: geography, geology, tectonics and geomorphology]. Monograph. Moscow, INFRA-M, 2016, 260 p. (in Russ.)
- Tuzbekov A. I.** Kashinnaya keramika s selishcha Podymalovo-1 (po rezul'tatam raskopok 2019 goda) [Kashin ceramics from the Podymalovo-1 village (according to the results of excavations in 2019)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], 2021, vol. 33, no. 4, pp. 157–165. (in Russ.)
- Tuzbekov A. I., Grigorieva I. M., Roslyakova N. V.** Rezul'taty arheozoologicheskogo issledovaniya osteologicheskogo materiala iz raskopok selishcha Podymalovo-1 v Bashkirskom Priural'e (2019) [Results of the archeozoological study of osteological material from the excavations of the village of Podymalovo-1 in the Bashkir Urals (2019)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture], 2022, no. 3, pp. 37–50. (in Russ.)
- Valkov D. V., Ruslanov E. V., Semin D. V., Fakhretdinov A. I.** Stoyanka i gruntovyy mogil'nik Kalinovka-4 – mnogoslainyi pamyatnik v lesostepnom Priural'e [The parking lot and the ground burial ground Kalinovka-4 – a multilayered monument in the forest-steppe Urals]. *Ufimskii Arheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Herald], 2020, no. 20, pp. 120–133. (in Russ.) DOI 10.31833/uav/2020.20.009
- Viktorova V. D.** Kurgany u s. Makushino na r. Nitse [Kurgans at the Makushino village on the Nitsa river]. In: *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archeology and ethnography of Bashkiria]. Ufa, 1964, vol. 2, pp. 247–250. (in Russ.)
- Viktorova V. D., Morozov V. M.** Srednee Zaural'e v epokhu pozdnego zheleznogo veka [The Middle Trans-Urals in the era of the Late Iron Age]. In: *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepei* [Nomads of the Ural-Kazakh steppes]. Ekaterinburg, 1993, pp. 174–178. (in Russ.)

**Zeder A., Lapham A.** Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, Ovis, and goats, Capra. *Journal of Archaeological Science*, 2010, no. 3 (11), pp. 2887–2905.

**Zeder A., Pilaar S. E.** Assessing the reliability of criteria used to identify mandibles and mandibular teeth in sheep, Ovis, and goats, Capra. *Archaeological Science*, 2010, no. 37, pp. 225–242.

### Информация об авторе

**Евгений Владимирович Русланов**, кандидат исторических наук, научный сотрудник

Scopus Author ID 57211030333

WoS Researcher ID HGT-7013-2022

RSCI Author ID 788431

SPIN 2633-0719

### Information about the Author

**Evgeny V. Ruslanov**, Candidate of Sciences (History), Researcher

Scopus Author ID 57211030333

WoS Researcher ID HGT-7013-2022

RSCI Author ID 788431

SPIN 2633-0719

*Статья поступила в редакцию 17.02.2023*

*одобрена после рецензии 15.03.2023; принята к публикации 15.03.2023*

*The article was submitted on 17.02.2023*

*approved after reviewing on 15.03.2023; accepted for publication on 15.03.2023*

Научная статья

УДК 903.22

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-131-146

## Жалованная сабля калмыцкого нойона Бамбара из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Леонид Александрович Бобров<sup>1</sup>  
Мария Анатольевна Анисимова<sup>2</sup>  
Валерий Владимирович Батыров<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Новосибирский государственный университет  
Новосибирск, Россия

<sup>2</sup> Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи  
Санкт-Петербург, Россия

<sup>3</sup> Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова  
Элиста, Россия

<sup>1</sup> spsml@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5071-1116>

<sup>2</sup> artillery@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8395-5069>

<sup>3</sup> valerabatyrova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9014-4910>

### Аннотация

Рассмотрена украшенная золотой насечкой сабля, хранящаяся в фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. На основании анализа конструкции и системы оформления клинка, хвостовика и гарды выдвинуто предположение, что рассматриваемый образец длинноклинкового оружия относится к группе сабель-чечуг. В своей первоначальной комплектации сабля была снабжена рукоятью, украшенной драгоценными камнями и обтянутыми кожей ножнами с прибором из медного сплава. На клинке нанесена двуязычная надпись, указывающая на то, что оружие относилось к числу жалованных именных сабель. Оно предназначалось для вручения калмыцкому нойону Бамбару, одержавшему победу над казахами в 1762 г. Анализ архивных материалов позволил изучить обстоятельства боя 17 февраля 1762 г., по итогам которого Екатерина II решила наградить Бамбара жалованной саблей. Установлено, что в ходе «Торгутского побега» 1771 г. Бамбар увез саблю на территорию Цинской империи. В начале XX в., во время подавления Ихэтуаньского восстания, российские офицеры обратили внимание на оружие с золотой надписью на русском языке. Сабля была передана командованию Квантунской крепостной артиллерии, а оттуда в 1903 г. отправлена в Санкт-Петербург.

### Ключевые слова

калмыки, Калмыцкое ханство, Бамбар, оружие калмыков, калмыцкая сабля, жалованная сабля

### Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021)

### Для цитирования

Бобров Л. А., Анисимова М. А., Батыров В. В. Жалованная сабля калмыцкого нойона Бамбара из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 131–146. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-131-146

© Бобров Л. А., Анисимова М. А., Батыров В. В., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 131–146  
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 131–146

## The Saber Highestly Granted to Noyon Bambar Presented in the Collection of Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps

Leonid A. Bobrov<sup>1</sup>, Maria A. Anisimova<sup>2</sup>, Valery V. Batyrov<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Novosibirsk State University  
Novosibirsk, Russian Federation

<sup>2</sup> The Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps  
(The Artillery Museum)  
St. Petersburg, Russian Federation

<sup>3</sup> Kalmyk State University  
Elista, Russian Federation

<sup>1</sup> spsml@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5071-1116>

<sup>2</sup> artillery@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8395-5069>

<sup>3</sup> valerabatyrova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9014-4910>

### Abstract

*Purpose.* The paper studies the golden saber from the Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal corps (The Artillery Museum).

*Results.* Based on the analysis of the construction and decoration of the blade, tang and guard it is supposed that this sample of long-bladed weapon belongs to the group of “chechuga” sabers. In the original configuration the saber had the hilt decorated with gemstones and scabbard covered with leather with fittings made of copper alloy. The blade bears bilingual inscription and it means that this piece of weapon belongs to the sabers granted to the specific person with indication of his name. This saber was granted to Kalmykian *noyon* (prince) Bambar for his victory over Kazakhs in 1762. The analysis of archive documents allowed to understand the circumstances of the battle of Feb, 17, 1762 as the Empress Ekaterina II ordered to grant a saber to Bambar for that battle. Bambar brought this saber to Qing empire during the “Torgud escape” in 1771. In the beginning of 20<sup>th</sup> century during the suppression of the Yihetuan (Boxer) uprising Russian officers paid attention to the saber with the golden inscription in Russian, so the saber was handed to the command of Kwantung fortress and then sent to Saint Petersburg in 1903.

*Conclusion.* The saber is of high scientific value, as it is the only example of the weapons of the Kalmyk princes, on which there is a gold inscription indicating the name of the owner of the saber. This saber is a unique relic of the Russian-Kalmyk relations of the 18<sup>th</sup> century.

### Keywords

Kalmyks, Kalmykian khanate, Bambar, Kalmykian weapon, Kalmykian saber, granted saber

### Acknowledgements

The study was carried out as part of the implementation of the State Task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity (project no. FSUS-2020-0021)

### For citation

Bobrov L. A., Anisimova M. A., Batyrov V. V. The Saber Highestly Granted to Noyon Bambar Presented in the Collection of Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 131–146. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-131-146

## Введение

Всестороннее изучение военно-культурного наследия кочевых народов Евразии позднего Средневековья и раннего Нового времени традиционно ведется на основе комплексного анализа вещественных, изобразительных и письменных источников. Важным направлением профильных научных исследований является введение в научный оборот ранее неизвестных широкому кругу специалистов образцов вооружения степной аристократии, хранящихся в музейных и частных собраниях. Особый интерес в данной связи представляет так называемое жалованное оружие, отображающее процесс вовлечения кочевых народов в политическую орбиту Российского государства. Наиболее популярной разновидностью подобных образцов вооружения в XVIII – начале XIX в. были жалованные сабли, передаваемые в награду или в качестве ценного дара правителям тюркских и монгольских номадов. Клинки таких

сабель нередко снабжались надписью, содержащей имена и титулы правящего российского монарха и жалуемого лица, указанием основания для передачи оружия, а также датой пожалования [Бобров, Новоселов, 2020, с. 95].

В фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – ВИМАИВиВС) хранится богато оформленная сабля, представляющая значительный интерес для отечественных и зарубежных оружейников, военных историков и этнографов (инв. № ВИМАИВиВС 1 ООФ 114-641).

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот информации о сабле из собрания ВИМАИВиВС. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: дать подробное описание конструкции рассматриваемой сабли, зафиксировать особенности ее декоративного оформления, проанализировать надпись на клинке, уточнить датировку, атрибуцию, а также некоторые особенности истории данного образца длинноклинкового оружия.

### Материалы исследования Описание, датировка и атрибуция сабли

Общая длина сабельной полосы (от верхнего края хвостовика до острия) – 85 см (в том числе длина клинка – 78 см). Вес без гарды – 552,7 г., с гардой – 600,1 г. (рис. 1, 1–4).

По форме сабельной полосы рассматриваемый экземпляр относится к остроугольным клинкам со средним изгибом<sup>1</sup>. Удлиненно-треугольный в сечении клинок изготовлен из стали (рис. 1, 5, 6), пята не выражена, боевой конец – обоюдоострый (длина заточенной части обуха с учетом фальшлезвия – 20,4 см) (рис. 1, 7, 8). Ширина клинка у гарды, в центральной части клинка и в 20,5 см от острия – 3,5, 2,9 и 2,4 см соответственно. Толщина клинка в тех же местах – 4,0, 4,0 и 3,0 мм. Отметим, что плавный изгиб сабельной полосы начинается уже в верхней трети клинка, т. е. почти непосредственно под гардой. Поверхность клинка преимущественно матовая с синеватым отливом, имеет каверны и следы коррозии. На лезвии фиксируются незначительные повреждения (рис. 1).

С внешней (лицевой) стороны клинка<sup>2</sup> золотом насечена надпись на русском языке: «По указу Ея Императорскаго Величества Пожалована Сія Сабля Калмыцкому Владельцу Бамбару За разбитіе Киргисъ Касацкой Партіи Приходившей Для Нападенія на калмыцкціе Улусы 1762 года» (рис. 1, 6).

На противоположной стороне клинка в той же технике золотой насечки нанесена надпись, ошибочно атрибутированная в начале XX в. как «маньчжурская» или «китайская» (рис. 1, 5). В действительности она выполнена на тодо-бичиг (монг. *Тодо бичиг*)<sup>3</sup> – письменности, созданной в 1648 г. выдающимся ойратским просветителем, буддийским монахом Зая-Пандитой (ок. 1599–1662). Со второй половины XVII в. тодо-бичиг получила широкое распространение среди монгольского и особенно ойратского населения Евразии, в том числе и у волжских калмыков. Надпись может быть переведена следующим образом: «Вручается калмыцкому нойону Бамбару, за то, что он во главе калмыцкого войска разбил казахов. Год обезьяны (1764 г.)»<sup>4</sup>. Интересно, что текст на тодо-бичиг несколько отличается от русскоязычной надписи. Так, например, в нем отсутствуют ссылка на указ императрицы, а также информация о казахском набеге, ставшем причиной сражения.

<sup>1</sup> Изгиб клинка (по методу А. Н. Кулинского) – 4,5 см (согласно указанному методу, изгиб измеряется по линии, проходящей от основания клинка со стороны лезвия до кончика острия).

<sup>2</sup> Под внешней (лицевой, правой) стороной сабли, клинка / полосы, рукояти, ножен понимается сторона, обращенная к зрителю в тот момент, когда сабля находится в ножнах на поясе воина. Противоположная сторона сабли и ножен именуется соответственно внутренней, тыльной, левой.

<sup>3</sup> Досл. «ясное письмо».

<sup>4</sup> Перевод выполнен Б. В. Меняевым – специалистом Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве». Авторы выражают благодарность Б. В. Меняеву за помощь в переводе надписи.



*Рис. 1* (фото). Сабля нойона Бамбара:  
1, 2 – клинок и хвостовик; 3, 4 – общий вид; 5, 6 – надписи на клинке; 7, 8 – острие  
(фото И. А. Садовой; без масштаба)

*Fig. 1* (photo). The Saber of noyon Bambar:  
1, 2 – the blade; 3, 4 – general view; 5, 6 – the inscription on the blade; 7, 8 – the point of the saber  
(photo by I. A. Sadova; without scale)

Сабельная полоса снабжена ярко выраженными остроугольными «плечиками». Сходясь под прямым углом, они образуют узкий хвостовик удлинено-трапецевидной формы, отогнутый в сторону лезвия (рис. 1, 1, 2). Общая длина хвостовика – 7 см. Ширина хвостовика в нижней части – 1,9 см, в центральной части – 1,5 см, в верхней части – 0,6 мм. Толщина хвостовика – 4, 3 и 1 мм соответственно. В плоскости хвостовика пробиты три округлых отверстия диаметром около 4 мм. Два из них расположены в центральной, а одно – в верхней части хвостовика. Наиболее вероятно, что в отверстия вставлялись заклепки, соединявшие хвостовик и «щечки» рукояти (см. ниже).

В комплект с сабельной полосой входит позолоченная гарда крестообразной формы, выполненная из медного сплава (рис. 2, 1–5). Длина крестовины – 7 см, длина асимметричного перекрестья, снабженного продольным ребром жесткости – 4,6 см. Толщина гарды по центру – 2,5 см, по краям (перед головками гарды) – 0,6–0,7 см. Прямые стержни крестовины заканчиваются округлыми уплощенными («таблетковидными») головками. Диаметр последних – 2 см, толщина – 0,7 см. Концы перекрестья украшены треугольными выпуклостями. Вес гарды – 47,4 г.

Следует обратить внимание на то, что, согласно описи Н. Е. Бранденбурга, в начале XX в. сабля имела «эфесь безъ дужки, въ медной оправе усыпанный камнями»<sup>5</sup>. Дошедшая до нашего времени гарда действительно не имеет D-образной дужки и выполнена из медного сплава, однако драгоценные (?) камни на ней отсутствуют. Не исключено, что ими была украшена рукоять и (или) ее навершие, которые не сохранились до настоящего времени<sup>6</sup>.

Наиболее вероятно, что рукоять была утрачена во время эвакуации музейного имущества в Ярославль в 1917–1923 гг. Известно, что практически все предметы возвращались из эвакуации с различными повреждениями, вызванными неподобающими условиями хранения. В пользу данной версии свидетельствует пометка на полях музейной описи рядом с описанием сабли, выполненная Н. Е. Бранденбургом: «Возвращена из г. Ярославля осенью 1923 г. повреждения III категории»<sup>7</sup>.

Согласно той же описи начала XX в., сабля имела ножны «...деревянные, обтянуты кожей, с меднымъ приборомъ и обрывками современной кожаной портупей с бляшками медными»<sup>8</sup>. К сожалению, ножны также не сохранились.

Особенности конструкции сабельной полосы и гарды позволяют отнести рассматриваемый образец длинноклинкового оружия к особому типу сабель, известных как «ордынки» или «чечуги» (рис. 3). Именно для них было характерно сочетание слабо- или среднеизогнутого плавно сужающегося к острию клинка (длиной 72–86 см при ширине 2,9–3,5 см) с полукруглой заточкой, хвостовика с тремя отверстиями для заклепок и характерной крестообразной гарды из медного сплава с короткими стержнями крестовины и граненым перекрестьем [Gutowski, 1997, p. 120–125; Аствацатурян, 2002, с. 102; Квасневич, 2005, с. 33–36; 2012, с. 165–167; Заблоцкий, 2011, с. 196–197; Rivkin, 2015, p. 169; Rivkin, Isaac, 2017, p. 105; Курмановский, 2018, с. 30–33].

Начальные этапы эволюции сабель данного типа, по всей видимости, связаны с территорией Северо-Западного Кавказа [Курмановский, 2018]. В XVII–XVIII вв. они применялись на территории Российского государства, Речи Посполитой, Османской империи и других государств региона. Большой популярностью они пользовались у населения Крымского ханства, а также его оседлых и кочевых соседей. В их числе были и волжские калмыки, переселившиеся в Северный Прикаспий из Центральной Азии в первой половине XVII в. и достаточно быстро усвоившие многие элементы оружейного комплекса своих новых соседей. В числе заимствованных предметов вооружения были и сабли-чечуги, которые калмыки приобретали у крымских татар, ногайцев, адыгов, а также захватывали в качестве военных трофеев. Среди владельцев подобных сабель были и представители калмыцкой правящей верхушки. Характерно в данной связи, что именно чечуга восточноевропейского или северокавказского производства была приподнесена в дар калмыцкими аристократами (в числе прочих элитных образцов длинноклинкового оружия) цинскому императору Цяньлуну во второй половине XVIII в. [Armaments..., 2008, p. 142, fig. 146].

<sup>5</sup> АВМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Ед. хр. 7 (Опись Артиллерийского музея Ч. IV, 1882. Л. 13 об. – 14).

<sup>6</sup> Это косвенно подтверждается сведениями «Известий императорской археологической комиссии» за 1904 г., согласно которым, сабля была снабжена «...рукояткою, сплошь усеянно драгоценными камнями» [Известия..., 1904, с. 32].

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Там же.



*Рис. 2* (фото). Гарда сабли и портрет нойона Бамбара:  
 1–5 – гарда сабли; 6 – портрет нойона Бамбара в костюме цинского сановника,  
 неизвестный художник, около 1771 г. (фото И. А. Садовой; без масштаба)

*Fig. 2* (photo). Sabre guard and portrait of Noyon Bambar:  
 1–5 – sabre guard; 6 – portrait of Noyon Bambar in the costume of a Qing dignitary,  
 unknown painter, circa 1771 (photo by I. A. Sadova; without scale)

Весьма вероятно, что при выборе жалованного длинноклинкового оружия, предназначенного для передачи представителю высшей калмыцкой знати (см. ниже), российские чиновники руководствовались в том числе предпочтениями самих ойратских феодалов. Поэтому тот факт, что для вручения нойону Бамбару в качестве жалованной сабли была определена именно чечуга, вряд ли можно считать случайностью.

От большинства известных сабель указанного типа рассматриваемый образец из ВИМАИВиВС отличается отогнутым к лезвию хвостовиком и некоторыми деталями оформления гарды. Так, несколько гипертрофированно переданы «таблетковидные» головки крестовины, а традиционные для *чечуг* скосы на концах перекрестья визуально усилены треугольными выпуклостями. Ближайшим аналогом данной гарды является гарда сабли-*чечуги*, датированной XVII в., из собрания Государственного Исторического Музея (рис. 3, 2). Она также выполнена из медного сплава, концы крестовины увенчаны «таблетковидными» головками, а асимметричное перекрестье снабжено продольным ребром жесткости (рис. 3, 2)<sup>9</sup>. Благодаря тому, что сабля из ГИМ полностью сохранила рукоять, а значит, и оригинальное расположение гарды, можно предполагать, что и гарда из ВИМАИВиВС располагалась аналогичным образом – длинной стороной крестовины в сторону клинка (рис. 2, 1, 2; 3, 2).

Не вызывает особых сомнений, что золотая надпись на клинке была насечена российским ювелиром или иностранцем на русской службе. Что касается самой сабельной полосы и гарды, то они могли быть изготовлены как ремесленниками Восточной Европы или Северного Кавказа, так и российскими мастерами по образцу оружия указанных регионов. Данный вопрос требует дополнительного изучения.

Отнесение рассматриваемой сабли к группе *чечуг* позволяет высказать предположения о некоторых особенностях конструкции и оформления эфеса и ножен, которые не дошли до нашего времени. В подавляющем большинстве случаев рукояти *чечуг* снабжались металлическим навершием наперстковидной формы, отогнутым под тупым углом в сторону лезвия. К хвостовику с помощью трех заклепок крепились деревянные «щечки», которые часто обтягивались кожей ската (рис. 3). Ее рельефная («пупырчатая») поверхность улучшала сцепление рукояти с ладонью воина. Прибор ножен (как и в рассматриваемом случае) часто выполнялся из медного сплава. При этом снабженные кольцами для ремней портупеи обоймицы обычно дополнялись характерными «крылышками», придававшими всей конструкции Т-образную форму (рис. 3, 1–3). Весьма вероятно, что схожим образом могла быть оформлена и сабля из собрания ВИМАИВиВС.

### Обстоятельства передачи сабли нойону Бамбару

Прежде чем перейти к изучению причин и обстоятельств нанесения надписи на клинок сабли из собрания ВИМАИВиВС, необходимо кратко охарактеризовать место *нойона* Бамбара (см. рис. 2, 6) и его семьи в калмыцком обществе XVIII в.

Исторический период, охватывающий XVII – первую половину XVIII в., далеко не случайно именуется в научной литературе эпохой малого монгольского (ойратского) нашествия. В это время ареал военной активности ойратов (западных монголов) включал огромные пространства внутренней Евразии от причерноморских степей на западе до Тибета на востоке и от лесов Западной Сибири на севере до пустынь Мавераннахра на юге. Восточные ойраты (джунгары) подчинили своей власти территорию Юго-Восточного Казахстана, Восточного Туркестана и значительную часть Южной Сибири. В свою очередь, западные ойраты (волжские калмыки) сокрушили Большую ногайскую орду, частично подчинив, частично изгнав местное тюркское население. Ядром новых калмыцких владений стали земли Северного Прикаспия. Со временем волжские калмыки приняли российское подданство и стали одним из основных союзников Российского государства в войнах с крымскими татарами и ногаями. Во второй половине XVII – первой половине XVIII в. калмыцкие отряды неоднократно вторгались в Крым и земли черкесов, вели боевые действия на территории Украины, Польши, в причерноморских степях, на Кубани, Северном Кавказе, в Западном Казахстане. Калмыцкая конница приняла активное участие в войнах России против Речи Посполитой, Османской империи, Швеции, Пруссии, а также в подавлении восстаний Степана Разина, Кондратия Булавина и др. [Тепкеев, 2012, с. 343–346; 2018, с. 195–218].

<sup>9</sup> Схожей по форме гардой из медного сплава снабжена также сабля-*чечуга* из Государственного исторического музея им. Яворницкого в г. Днепропетровске [Прокопенко, 2012, рис. 6].



Рис. 3 (фото). Сабли-чечуги XVII–XVIII вв.:

1, 2, 4 – ГИМ (по: [Аствацатурян, 2002]); 3, 5 – Ливрусткаммарен, г. Стокгольм (по: [Rivkin, 2015])

Fig. 3 (photo). Sabres-chechugi 17<sup>th</sup> – 18<sup>th</sup> centuries:

1, 2, 4 – GIM (by: [Astvatsaturyan, 2002]); 3, 5 – Livrustkammaren (by: [Rivkin, 2015])

Род *нойона* Бамбара (?–1774) относился к высшей аристократии калмыков-торгутов, традиционно занимавших привилегированное положение в Калмыцком ханстве. Торгутские правители возводили свою родословную к знаменитому керейтскому Ван-хану (?–1203), выступавшему сначала в качестве покровителя, а затем противника Чингисхана. Сам *нойон*

Бамбар являлся потомком одного из самых могущественных калмыцких правителей – *тайши* Дайчина (годы правления 1644–1661), с именем которого были связаны начальные этапы вовлечения волжских калмыков в политическую орбиту Российского государства<sup>10</sup>. Дед Бамбара – Доржи Назаров (?–1735) являлся одним из самых влиятельных калмыцких князей и после смерти хана Аюки в 1723 г. всерьез рассматривался российскими властями в качестве основного претендента на ханский престол<sup>11</sup>.

Могущество Бамбара и его предков базировалось не только на их высоком происхождении и личной доблести, но и на богатых пастбищных угодьях волжского левобережья и многочисленном зависимом населении. Согласно росписи генерал-лейтенанта И. Ф. Барятинского, в 1733 г. табун-отоковые улусы Доржи Назарова и его детей насчитывали 10 000 кибиток, что позволяло выставить в поле многотысячные кавалерийские соединения [Батмаев, 2002, с. 124; Бобров, 2013, с. 11].

Обширные наследственные владения семьи Бамбара находились в Волго-Яицком (Уральском) междуречье – на восточных границах Калмыкии. Из поколения в поколение предки Бамбара выполняли роль «хранителей Востока», защищая основные калмыцкие кочевья в Северном Прикаспии от набегов воинственных тюркских номадов – казахов и каракалпаков.

Пик калмыцко-казахского военного противостояния пришелся на середину 20-х гг. XVIII в. В боях с казаками калмыки пытались опереться на помощь российских властей, однако низкая мобильность регулярных войск и артиллерии часто не позволяла эффективно задействовать их в боях с кочевниками на степном театре боевых действий. В большинстве случаев калмыкам приходилось полагаться на собственные силы. Зная о том, что калмыцкая конница сильна мощным копейным ударом, казахские воины предпочитали вести бой от обороны. Спешившись и укрывшись за спинами стреноженных лошадей и верблюдов, положенных в круг, они открывали интенсивный ружейный огонь, останавливавший кавалерийскую атаку противника. Однако дед Бамбара Доржи Назаров научился бороться с такими «живыми крепостями» с помощью легких пушек, перевозившихся на верблюдах. В Узенинской битве 1724 г. он с помощью «верблюжьей артиллерии» наголову разгромил казахско-каракалпацко-башкирский отряд батыра Исета и преподнес в качестве «презента» астраханскому губернатору 415 правых ушей, отрезанных, согласно старой монгольской традиции, у убитых вражеских воинов [Бобров, 2013, с. 12–15]. Еще более масштабные столкновения между казаками и калмыками состоялись осенью 1726 г. Современник событий В. М. Бакунин утверждал, что в них приняли участие около 10 тыс. казахов Среднего и Младшего *жузов* и объединенная армия калмыцких *нойонов*, насчитывавшая 20 тыс. воинов [Бакунин, 1995, с. 58–59].

В 1731 г. хан Младшего *жуза* Абулхайр принял российское подданство, положив начало вхождению Казахстана в состав Российской империи. Однако интенсивность военных конфликтов калмыков и казахов снизилась далеко не сразу. Противники продолжали периодически обмениваться ударами. Боевые столкновения нередко провоцировались взаимным отгоном скота, борьбой за пастбища и зависимое степное население. Российские власти пытались пресекать *барымту* и набеги, но повлиять на номадов могли не всегда. В большинстве случаев местная администрация вставала на сторону тех, кто в конкретной ситуации соблюдал (пусть и формально) действующее имперское законодательство.

Очередной калмыцко-казахский конфликт разразился в начале 60-х гг. XVIII в. Причины, ход и результаты данного военного конфликта будут подробно разобраны нами в специальной работе, поэтому в настоящей статье ограничимся лишь его кратким описанием.

<sup>10</sup> Согласно «Сказанию об ойратах» Габан Шараба, третьим сыном Дайчина был Нама Серен, который являлся отцом Назара Мамута. У Назара было четыре сына: Доржи Назаров, Гюмбю, Рабжур, Убаши. У Доржи Назарова, в свою очередь, было три сына: Лубжа, Бай, Данджин [Сочинение Габан Шараба, 2003]. Бамбар был сыном Лубжи (?–1737).

<sup>11</sup> Доржи Назаров приходился Аюке двоюродным племянником [Батмаев, 2002, с. 124].

В начале 1760 г. отряд *нойонов* Цэрэна (пришедшего к калмыкам из разгромленной цинскими войсками Джунгарии) и Намчюна «с семью военными значками» атаковал становище казахских пастухов в урочище у р. Камыш-Самары. По данным казахской стороны, было отогнано около 40 тыс. лошадей, кроме того, «...находившихся при тех лошадях людей [калмыки] побили» [Эпистолярное наследие..., 2014, с. 103–104].

Несмотря на то что нападение совершили именно калмыцкие «владельцы», они действовали в рамках имперского законодательства, так как еще в сентябре 1756 г. царское правительство запретило казахам в зимнее время переходить Яик и кочевать в Волжско-Яицком междуречье, где выпасали скот калмыки. Форсировав реку, казахские пастухи нарушили предписание центральных властей и дали формальный повод для совершения нападения со стороны калмыков. Получалось, что казахи не только лишились огромных табунов, но и оказались в положении виновной стороны.

Потеря колоссального количества коней вызвала ярость казахской родоплеменной знати. Начался сбор войск для вторжения в калмыцкие владения. Хан Младшего *жуза* – Нуралы (годы правления 1748–1786) занимал двойственную позицию. С одной стороны, он опасался испортить отношения с Санкт-Петербургом и калмыцкими соседями, с другой стороны, хан не имел реальных рычагов для предотвращения набега. В результате Нуралы попытался усидеть на двух стульях одновременно. Он начал информировать российские и калмыцкие власти о подготовке казахского вторжения и публично отговаривал своих подданных от начала боевых действий. Однако на сборный пункт казахских войск прибыл зять Нуралы и будущий хивинский хан султан Младшего *жуза* Джахангир (?–1814). Это позволяет предположить, что Нуралы тайно поддерживал барымтачей. В случае успеха набега хан мог рассчитывать на долю военной добычи. Поражение «воровских» казахов также было на руку хану, поскольку давало шанс ослабить нелояльную ему родоплеменную знать. Подобная расчетливость была в характере Нуралы. Через десять лет после описываемых событий, во времена восстания Емельяна Пугачева, он также будет вести двойную игру, обещая свою поддержку как самозванцу, так и Екатерине II.

Зимой 1761–1762 гг. напряжение в регионе достигло апогея. Возмущенные казахские старшины и батыры ждали лишь удобного момента для нанесения удара по своим обидчикам на западном берегу Яика.

Современники расходятся в оценке численности казахского отряда, принявшего участие в походе. Один из казахских пленников утверждал, что для набега собралось от тысячи до четырех тысяч степняков. Сам хан Нуралы в письме от 3 марта 1762 г. уверял императора Петра III, что казахи, «которые наставления моего не послушали и воровски подданную е.и.в. Калмыцкую орду для злодейства пошли... *коих плутов, как слышно, только с восьмьюсот человек ходили*, а прочие все, не желая худого, находятся е.и.в. в верности...» [Эпистолярное наследие..., 2014, с. 122]. Но даже если отряд казахов действительно насчитывал лишь 800 воинов, он все равно был больше ополчения батыра Исета, разбитого Доржи Назаровым в Узенинской битве в 1724 г., которая считалась (по меркам региона) достаточно крупным боевым столкновением [Бобров, 2013, с. 9, 15].

План барымтачей строился на внезапности нападения. Однако калмыки вовремя получили информацию о набеге. Вместо мирных улусов казахов поджидала сеть из больших и малых караулов, за спиной которых разворачивались основные калмыцкие силы.

Войска противников неуклонно сближались. Исход набега решил бой, состоявшийся 17 февраля 1762 г. Казахский отряд первоначально атаковал калмыцкий караул, а вечером того же дня обрушился и на главные силы Бамбара (1 400–1 500 чел.). Упорный бой продолжался «до померчения вечерней зори». Вероятно, именно в это время и произошла упомянутая участниками битвы ожесточенная ружейная перестрелка, в ходе которой «касаки напад на них калмык начали стрелять из ружей напротив коих и они калмыки стреляли ж». Воинам Бамбара удалось отбить атаку казахов, перехватить инициативу и вынудить *барымтачей* начать отступление.

Согласно сообщению современника битвы И.-Г. Георги, посетившего Поволжье в начале 70-х гг. XVIII в., тактическое искусство калмыков рассматриваемого периода основывалось на сочетании действий ружейных стрелков и лучников с атакой конных копейщиков: «Всякий полк состоял из трояких воинов, а именно: из Стрельцов, которые сходили с лошадей, когда палили из ружей; из Луконосцов, которые, столпясь, пускали тучею стрелы, и из Копейщиков, решавших битву. Они нарочито храбры и одерживают победы над подобными им неприятелями...» [Описание..., 1799, с. 9].

Не исключено, что и февральское сражение 1762 г. также завершилось атакой калмыцкой копейной конницы, которая преследовала отступающих *барымтачей*. Во всяком случае захваченный в плен казах Ақтамберды Жулдусов был сбит с коня калмыком Доржой Гендыршиевым, действовавшим «дротиком», под которым в данном случае следует понимать кавалерийскую пику: «...при том сражении из... калмык Доржа Гендыршиев... касаченина набежав<sup>12</sup> ударил дротиком и потрафил в спину в сторону от чего под ним (казахом. – *Авт.*) лошедь споткнулась и он касаченин с лошади упал где он и пойман и отвезен в их [калмыцкие] улусы...»<sup>13</sup>.

Во время дистанционного ружейного боя и возможной последующей атаки калмыцкой конницы казахи понесли существенные потери. По калмыцким данным, на этом этапе сражения было убито 140 и взято в плен 43 казахских воина (т. е. около 20 % личного состава отряда *барымтачей*). Несмотря на темное время суток, калмыцкая конница начала интенсивное преследование отступающих казахов, которое продолжалось до самого утра. Причем один из отрядов Бамбара дошел до урочища Хурхуй, а второй – почти до предместий Гурьева. Во время преследования, по калмыцким данным, было убито еще 66 казахских воинов<sup>14</sup>.

Февральское сражение 1762 г. стало не только важным событием в истории калмыцко-казахских отношений, но и было замечено в Санкт-Петербурге. Летом того же года в столице произошел дворцовый переворот, в результате которого на престол взошла Екатерина II (годы правления 1762–1796). Новая императрица остро нуждалась в поддержке правящего класса, поэтому щедрой рукой раздавала награды и пожалования как российскому дворянству, так и представителям национальных элит. В этих обстоятельствах победа *нойона* Бамбара пришлась как нельзя кстати. В письмах как представителей местной российской администрации, так и калмыцкой знати и даже хана Нуралы решительные действия Бамбара по пресечению набега казахов выглядели законными и уместными. Продолжая традицию, заложенную еще в первой половине XVIII в., Екатерина II решила наградить победоносного *нойона* именной жалованной саблей. Данный шаг должен был продемонстрировать степной аристократии, что поддержание мира и законной власти продолжает оставаться важнейшим приоритетом империи. Будущая великая правительница даже не подозревала, что не пройдет и десяти лет, как обласканный ею калмыцкий «владелец» обнажит жалованную саблю, но уже против подданных Российской империи.

В конце 60-х – начале 70-х гг. XVIII в. калмыцкое общество переживало глубокий социально-политический кризис, в результате которого большая часть калмыцкой знати во главе с ханом Убаши (годы правления 1761–1774) приняла решение покинуть Российскую империю и откочевать в Центральную Азию. Активным сторонником переселения был и *нойон* Бамбар [Колесник, 2003, с. 171–176, 177].

В январе 1771 г. огромные массы калмыков волжского левобережья хлынули на восток. В авангарде «Последнего Великого кочевья» шла десятитысячная конница Цэрэна и Бамбара, причем последний, как показали дальнейшие события, прихватил с собой и жалованную саблю Екатерины II. Жертвой нападения взбунтовавшихся калмыков стали как яицкие казаки, так и кочевья казахов хана Нуралы [Там же, с. 198–201, 203].

<sup>12</sup> То есть догнав.

<sup>13</sup> РГАДА. Ф. 148. Оп. 113. Д. 1414. Л. 19.

<sup>14</sup> НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 339. Л. 153, 153 об.

Калмыки сумели оторваться от преследовавших их имперских отрядов, но стали объектом ожесточенных атак казахов Младшего и Среднего *жузов*, а затем и тянь-шаньских киргизов. В ходе откочевки погибли многие представители калмыцкой аристократии. В их числе был и «владелец Бамбаров брат меньшей Ондон»<sup>15</sup>, принимавший участие в февральских событиях 1762 г. Ценой огромных потерь калмыкам удалось прорваться к р. Или, где их встретили передовые караулы Цинской империи. Осознав невозможность создания нового ойратского государства на территории бывшей Джунгарии, калмыцкая знать приняла решение присягнуть цинскому императору.

В том же 1771 г. хан Убаши и калмыцкие *нойоны* были приглашены в императорскую резиденцию в Жэхэ (пров. Чжили), где удостоились высочайшей аудиенции. В ходе нее Убаши и другие калмыцкие владельцы преподнесли императору Цяньлуну богато оформленные палаши, сабли и кинжалы, украшенные золотой насечкой и драгоценными камнями.

Не исключено, что в числе прочих свою жалованную саблю передал Цяньлуну и *нойон* Бамбар. Дальнейшее исследование цинской документации, возможно, позволит прояснить данный вопрос. Так или иначе, но сабля, подаренная Бамбару Екатериной II, оказалась на территории Цинской империи.

Цяньлун наградил представителей калмыцкой знати маньчжурскими феодальными титулами, почетными званиями и землями. В частности Бамбару был пожалован высокий титул *цзюньвана*<sup>16</sup> и почетное звание «Биширэлту», т. е. «Благословенный» [Санчилов, 1990, с. 90]. Придворный художник выполнил портрет торгутского *нойона* (см. рис. 2, б). На нем Бамбар изображен суровым бывалым воином с густыми вислыми усами до подбородка и золотой серьгой с жемчужиной в левом ухе. Вместо традиционного калмыцкого костюма *нойон* облачен в цинскую церемониальную одежду, соответствующую его новому статусу.

При расселении прибывших калмыков Бамбар и его племянник Кибдэн получили часть земель, ранее принадлежавших джунгарам. Так, им были переданы кочевья в Урумчинском округе на р. Чжиргалан (Джергалан) на юго-западе от г. Кур-кара-усу (кит. Цинсуйчэн).

*Нойон* Бамбар скончался в 1774 г. После его смерти сабля с именем российской императрицы Екатерины II еще более столетия находилась на территории Поднебесной. Обстоятельства и место обнаружения сабли российскими офицерами в начале XX в. в настоящее время не установлены. Однако из текста описи известно, что она была «изъята во время Китайской войны 1900–1901 гг.», т. е. в ходе подавления Ихэтуаньского («Боксерского») восстания, в рамках которого российские войска (наряду с армиями семи других стран) были введены на территорию Цинской империи и в 1900 г. вошли в Пекин. Скорее всего, российских военнослужащих привлекла надпись на русском языке, нанесенная золотом на поверхность клинка, что и послужило главной причиной «изъятия» оружия. Первоначально сабля была передана в Квантунскую крепостную артиллерию в Порт-Артуре, откуда в 1903 г. отправлена в Санкт-Петербург вместе с другими трофеями.

### Заключение

На основании анализа конструкции и системы оформления клинка, хвостовика и гарды выдвинуто предположение, что рассматриваемый образец длинноклинового оружия относится к группе сабель-чечуг («ордынок»), пользовавшихся значительной популярностью среди кочевого населения Восточной Европы позднего Средневековья и раннего Нового времени. Рукоять и ножны сабли, к сожалению, не сохранились, однако известно, что рукоять была украшена драгоценными камнями, ножны были изготовлены из дерева, обтянуты кожей и снабжены прибором из медного сплава.

На клинке нанесена двуязычная надпись, указывающая на то, что оружие относилось к числу жалованных именных сабель. Оно предназначалось для вручения калмыцкому *нойо-*

<sup>15</sup> НАРК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. Л. 20 об.

<sup>16</sup> *Цзюньван* – принц крови второй степени. Третий по значимости титул Цинской империи. Выше *цзюньванов* находились лишь сам император и принцы крови первой степени (*циньваны*).

ну Бамбару, одержавшему победу над взбунтовавшимися казахами в 1762 г. Опровергнуто бытовавшее в историографии мнение о том, что надпись на левой стороне клинка выполнена на китайском или маньчжурском языке. В действительности текст передан на тодо-бичиг (монг. *Тодо бичиг*) – письменности, созданной в 1648 г. выдающимся ойратским просветителем, буддийским монахом Зая-Пандитой. Текст на тодо-бичиг с некоторыми нюансами повторяет русскоязычную надпись на правой стороне клинка. Обе надписи выполнены в технике золотой насечки придворными ювелирами Российской империи.

Анализ архивных материалов позволил изучить обстоятельства сражения калмыков и казахов 17 февраля 1762 г., по итогам которого Екатерина II решила наградить *нойона* Бамбара жалованной саблей.

В 1771 г. большая часть калмыков во главе с ханом Убаши покинула степи Северного Прикаспия и двинулась на восток, рассчитывая поселиться на территории бывшей Джунгарии, разгромленной цинскими войсками в середине 50-х гг. XVIII в. В авангарде «Последнего великого кочевья» шли отряды *нойона* Бамбара, который, как показали последующие события, захватил с собой и жалованную саблю. Выжившие в ходе «Торгутского побега» калмыцкие владетели были приняты императором Цяньлуном. Правитель Поднебесной пожаловал им титулы и земли. В свою очередь, хан Убаши и его *нойоны* преподнесли императору многочисленные подарки, в число которых были включены и богато украшенные сабли. Весьма вероятно, что среди них находилась и жалованная сабля *нойона* Бамбара. Так или иначе, но рассматриваемое оружие оказалось в цинских арсеналах. Во время подавления Ихэтуаньского восстания российские офицеры обратили внимание на две сабли, клинки которых были украшены золотыми надписями на русском языке. В результате жалованные сабли хана Убаши и *нойона* Бамбара были переданы командованию Квантунской крепостной артиллерии, а оттуда в 1903 г. отправлены в «Артиллерийский исторический музей» (будущий ВИМАИВиВС).

Таким образом, вместе со своими хранителями и владельцами рассматриваемая сабля проделала удивительное «путешествие» по Евразии, масштаб которого даже сейчас поражает воображение. На первом этапе вместе с посланниками Екатерины II она пересекла всю Европейскую Россию с севера на юг – от столичного Санкт-Петербурга до равнин Северного Прикаспия. На втором этапе вооруженный этой саблей *нойон* Бамбар пробился через всю казахскую степь с запада на восток – от берегов Эмбы до полноводной Или. Позднее сабля пересекла Цинскую империю от западных границ Синцзяна до Желтого моря и, наконец, из Порт-Артура была доставлена обратно в Санкт-Петербург.

В заключение отметим, что рассмотренная в настоящей работе сабля имеет значительную научную ценность. Она представляет собой один из немногочисленных дошедших до нашего времени образцов именного жалованного оружия калмыцких правителей, а ее история делает саблю уникальной реликвией российско-калмыцких и калмыцко-цинских отношений в XVIII в.

### Список литературы

- Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие. СПб.: Атлант, 2002. 336 с.
- Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 160 с.
- Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: Джангар, 2002. 400 с.
- Бобров Л. А. Узенинская битва (1724 г.): предпосылки, ход, результаты // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 5–17.
- Бобров Л. А., Новоселов В. Р. Сабля казахского Вали-хана из собрания Музеев Московского Кремля // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 87–104. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-87-104
- Заблоцкий В. Сабли мира. М.: АСТ, 2011. 264 с.

- Известия императорской археологической комиссии. Прибавление к выпуску 9-му. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп, 1904. 112 с.
- Квасневич В.** Польские сабли. СПб.: Атлант, 2005. 224 с.
- Квасневич В.** Лексикон холодного и метательного оружия. СПб.: Атлант, 2012. 264 с.
- Колесник В. И.** Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 286 с.
- Курмановский В. С.** К вопросу о происхождении сабель «ордынок» // Историческое оружие в музейных и частных собраниях. М.: БуксМАрт, 2018. Вып. 1. С. 30–39.
- Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Часть четвертая: о народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах, с описанием всех именованных козаков, также История о Малой России и купно о Курляндии и Литве. СПб.: Имп. Академия наук, 1799. 385 с.
- Прокопенко В. М.** Сабли-чечуги. 2012. URL: [https://kitabhona.org.ua/libwar\\_armor/checuga.html](https://kitabhona.org.ua/libwar_armor/checuga.html) (дата обращения 12.10.2021).
- Санчиров В. П.** «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, 1990. 137 с.
- Сочинение Габан Шараба // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 85–86.
- Тепкеев В. Т.** Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: Джангар, 2012. 376 с.
- Тепкеев В. Т.** Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.
- Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов: Сб. ист. док.: В 2 т. Алматы: АБДИ Компани, 2014. Т. 2: Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. 1032 с.
- Armaments and Military Provisions. The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum. Beijing, 2008, 264 p.
- Gutowski J.** Bron i uzbrojenie tatarow. Katalog zabytkow tatarskich [Weapons and equipment of the Tatars. Catalog of Tatar monuments]. Warszawa, Res Publica Multiethnica, 1997, vol. 1, 135 p. (in Pol.)
- Rivkin K.** Arms and Armor of Caucasus. New York, The Metropolitan Museum of Art, 2015, 328 p.
- Rivkin K., Isaac B.** A Study of the Eastern Sword. Printed in Mankato, 2017, 360 p.

#### Список архивов

- Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИ-МАИВиВС). Ф. 22. Оп. 111. Ед. хр. 7 (Опись Артиллерийского музея. Ч. IV, 1882).
- Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. 35. Оп. 1. Д. 39; Ф. 36. Оп. 1. Д. 339  
Исходящий реестр бумагам, ордерам, промемориям и письмам от бывшего при калмыцких делах полковника Бехтеева 1762 года.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 148. Оп. 113. Д. 1414.

#### References

- Armaments and Military Provisions. The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum. Beijing, 2008, 264 p.
- Astvatsaturyan E. G.** Turetskoe oruzhie [Turkish weapons]. St. Petersburg, Atlant Publ., 2002, 336 p. (in Russ.)
- Bakunin V. M.** Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutskogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev [Description of the Kalmyk peoples, and especially the Torgout, and the actions of their khans and owners]. Elista, Kalmyk Book Publ., 1995, 160 p. (in Russ.)
- Batmaev M. M.** Sotsial'no-politicheskii stroi i khozyaistvo kalmykov v XVII–XVIII vv. [Sociopolitical system and economy of the Kalmyks in the 17<sup>th</sup> – 18<sup>th</sup> centuries]. Elista, Dzhangar, 2002, 400 p. (in Russ.)

- Bobrov L. A.** Uzeninskaya bitva (1724 g.): predposylki, khod, rezul'taty [The Battle of Uzenin (1724): background, course, results]. *Nauchnyi Tatarstan. Gumanitarnye nauki [Scientific Tatarstan. Humanities]*, 2013, no. 2, pp. 5–17. (in Russ.)
- Bobrov L. A., Novoselov V. R.** Saber of the Kazakh Vali Khan from the collection of the Moscow Kremlin Museums. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 87–104. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-87-104
- Epistol'yarnoe nasledie kazakhskoi prav'yashchei elity 1675–1821 godov [The epistolary heritage of the Kazakh ruling elite of 1675–1821]. Collection of historical documents. In 2 vols. Almaty, ABDI Kompani Publ., 2014, vol. 2: Letters of the Kazakh rulers. 1738–1821, 1032 p. (in Russ.)
- Gutowski J.** Bron i uzbrojenie tatarow. Katalog zabytkow tatarskich [Weapons and equipment of the Tatars. Catalog of Tatar monuments]. Warszawa, Res Publica Multiethnica, 1997, vol. 1, 135 p. (in Pol.)
- Izvestiya imperatorskoi arkheologicheskoi komissii. Pribavlenie k vypusku 9-mu [News of the Imperial Archaeological Commission. Addition to the ninth issue]. St. Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i Komp, 1904, 112 p. (in Russ.)
- Kolesnik V. I.** Poslednee velikoe kochev'e. Perekhod kalmykov iz Tsentral'noi Azii v Vostochnuyu Evropu i obratno v XVII i XVIII vekakh [The last great nomad. The transition of the Kalmyks from Central Asia to Eastern Europe and back in the 17<sup>th</sup> and 18<sup>th</sup> centuries]. Moscow, Oriental literature, 2003, 286 p. (in Russ.)
- Kvasnevich V.** Pol'skie sabli [Polish sabers]. St. Petersburg, Atlant Publ., 2005, 224 p. (in Russ.)
- Kvasnevich V.** Leksikon kholodnogo i metatel'nogo oruzhiya [The lexicon of cold and throwing weapons]. St. Petersburg, Atlant Publ., 2012, 264 p. (in Russ.)
- Kurmanovsky V. S.** K voprosu o proiskhozhdenii sabel' "ordynok" [To the question of the origin of the sabers "ordynki"]. In: Istoricheskoe oruzhie v muzeinykh i chastnykh sobraniyakh [Historical weapons in museum and private collections]. Moscow, BuksMArt, 2018, iss. 1, pp. 30–39. (in Russ.)
- Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov i ikh zhiteiskikh obryadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, veroispovedanii i prochikh dostopamyatnostei. Chast' chetvertaya: o narodakh mongol'skikh, ob arмянakh, gruzinakh, indiitsakh, nemtsakh, polyakakh i o vladychestvuyushchikh rossianakh, s opisaniem vsekh imenovanii kozakov, takzhe Istoriya o Maloi Rossii i kupno o Kurlyandii i Litve [Description of all the peoples living in the Russian state and their rituals, traditions, clothes, dwellings, faiths and other attractions. Part Four: about the Mongolian peoples, about Armenians, Georgians, Indians, Germans, Poles and ruling Russians, with a description of all the names of the Cossacks, as well as a story about Little Russia and collectively about Courland and Lithuania.]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1799, 385 p. (in Russ.)
- Prokopenko V. M.** Sabli-chechugi [Sabers-chechugi]. 2012. (in Russ) URL: <https://kitabhona.org.ua/> (accessed 12.10.2021).
- Rivkin K.** Arms and Armor of Caucasus. New York, The Metropolitan Museum of Art, 2015, 328 p.
- Rivkin K., Isaac B.** A Study of the Eastern Sword. Printed in Mankato, 2017, 360 p.
- Sanchirov V. P.** "Iletkhel shastir" kak istochnik po istorii oiratov ["Ilatshal shastri" as a source on the history of the Oirats]. Moscow, Nauka, 1990, 137 p. (in Russ.)
- Sochinenie Gaban Sharaba [The composition of Gaban Sharab]. In: Lunnyi svet: Kalmytskie istoriko-literaturnye pamyatniki [Moonlight: Kalmyk historical and literary monuments]. Elista, Kalmyk Book Publ., 2003, pp. 85–86. (in Russ.)
- Тepкеев В. Т.** Kalmyki v Severnom Prikaspii vo vtoroi treti XVII veka [The Kalmyks in the northern Caspian Sea region at the second third of the 17<sup>th</sup> century]. Elista, Dzhangar Publ., 2012, 376 p. (in Russ.)
- Тepкеев В. Т.** Ayuka-khan i ego vremya. Elista, KalmSC RAS Publ., 2018, 366 p. (in Russ.)
- Zablotsky V.** Sabli mira [Sabers of the world]. Moscow, AST Publ., 2011, 264 p. (in Russ.)

### List of Archives

- Arkhib Voenno-istoricheskii muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi (AVIMAIViVS) [Archive of the Military History Museum of Artillery, Engineering and Communications Troops]. F. 22. In. 111. R. 7 (Opis' Artilleriiskogo muzeya [Inventory of the Artillery Museum]. Pt. IV, 1882).
- Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RSAA)]. F. 148. R. 113; F. 1414.
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya (NARK) [National Archive of the Republic of Kalmykia]. F. 35. Op. 1. D. 39; F. 36. In. 1. R. 339 Iskhodyashchii reestr bumagam, orderam, promemoriyam i pis'mam ot byvshago pri kalmytskikh delakh polkovnika Bekhteeva 1762 goda [Outgoing register of papers, warrants, memorials and letters from the former Kalmyk affairs of Colonel Bekhteev in 1762].

### Информация об авторах

**Леонид Александрович Бобров**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник  
**Мария Анатольевна Анисимова**, старший научный сотрудник  
**Валерий Владимирович Батыров**, кандидат исторических наук, доцент

### Information about the Authors

**Leonid A. Bobrov**, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher  
**Maria A. Anisimova**, Senior Researcher  
**Valery V. Batyrov**, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

*Статья поступила в редколлегию 11.11.2022;  
одобрена после рецензии 15.02.2023; принята к публикации 15.02.2023  
The article was submitted on 11.11.2022;  
approved after reviewing on 15.02.2023; accepted for publication on 15.02.2023*

Научная статья

УДК 398'54

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-147-156

## Образ кукушки в традиционных представлениях и обрядности бурят

Андрей Андреевич Бадмаев

Институт археологии и этнографии  
Сибирского отделения Российской академии наук  
Новосибирск, Россия  
badmaevaa@ngs.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9525-4366>

### Аннотация

В исследовании выявляется образ кукушки в мифологических представлениях и традиционной обрядности бурят. Выяснено, что в традиционном мировоззрении бурят этот орнитоморфный образ является многозначным. Языковой материал и произведения малых жанров бурятского фольклора позволяют утверждать, что кукушка несла женскую символику, с ней также связывали такую отрицательную черту человека, как пустословие. Из ее биологических признаков особо выделяли голос и физическую ловкость, а в ее поведении порицалось откладывание яиц в чужие гнезда.

Анализ мифологических представлений бурят показывает, что данная птица относилась к кругу священных животных. Установлено, что она была одной из составляющих солярной и небесной символики, с нею связывались представления о женском начале, плодородии, природных ритмах и обновлении природы. Кукушка выступала проводником воли светлых богов. Отмечается также, что в бурятском эпосе кукушка предстает как хранительница знаний о прошлом, ее образ увязывается с сакральными деревьями (шаманским Мать-деревом и Мировым деревом). Кроме того, с ней связываются мотив оборотничества и идея о дарительнице богатства. Выявлено, что в мифологических воззрениях бурят образ кукушки имел также негативные черты, так как был связан с представлениями о смерти.

Выяснено, что в шаманской обрядности бурят образ кукушки был локализован у агинских бурят и связан с их тотемическими воззрениями. Показывается, что некоторые традиционные представления бурят об этой птице находят параллели с мифологическими воззрениями других народов Евразии, что объясняется их универсальностью или типологическим тождеством и, вероятно, имевшими место в прошлом межкультурными контактами.

### Ключевые слова

этнография, фольклор, лексика, буряты, мифологические воззрения, шаманизм, обрядность, кукушка

### Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.»

### Для цитирования

Бадмаев А. А. Образ кукушки в традиционных представлениях и обрядности бурят // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 147–156. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-147-156

## The Cuckoo Image in the Buryats Traditional Concepts and Rituals

Andrei A. Badmaev

Institute of Archaeology and Ethnography  
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Novosibirsk, Russian Federation  
badmaevaa@ngs.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9525-4366>

### Abstract

*Purpose.* The study is devoted to identifying the image of the cuckoo in the Buryats mythological ideas and traditional rituals.

*Results.* In the first part of the work, a general description of the cuckoo image is given based on the vocabulary and small genres of the Buryat folklore. It was found that the Buryats particularly noted the voice and physical dexterity of this bird from its other biological features. It was also associated with such a negative trait of a person as idle talk.

The second part of the study examines the Buryats mythological ideas about the cuckoo. It was found out that the cuckoo appears in the Buryat epic as a sacred bird, a conductor of the celestials will. It has a feminine origin: women are believed to turn into this bird after death as a punishment for easy virtue and committing suicide. The cuckoo image is also associated with the motif of werewolf, ideas about the evergreen needles acquisition by larch trees and the milk wine invention. In the Buryat epic, this bird often acts as a bearer of knowledge about the past and a wealth giver. The dual nature of the magical effect of the cuckoo's voice was revealed: on the one hand, it can be beneficial for man and nature, on the other hand, it can destroy a person. The negative features of the cuckoo image are associated with the symbolism of death, which is reflected in folk signs, in particular in the superstition about the cuckoo ability to predict a person's life expectancy.

The third part of the article highlights the cuckoo image in the Buryats shamanic ritual. It has been established that it was localized in the shamanic rite of the Aghin Buryats, probably being a relic of totemism.

*Conclusion.* The study shows that the cuckoo image in the mythological ideas of the Buryats is very ambiguous. This bird was revered as a sacred feathered. It personified the feminine principle. The cuckoo was characterized by solar and celestial symbolism, in addition it acted as a fertility symbol, which was manifested in the correlation of the image with nature rhythms and renewal. This bird was associated with sacred trees (the shamanic Mother Tree and the World Tree). At the same time, the image of the cuckoo also had negative characteristics, primarily because it was closely associated with ideas about death.

The study shows that some traditional ideas of the Buryats about this bird find parallels with the mythological concepts of other peoples of Eurasia, which is explained by their universality or typological identity and, probably, intercultural contacts that took place in the past.

### Keywords

ethnography, folklore, vocabulary, Buryats, mythological views, shamanism, ritual, cuckoo

### Acknowledgements

The research was conducted within the framework of the research project of IAE SB RAS no. FWZG-2022-0001 "Ethnocultural diversity and social processes of Siberia and the Far East of the 17<sup>th</sup> – 21<sup>st</sup> centuries"

### For citation

Badmaev A. A. The Cuckoo Image in the Buryats Traditional Concepts and Rituals. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 147–156. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-147-156

## Введение

Среди орнитоморфных образов, получивших широкое распространение в культурах разных народов Евразии, выделяется образ кукушки. Отношение к этой птице, как правило, носит двойственный характер: от ее сакрализации до негативного восприятия (в определенной степени здесь сыграло роль ее биологическое поведение). Ее образ включался в представления о природных ритмах и времени, любовно-брачных отношениях, связывался с аграрным календарем, тотемными прародителями и мифическими персонажами. Особенно обращали внимание на ее кукование, веря в его способность влиять на здоровье, плодородие и матери-

альное благополучие человека. В то же время сложились народные воззрения о хтонической природе этой птицы.

Кукушка входит в галерею орнитоморфных образов, представленных в традиционном мировоззрении бурят. Хотя ее образ уже рассматривался в бурятоведческой литературе [Бадмаев, 2020; Бурчина, 2007], но всесторонней характеристики он так и не получил. Цель настоящего исследования – выявление образа кукушки в мифологических представлениях и традиционной обрядности бурят.

В работе автор опирается на этнографо-фольклорные и лексические данные. В особенности важны материалы, собранные такими бурятскими исследователями, как Д. А. Бурчина, Ц. Ж. Жамцарано, М. Н. Хангалов. Основным методом изучения является структурно-семиотический метод, позволяющий выявить и описать элементы, составляющие образ кукушки и отражающие представления о нем.

### Общая характеристика кукушки в культуре бурят

В орнитофауне Юго-Восточной Сибири представлен такой вид кукушки, как обыкновенная кукушка (*Cuculus canorus*). Буряты называют ее *хухы*, *хубхуу* ‘кукушка’ и относят к сакральным птицам. В их языке нашли отражение некоторые биологические признаки этой пернатого. Прежде всего буряты обращали внимание на издаваемые в брачный сезон самцом этой птицы звуки. В их лексике есть устойчивые выражения, передающие восприятие ими кукования. Например, о звонкости голоса кукушки говорят *уриханаар ханхинаха* ‘ласково звучать’ [Буряад-ород толи, 2011, с. 397]. А в загадке *Нухын шэнээн бэетэй, сул далай дуутай* ‘Телом с топор, а голос как у пучины морей’ [Болдонов, 1949, с. 124] помимо громкости голоса, слышимого на большом расстоянии, подчеркиваются размеры данной птицы. В другой загадке монотонность пения кукушки уподобляют волчьему вою: *Ойдо огзон шоно уля* ‘В лесу куцый волк песню запел’ (кукушка) [Чистохин, 1895, с. 38].

Кроме того, в бурятском языке подмечается ловкость кукушки: *харсага солбон хухы* ‘подвижная и ловкая, как ястреб, кукушка’ [Буряад-ород толи, 2011, с. 407]. Сравнение ее с хищной птицей, как считается, обусловлено некоторым сходством формы их голов, оперения и характером полета [Птицы России..., 1993, с. 193]. Кстати, такое уподобление отмечается в культурах других народов – начиная с древних греков и римлян (Аристотель, Плиний) и заканчивая славянами [Гура, 1997, с. 708].

В еще одном фразеологизме указывается на особенность поведения кукушки – откладывание ею своих яиц в гнезда некоторых лесных пернатых: *хаан хухы* ‘царственная кукушка (оттого, что не сама кормит птенца)’ [Буряад-ород толи, 2011, с. 393]. Хотя надо заметить, что использование в этом выражении эпитета *хаан* ‘почтенная, великая’ может говорить и о священном характере этого пернатого для бурят.

Буряты употребляют фразеологическое выражение *хухышэлэн донгодохо* ‘распевать как кукушка’ (о красивой бессодержательной болтовне кого-либо), передающее такую присущую людям отрицательную черту, как пустословие, приписывая данное действие и этой птице [Там же, с. 507].

О том, что кукушка выступала символом женского начала свидетельствует в частности распространенность в прошлом у бурят женского имени, омонимичного названию кукушки – Хухэй [Митрошкина, 1987, с. 83].

Теперь коснемся мифологических воззрений бурят о кукушке.

### Традиционные представления бурят о кукушке

Д. А. Бурчина высказала предположение о происхождении бурятского названия этого пернатого от номинации таких мифических персонажей, как три небесные девицы-кукушки – *хохэ ухуй* ‘небесные старшие сестры’, которые в героическом эпосе покровительствуют

и воскрешают богатырей [Бурчина, 2007, с. 134]. Правда, всё же логичнее полагать, что, как и в случае с рядом других народов, его наименование производно от крика самца кукушки в начале брачного сезона: белор. *кукушка*, пол. *kukul*; русс. *кукушка*; серб. *kukala*; чуваш. *кук-куж* и т. д.

В работе упомянутого выше исследователя делается вывод об амбивалентности образа кукушки в традиционных представлениях бурят. Так, положительная характеристика птицы, по мнению этого автора, вызвана включенностью ее образа в шаманскую традицию. Кроме этого, выделяются некоторые символические значения данного пернатого – связь его с обновлением природы, выполнение им роли вестницы и предсказательницы, его связь с солярной мифологией, проявляющаяся в продуцирующей магии и магии плодородия [Там же]. Со всеми этими выводами стоит согласиться, но их можно дополнить.

Выявленные Д. А. Бурчиной составляющие образа этой птицы во многом находят параллели в мифологических представлениях других народов: у западноевропейцев кукушка выступает предвестницей весны и лета [Тресиддер, 1999, с. 182], у тюрков (например, у хакасов) – символом весны [Бурнаков, 2008, с. 305–306]), у финно-угров (в частности у вепсов) – символом весны, вестницей, предсказательницей [Винокурова, 2007, с. 121]. Данный факт позволяет утверждать, что этот образ является универсальным для многих культур.

В бурятском эпосе отмечается сакральность кукушки в частности посредством следующих эпитетов: хрустальная, хрустально-бронзовая, хрустально-синяя, хрустально-белая. Очевидно, что появление в фольклоре бурят таких определений относится к позднему времени (вероятно, к XIX в., когда буряты могли познакомиться с хрустальными изделиями), и, скорее всего, ими заместили прилагательные, прежде определявшие данное пернатое.

В этом плане интересно, что большинство перечисленных выше эпитетов – это двусоставные слова, вторая часть которых называет конкретный цвет. По Д. А. Бурчиной, применение в эпических текстах определения «хрустально-бронзовая» связано с возможной традицией украшения шаманской короны металлической фигуркой кукушки, олицетворяющей духа-помощника шамана [Бурчина, 2007, с. 134]. Однако ни на одном из известных музейных образцов головного убора бурятского шамана не имеется указанной выше металлической подвески, нет также подкрепляющего это мнение этнографического материала.

Между тем у бурят синий цвет символизирует небо – место обитания птиц (вспомним, что верховное божество, которому поклонялись монгольские, а в том числе и бурятские этнические сообщества, звали *Хухэ Мунхэ Тэнгэри* ‘Вечное Синее Небо’). Кроме того, как уже было сказано, в бурятской мифологии образ кукушки ассоциировался со светлыми небожителями, а с ними соотносился именно белый цвет: *сагаан тэнгэринүүд* ‘белые небожители’.

Подобно другим народам Евразии (например, славянам [Гура, 1997, с. 686] и вепсам [Винокурова, 2007, с. 126]), буряты связывали эту птицу с женским началом: согласно легендам, в нее превращаются после смерти отдельные женщины. Так, в бурятских поверьях бытуют истории об обращении женщины в кукушку в наказание за ее легкое поведение [Хангалов, 1960, с. 28] или вследствие совершенного ею самоубийства: «Очень богатый Доной имел много скота и одну дочь. Когда дочь стала большой и нужно было отправляться к мужу <...> дочь выразила просьбу к отцу заколоть для ее вечеринки указанную кобылу... Отец не колет этой кобылы. Дочь, оскорбившись, бросается в золотое озеро и тонет... Когда озеро начало высыхать, из него вылетела дочь, обратившись в птицу хухэй» [Сказания бурят..., 1890, с. 117]. С народными воззрениями об обращении женщины после смерти в кукушку согласуется также мотив оборотничества. Так, в эпосе «Гэсэр» способностью обращаться в птиц обладают три сестры (небожительницы) главного героя:

Обернулись они все птицами,  
А одна из них стала кедровкой,  
А вторая стала синицей,  
А третья кукушкой ловкой  
[Гэсэр..., 1986, с. 108].

Эпические образы небесных сестер-кукушек, как и образ одной из сестер легендарного Гэсэра, свидетельствуют о том, что буряты связывали кукушку со светлой частью неба. О том, что данное пернатое выступало в качестве проводника воли небес, говорит фрагмент фольклорного текста «Пятилетний Толэй Мэргэн»:

В это время на верхушке громадной березы... кукует хрустально-синяя кукушка величиной с конскую голову... Упрекнув бездетного старика в беспечности, она советует ему принести в жертву творцам своим... откормленную белую кобылицу [Бурчина, 2007, с. 262].

Универсальный характер сюжета о кукушке как о посланнице богов прослеживается в традиционных представлениях разных народов Азии: индусов, лепча Сиккима [Krishna, 2014, p. 95], китайцев [Чжао, 2013, с. 41] и др.

В эпосе бурят содержится также указание на важную функцию этой птицы – она выступает в роли хранительницы знаний о прошлом:

На пути его стоит белая береза,  
Береза толстая в десять обхватов,  
На ее вершине сидит кукушка,  
Кукушка хрустальная с лошадиную голову,  
Кукует, рассказывает о сотворении земли,  
Как создавался свет, как вселенная появилась  
[Шаракшинова, 2000, с. 140].

Отметим, что в эпических произведениях бурят образ кукушки всегда увязывается со священным деревом (березой, хвойными деревьями). Вот как описывается сосна, на которой обитает волшебная кукушка, посредством своего пения несущая всему миру плодородие и благополучие:

Внутри ограды [росла] раскидистая сосна (нагнагайн нарахан) с восьмьюдесятью восемью сучьями-ветвями (гэшууһэн), на каждом из которых было по гнезду (уур), в каждом из них – птенцы (зулзага), смотрящие на птиц семидесяти видов, [живущих] на свете (дэлхээ дайдын далан зуйын шубуун). На самой верхушке ее и зимой, и летом куковала хрустально-бронзовая кукушка величиной с конскую голову (морьне толгойн шэнээн молор холор хухээ). Куковала так, что на плоском камне трава выростала, на воде пенка появлялась, у сирот [одиноких] (оношон) потомство многочисленное появлялось, у бедняков богатство появлялось. Такая была славная (алдарта) знаменитая кукушка [Бурчина, 2007, с. 32].

Любопытно, что имеющийся здесь мотив кукушки как дарительницы богатства встречается в традиционном мировоззрении европейских народов: у западноевропейцев [Тресиддер, 1999, с. 182], у славян, кроме северных русских [Гура, 1997, с. 702], финнов, вепсов [Винокурова, 2007, с. 131]. Данный факт, вероятно, следует рассматривать как пример типологического совпадения с далекими от бурят культурами.

Отметим, что выявленная выше связь образа кукушки и Мирового древа не оригинальна и фиксируется в эпосе других народов. Например, у алтайцев таким деревом, на котором поют-предсказывают священные кукушки, является могучий тополь:

В долине – лучшей из долин –  
Стоит великий бай терек –  
Стоствольный тополь-исполин.  
... На верхней ветви золотой,  
Окружены листвою густой,  
Кукушки вещи сидят,  
Пути грядущего следят  
[Маадай-кара, 1979, с. 12].

С кукушкой связаны также бурятские поверья об обретении лиственничными деревьями вечнозеленой хвои:

На юге живет Царь-кукушка величиною с барана. Он послал нам с кукушкой воду вечности (*мунхуйн хара уна*), чтобы она брызнула ею всех нас, дабы вся земля и люди жили в счастье и изобилии. Но кукушка бессмертия брызнула в сосну, ель и другие вечнозеленые деревья. Царю же доложила и теперь докла-

дывает: «Там (т. е. у нас) нет ни деревьев, ни людей, и я принуждена куковать на конском помете (*тонто-гоол*). Летом жарко, зимой холодно» [Жамцарано, 2001, с. 85].

Данный сюжет, в определенной степени воспроизводящийся в фольклоре хакасов [Попов, 1885, с. 36], вероятно, имеет тибетское происхождение. Считается, что основатель тибетской религии бон Шенраб Мибо спустился на землю в виде кукушки, а впоследствии адепты этого учения уподобляют кукование проповеди религиозных истин. Кроме того, в сказках тибетцев кукушка предстает царем птиц [Музраева, 2014, с. 90].

Интересно, что это пернатое особо почитается у монголов будто бы за то, что научило их изготавливать молочную водку:

Проснувшись, она не знала, как ей поступить, но прилетела кукушка, которая объяснила ей, как из молока гнать араку, и с тех пор монголы, когда у них есть молоко, делают водку; а в честь кукушки, которая их этому научила, выкурка ее происходит в то время, когда в лесах раздается кукование [Легенды и сказки..., 1912, с. 109].

Заметим, что у бурят и монголов было более распространено предание об изобретении этого продукта Чингисханом. Вероятно, идея о птице, раскрывшей секрет молочного вина людям, является более архаичной в культуре монгольских народов.

В мифологических сюжетах бурят голос кукушки наделяли силой магического воздействия. Негативный аспект данной силы проявлялся в том, что данное пернатое выступало неким подобием мифической сирены, чье пение якобы было губительно для людей. В эпосе «Хан Сагта абхай» в фигурирует такая волшебная кукушка:

Слышит кукование хрустальной кукушки... Она кукует о детстве и юности старика. Тот слушает кукование, сидя на коне, потом – сойдя с коня. Слушает сидя, лежа, и наконец, засыпает. В самый сон раздается голос: «Погибнешь, слушая это кукование» [Бурчина, 2007, с. 108].

Отрицательная характеристика этого пернатого в основном обусловлена тематикой смерти. Плохим знаком считалось, если она прилетает и кукует вблизи человеческого жилища. Причем, как следствие данного события, буряты ожидали падёж домашнего скота из-за нехватки сена: «В предании говорится, что весной прилетела кукушка, села на метлу, воткнутую в кучу снега, и куковала. По этой примете и сбылось, сена, действительно, не хватило и много скота пало от бескормицы» [Хангалов, 1958, с. 138]. Следует отметить, что здесь наблюдается параллель с мифологическими воззрениями славян, которые полагали, что «ранний прилет и раннее пение кукушки предвещает плохой год» [Гура, 1997, с. 700].

Символика смерти прослеживается и в бурятской традиции предсказывать по кукованию продолжительность жизни человека. Данный способ гадания характерен и для культуры других народов: славян [Там же, с. 703], вепсов [Винокурова, 2007, с. 123], чувашей [Чувашская мифология..., 2018, с. 134] и др. Как ранее сообщалось, буряты верили, что души некоторых умерших женщин обращаются в кукушку. В связи с этим укажем, что идея о том, что после смерти человека душа принимает облик данной птицы, широко распространена. Она обнаруживается в мифологии у многих народов Евразии: славян [Гура, 1997, с. 709], финнов и угров (вепсов, карелов, финнов [Винокурова, 2007, с. 125], манси [Бурькин, 2007, с. 206], хакасов [Бурнаков, 2008, с. 306] и др.

В традиционных представлениях бурят с образом кукушки ассоциировалось весеннее возрождение природы. Об этом в частности можно судить по следующей пословице: *Хухуйн дуугарха, ногооной ургаха* ‘Когда кукушка кукует, трава растет’ [Жамцарано, 2006, с. 36]. В то же время ее долгое кукование воспринималось негативно, как примета неурожая [Потанин, 1883, с. 133]. Также верили, что бескормица наступает, когда эта птица кукует ночью, при этом она якобы заклинает: *Энэ унгооро уруугша хара! Нугоо унгороо дээшэ хара! Ган гасуур боло* ‘Этой хорошей стороной обернись вниз! Другой стороной вверх! Будь засуха, несчастье’ [Жамцарано, 2001, с. 85].

Наконец, коснемся проявления образа этого пернатого в традиционной обрядности бурят.

### Образ кукушки в шаманской обрядности бурят

Судя по этнографическим материалам, в шаманской обрядности бурят образ кукушки имел локальное проявление: он был инкорпорирован в шаманскую ритуальную практику и поэзию агинских бурят. В частности в их обряде посвящения шамана присутствующие подражали голосу данной птицы, а шаман-наставник произносил такие слова:

*...Эхэ модондоо дуулиштэй  
Угай гарбал иэнги  
Дуулим байжа донгодытой!*

...На Мать-дерево взойдите,  
**Подобно предкам** (выделено мной. – А. Б.),  
Во всю ширь прокукуйте!  
[Гомбожапов, 2006, с. 145].

В этом коллективном акте шаманы и другие участники ритуала уподобляются кукушке, более того, они воспринимают данное пернатое как далекого предка. Следовательно, мы имеем дело с реликтами тотемизма, когда представители шаманского рода почитали кукушку как прародителя. Добавим, что в контексте данного обряда Мать-дерево, в данном случае береза, выступает как место обитания птицы-предка.

В шаманской обрядности у некоторых сибирских тюрков (тувинцев, хакасов и др.) кукушка рассматривалась как дух-помощник шамана (шаман имитировал ее голос во время камлания, и ее образ применялся в культовой атрибутике) [Бурнаков, 2008, с. 308; Музраева, 2014, с. 91]. Эта ее функция отмечается у дагуров, бывших насельников Забайкалья [Бурчина, 2007, с. 134]. На основании сказанного можно предположить, что присутствие образа данной птицы в шаманском обряде агинских бурят может быть результатом этнокультурных контактов предков этих бурят с монголоязычными дагурами или, как вариант, тюркоязычными сообществами Южной Сибири.

### Заключение

Подводя итоги исследования, следует констатировать, что в мифологических представлениях бурят образ кукушки многозначен. Эта птица почиталась как священное пернатое. Она олицетворяла женское начало. Ее наделяли солярной и небесной символикой, кроме этого она выступала источником плодородия, что проявлялось в соотнесении ее образа с природными ритмами и обновлением природы. Кукушка рассматривалась как проводник воли светлых богов. Ее воспринимали также как хранительницу знаний о прошлом и дарительницу богатства. Данную птицу связывали с сакральными деревьями (шаманским Мать-деревом и Мировым древом) и мотивом оборотничества. В то же время ее образ имел отрицательные характеристики, прежде всего, потому что был связан с темой смерти.

Исследование показывает, что часть мифологических представлений бурят о кукушке находит аналогии в традиционном мировоззрении у разных народов Евразии, что объясняется как их универсальностью, так и типологическим тождеством, а также существовавшими этнокультурными контактами.

В шаманской обрядности бурят образ кукушки носит локальный характер и связан с тотемическими воззрениями.

### Список литературы

- Бадмаев А. А.** Традиционные представления бурят о птицах // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 2. С. 113–120.
- Болдонов Н. С.** Загадки бурят-монголов: Из старинного сборника Харбасарова // Сборник трудов по филологии. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1949. С. 120–125.

- Бурнаков В. А.** Образ кукушки в мифопоэтической и ритуальной традиции хакасов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой научной сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2008. Т. 14. С. 305–309.
- Бурчина Д. А.** Героический эпос унгинских бурят: Указатель произведений и их вариантов. Новосибирск: Наука, 2007. 544 с.
- Бурькин А. А.** Вера в духов. Сколько душ у человека. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2007. 320 с.
- Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. Т. 2: О–Я. 708 с.
- Винокурова И. Ю.** Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции): Дис. ... д-ра ист. наук. Петрозаводск, 2007. 565 с.
- Гомбожапов А. Г.** Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят в конце XIX – XX в.: истоки и инновации. Новосибирск: Наука, 2006. 184 с.
- Гура А. В.** Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. Т. 2. 288 с.
- Жамцарано Ц. Ж.** Путевой дневник 1908–1909 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 119 с.
- Жамцарано Ц. Ж.** Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.
- Легенды и сказки Центральной Азии / Сост. А. П. Беннинсен. СПб., 1912. 168 с.
- Маадай-кара. Алтайский героический эпос / Пер. А. Плитченко. Горно-Алтайск, 1979. 271 с.
- Митрошкина А. Г.** Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
- Музраева Д. Н.** Кукушка как персонаж сказочного фольклора народов Центральной Азии: проблема взаимосвязи фольклорных жанров и литературных текстов // Новые исследования Тувы. 2014. № 2. С. 80–94.
- Попов Н. И.** Поверья и некоторые обычаи качинских татар // Изв. ИРГО. 1885. Т. 20. С. 34–48.
- Потанин Г. Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. 4: Материалы этнографические. 1026 с.
- Птицы России и сопредельных регионов: Рябкообразные. Голубеобразные. Кукушкообразные. Совообразные / Отв. ред. В. Д. Ильичев, В. Е. Флинт. М.: Наука, 1993. 397 с.
- Сказания бурят, записанные разными собирателями // Зап. ВСОИРГО. 1890. Т. 1, вып. 2. 160 с.
- Тресиддер Дж.** Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
- Хангалов М. Н.** Собр. соч. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 551 с.; 1960. Т. 3. 421 с.
- Чжао Ц.** Звери и птицы как символы в китайской культуре // Культура и история Китая: Символика китайской культуры. Пекин: Шанс; СПб.: КАРО, 2013. 236 с.
- Чистохин И.** Инородческие загадки // Изв. ВСОИРГО. 1895. Т. 26, № 1–3. С. 37–39.
- Чувашская мифология: этнографический справочник. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 591 с.
- Шаракшинова Н. О.** Улигеры бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 153 с.
- Krishna N.** Sacred Animals of India. New Delhi: Penguin Random House India Pvt. Ltd, 2014, 274 p.

## References

- Badmaev A. A.** Traditsionnye predstavleniya buryat o ptitsakh [The traditional ideas of the buryats about birds]. *Arkheologiya, etnographiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2020, vol. 48, no. 2, pp. 113–120. (in Russ.)

- Boldonov N. S.** Zagadki buryat-mongolov: Iz starinnogo sbornika Kharbasarova [Riddles of the buryat-mongols: From the ancient collection of Kharbasarov]. In: Sbornik trudov po filologii [Collection of works on philology]. Ulan-Ude, Burmongiz, 1949, pp. 120–125. (in Russ.)
- Burchina D. A.** Geroicheskiy epos ungingiskikh buryat: Ukazatel' proizvedenii i ikh variantov [The heroic epic of the Unga buryats: An index of works and their variants]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 544 p. (in Russ.)
- Burnakov V. A.** Obraz kukushki v mifo-poeticheskoi i ritual'noi traditsii khakasov [The image of the cuckoo in the mytho-poetic and ritual tradition of the khakas]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii: Materialy Godovoi nauchnoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories: Materials of the Annual scientific session of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS]. Novosibirsk, 2008, vol. 14, pp. 305–309. (in Russ.)
- Buryaad-oroḍ toli. Buryatsko-russkii slovar' [Buryat-Russian Dictionary]. Ulan-Ude, Republican printing house, 2010, vol. 2, 708 p. (in Buryat, in Russ.)
- Burykin A. A.** Vera v dukhov. Skol'ko dush u cheloveka [Belief in spirits. How many souls does a person have]. St. Petersburg, Azbuka-klassika; Peterburgskoe vostokovedenie, 2007, 320 p. (in Russ.)
- Chistokhin I.** Inorodcheskie zagadki [Native riddles]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshestva* [News of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society], 1895, vol. 26, no. 1–3, pp. 37–39. (in Russ.)
- Chuvashskaya mifologiya: etnograficheskii spravocnik [Chuvash mythology: an ethnographic reference]. Cheboksary, Chuvash Book Publ., 2018, 591 p. (in Russ.)
- Chzao Ts.** Zveri i ptitsy kak simvol'y v kitaiskoi kul'ture [Animals and birds as symbols in Chinese culture]. In: Kul'tura i istoriya Kitaya: Simvolika kitaiskoi kul'tury [Culture and history of China: Symbolism of Chinese culture]. Pekin, Shans; St. Petersburg, KARO, 2013, 236 p. (in Russ.)
- Geser. Buryatskii narodnyi geroicheskiy epos [Geser. Buryat folk heroic epic]. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1986, vol. 2, 288 p. (in Russ.)
- Gombozhapov A. G.** Traditsionnye semeino-rodovye obryady aginskikh buryat v kontse XIX – XX v.: istoki i innovatsii [Traditional family and ancestral rites of the Aghin buryats at the end of the 19<sup>th</sup> – 20<sup>th</sup> centuries: origins and innovations]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 184 p. (in Russ.)
- Gura A. V.** Simvolika zhyvotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii [Animal symbolism in the slavic folk tradition]. Moscow, Indrik, 1997, 912 p. (in Russ.)
- Khangalov M. N.** Sobranie sochinenii [Collected works]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1958, vol. 1, 551 p.; 1960, vol. 3, 421 p. (in Russ.)
- Krishna N.** Sacred Animals of India. New Delhi: Penguin Random House India Pvt. Ltd, 2014, 274 p.
- Legendy i skazki Tsentral'noi Azii [Legends and fairy tales of Central Asia]. St. Petersburg, 1912, 168 p. (in Russ.)
- Maadai-kara. Altaiskii geroicheskiy epos [Maadai-kara. Altai heroic epic]. Gorno-Altaysk, 1979, 271 p. (in Russ.)
- Mitroshkina A. G.** Buryatskaya antroponimiya [The Buryat anthroponymy]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 222 p. (in Russ.)
- Muzraeva D. N.** Kukushka kak personazh skazochnogo fol'klora narodov Tsentral'noi Azii: problema vzaimosvyazi fol'klornykh zhanrov i literaturnykh tekstov [The cuckoo as a character in the fairy-tale folklore of the peoples of Central Asia: the problem of the interrelation of folklore genres and literary texts]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New studies of Tuva], 2014, no. 2, pp. 80–94. (in Russ.)

- Popov N. I.** Pover'ya i nekotorye obychai kachinskikh tatar [Beliefs and some customs of the Kachin tatars]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Imperial Russian geographical society], 1885, vol. 20, pp. 34–48. (in Russ.)
- Potantin G. N.** Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii [Essays of North-Western Mongolia]. St. Petersburg, 1883, iss. 4, 1026 p. (in Russ.)
- Ptitsy Rossii i sopredel'nykh regionov: Ryabkoobraznye. Golubeobraznye. Kukushkoobraznye. Sovoobraznye [Birds of Russia and adjacent regions: Grouse. Pigeon-like. Cuckoo-like. Owl-like]. Moscow, Nauka, 1993, 397 p. (in Russ.)
- Skazaniya buryat, zapisannye raznymi sobiratelyami [The legends of the buryats, recorded by different collectors]. *Zapiski Vostochno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Notes of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society], 1890, vol. 1, iss. 2, 160 p. (in Russ.)
- Sharakhshinova N. O.** Uligery buryat [Epics of the buryats]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2000, 153 p. (in Russ.)
- Tressider G.** Slovar' simvolov [Dictionary of symbols]. Moscow, FAIR-PRESS, 1999, 448 p. (in Russ.)
- Vinokurova I. Yu.** Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii) [Animals in the traditional worldview of the veps (reconstruction experience)]. Dr. Hist. Sci. Diss. Petrozavodsk, IYaLI Publ., 2007, 565 p. (in Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Zh.** Putevoi dnevnik 1908–1909 gg. [Travel diary 1908–1909]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2006, 119 p. (in Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Zh.** Putevye dnevniki 1903–1907 gg. [Travel diaries 1903–1907]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2001, 382 p. (in Russ.)

### Информация об авторе

**Бадмаев Андрей Андреевич**, доктор исторических наук, старший научный сотрудник

### Information about the Author

**Andrew A. Badmaev**, Doctor of Sciences (History), Senior Researcher

*Статья поступила в редколлегию 16.06.2022;  
одобрена после рецензии 30.12.2022; принята к публикации 10.01.2023  
The article was submitted on 16.06.2022;  
approved after reviewing on 30.12.2022; accepted for publication on 10.01.2023*

Научная статья

УДК 398.41

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-157-168

## **Ночной гость Тинтин: истоки образа демонического персонажа в фольклорных и археологических материалах Эквадора**

**Андрей Владимирович Табарев**<sup>1</sup>  
**Евангелина Евгеньевна Славинская**<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Институт археологии и этнографии  
Сибирского отделения Российской академии наук  
Новосибирск, Россия

<sup>2</sup> Новосибирский государственный университет  
Новосибирск, Россия

<sup>1</sup> olmec@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6249-8057>

<sup>2</sup> slavinskaya02@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5746-7793>

### *Аннотация*

Программа исследований российской археологической экспедиции в Южной Америке (2010–2018 гг.) предусматривала изучение широкого круга доиспанских культур, обращение к музейным собраниям, коллекциям, к проявлениям традиционной ритуальной практики и верований. В настоящей статье производится анализ образа Тинтина – демонического персонажа сельского фольклора индейцев мантенья-уанкавилка (прибрежная часть Эквадора). Он формировался под влиянием целого ряда доколониальных и раннеколониальных фольклорно-мифологических мотивов. Существенную роль в его образе играют атрибуты летучей мыши – животного, биологические особенности которого привлекали и одновременно пугали человека, порождая множество мифов и легенд. Привлекаемые авторами в сравнительном формате для характеристики образа Тинтина фольклорные данные и археологические материалы культур Южной Америки и Месоамерики наглядно подтверждают связь образа Тинтина с шаманской практикой, потусторонними мирами и культом плодородия.

### *Ключевые слова*

Южная Америка, Эквадор, археология, ритуал, мантенья-уанкавилка

### *Благодарности*

Исследование проведено при поддержке РНФ (проект № 22-28-00059)

### *Для цитирования*

Табарев А. В., Славинская Е. Е. Ночной гость Тинтин: истоки образа демонического персонажа в фольклорных и археологических материалах Эквадора // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 157–168. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-157-168

© Табарев А. В., Славинская Е. Е., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 157–168  
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 157–168

## Night Guest Tintin: The Origins of a Demonic Character in the Folklore and Archaeological Materials of Ecuador

Andrey V. Tabarev<sup>1</sup>, Evangelina E. Slavinskaya<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Institute of Archaeology and Ethnography  
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Novosibirsk, Russian Federation

<sup>2</sup> Novosibirsk State University  
Novosibirsk, Russian Federation

<sup>1</sup> olmec@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6249-8057>

<sup>2</sup> slavinskaya02@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5746-7793>

### Abstract

*Purpose* of this research is the analysis of archaeological, ethnographical data devoted, first of all, to the demonic personage Tintin, typical for manteña-huancavilca beliefs in the coastal zone, and to the image of bat, and bat-like creatures in modern provincial folklore of Ecuadorian Indians.

*Results.* A review was conducted of a wide range of archaeological materials (sculptures, images on pottery, seals, ceramic masks and whistles) known from the pre-Hispanic cultures that existed on the territories of modern Ecuador, Colombia, Peru and Mesoamerica. The article clearly demonstrates that Tintin is the reflection of the long-term mythological tradition which connects bats with the Underworld, shaman's practices, rituals and fertility.

*Conclusion.* Tintin is one of the multiple anthropo-zoomorphic characters connected with the Pre-Columbian mythological systems of ancient cultures in South America. The peculiarities of bats biological behavior (nocturnal activity, living in caves and specific sound production) are the reason why they are associated with the dark side of the Universe. From the other hand, help to keep the demonic image of Tintin in colonial period and today.

### Keywords

South America, Ecuador, archaeology, ritual, manteña-huancavilca

### Acknowledgements

The work was supported by Russian Scientific Foundation (project no. 22-28-00059)

### For citation

Tabarev A. A., Slavinskaya E. E. Night Guest Tintin: The Origins of a Demonic Character in the Folklore and Archaeological Materials of Ecuador. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 157–168. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-157-168

## Введение

Программа научных исследований первой российской археологической экспедиции в Южной Америке не ограничивалась исключительно раскопками памятников Реаль-Альто (2014–2015, 2017 гг.) и Лома-Атауальпа (2018 г.) и проблемой истоков раннего гончарства на тихоокеанском побережье Эквадора [Табарев и др., 2015; Tabarev et al., 2021]. С самого начала ставилась задача изучения широкого круга доиспанских культур, обращения к музейным собраниям, коллекциям, хранящимся в центральных и местных университетах, к различным проявлениям традиционной ритуальной практики и верований, каждый из которых является отдельным сюжетом. Одним из таких сюжетов стала история о Тинтине – исключительно интересном и самобытном персонаже эквадорского фольклора.

Впервые имя Тинтин мы услышали от индейцев коммуны Печиче (побережье полуострова Санта-Элена и одноименная провинция Эквадора), которые работали у нас на раскопках памятника Реаль-Альто в 2014 г. Оно прозвучало в связи с некоторым дискомфортом, который по ночам испытывали от активности летучих мышей участники российской экспедиции, проживавшие в традиционном тростниковом эквадорском доме на территории музейного комплекса. По словам индейцев, это были «шутки Тинтина», и для избавления от летучих мышей пришлось приглашать местного специалиста, который с помощью дыма решил проблему. Новых красок добавили комментарии о том, что в этих местах ни мужчине, ни жен-

щине нежелательно спать одному в доме или даже в отдельной комнате, поскольку к ним ночью может «прийти Тинтин, перед которым спящий бессилён».

Так сформировался наш интерес к «ночному гостю» Тинтину и к поиску истоков его образа, которые прослеживаются в археологических материалах многих древних культур как на территории Эквадора и в соседних Колумбии и Перу, так и в доколумбовой Америке в целом<sup>1</sup>. Именно это обстоятельство, по нашему мнению, и делает сюжет о Тинтине особенным, требующим, с одной стороны, комплексного (этноархеологического) подхода и, с другой стороны, являющимся наглядным примером длительного, несмотря на колониальное и постколониальное влияние на культуру местного населения, существования комплекса представлений о взаимоотношениях с демоническими персонажами в мифологии и фольклоре.

### Тинтин в современном эквадорском фольклоре

В обобщенном варианте Тинтин (Tintin, El Tin Tin, Tin-Tin) – это демонический персонаж сельского фольклора индейцев мантенья-уанкавилка (прибрежные эквадорские провинции Санта-Элена, Гуаяс и Манаби). Парадоксально, но упоминания о нем можно найти в самых разных источниках – от исследований по местной мифологии и городских легенд до детских сказок-страшилок, комиксов и даже компьютерных игр [Ecuadorian Legends, 2020], но публикаций сравнительного этноархеологического характера в этом ряду практически нет. Чаще всего его описывают как маленькое головастое существо, похожее на эльфа или волшебного гнома, которое носит огромную шляпу и испускает характерный унылый свист, похожий на звуки, издаваемые летучими мышами. В других историях он предстает в виде карлика с вывернутыми коленными суставами, с когтями и гипертрофированным волочащимся по земле мужским достоинством. Основной мотив всех историй связан с опасностью этого существа для красивых женщин независимо от их семейного положения – Тинтин приходит ночью и с помощью гипнотического сна овладевает ими [Entre Nieblas..., 2009].

В зависимости от района и конкретного рассказчика появляются различные детали и вариации. Так, в одних случаях Тинтин погружает в гипнотический сон только жертву, в других – всех обитателей дома, а жертву выносит в кусты, совершает над ней насилие и возвращается обратно. При этом утром женщина ничего не помнит и лишь обнаруживает у себя на теле синяки и ссадины. Смертельная участь ожидает супруга: если он проснется и попытается помешать Тинтину, то умрет на месте. В некоторых историях Тинтин предварительно ухаживает за предметом страсти, используя при этом игру на гитаре и пение, стремясь не просто овладеть женщиной, а влюбить ее в себя (сделать своей женой).

В провинции Манаби зафиксирован вариант местной легенды о том, что Тинтин может оборачиваться птицей (чаще всего из семейства момотовых<sup>2</sup>, имеющих яркое оперение) и преследовать женщин, которые имеют неосторожность справлять нужду в лесу.

По-разному описывается и появление Тинтина: в одних вариантах он «прячется в темных переулках и тщательно выбирает жертву», в других – проникает в запертый дом через мельчайшие дыры или даже сквозь стены, бесшумно передвигается, прячется на некоторое время под кроватью или под потолком, а то и просто становится невидимым. Согласно одной версии, Тинтин обитает в густых мангровых зарослях или в устьях рек, впадающих в океан, в других случаях он появляется «из пустоты», из потустороннего мира. Есть также указания на то, что своим происхождением он связан с божеством Тин (Ночной Бог, Бог-Летучая

<sup>1</sup> Предварительную информацию о результатах исследования планировалось представить в 2021 г. на XIV Конгрессе антропологов и этнологов России в г. Томске, но по причине сложной эпидемиологической ситуации всё ограничилось лишь публикацией коротких тезисов [Гаврилина, Табарев, 2021].

<sup>2</sup> *Momotidae* (момоты) – это тропические птицы с ярким оперением. В окраске преобладают зелёный, жёлтый и оранжевый цвета.

мышь) с острова Пуна в устье р. Гуаяс, имевшим право оплодотворять женщин и давать, таким образом, новую жизнь.

Как уже упоминалось, Тинтин преследует женщин – по большей части одиноких и незамужних (отсюда и причина появления детей у них), есть рассказы о том, что он выслеживает исключительно девственниц. В целом ряде историй утверждается, что забеременеть от Тинтина могут, наоборот, только замужние женщины, их дети рождаются полулюдьми-полуживотными или же нормальными внешне, но без части костей или всего скелета. В таких случаях их хоронят отдельно или бросают в кустах чертополоха, чтобы потом сжечь или использовать в качестве приманки на шестах во время рыбалки. Немногие же выжившие дети Тинтина становятся известными обольстителями.

Противостоять Тинтину ночью практически невозможно, но в ряде историй упоминается о советах, которые дают опытные женщины молодым: например, измазать лицо перед сном грязью, спутать волосы или сделать вид, что поужинали недоброкачественной пищей. Тинтин привередлив, и потерявшие привлекательность жертвы перестают его интересовать. Упоминается также возможность откупиться от Тинтина, поскольку вторая его страсть после женщин – чистое золото или серебро.

Очевидно, что образ Тинтина формировался под влиянием целого ряда как доколониальных, так и раннеколониальных фольклорно-мифологических мотивов. Одним из наиболее важных мотивов нам представляется явная связь Тинтина и летучей мыши – ночная активность, бесшумность перемещения, пугающие звуки, внешность, в которой причудливо совмещаются антропоморфные и зооморфные черты, принадлежность к потусторонним силам и т. д. Наглядно проследить эту связь позволяет обращение к археологическим материалам Эквадора и соседних территорий.

### Элементы образа в доиспанских культурах прибрежной части Эквадора

Современное индейское население прибрежных провинций Эквадора в значительной степени сохранило свою этническую идентичность, которая сформировалась в доиспанский период и представлена археологической культурой мантенья-уанкавилка (650–1532 гг.). Название «мантенья» относится к группам в границах современной провинции Манаби, а «уанкавилка» – к группам, занимавшим территорию провинций Санта-Элена (одноименный полуостров), Гуаяс и южной части Манаби. При этом если для уанкавилка прослеживается прямая преемственность с культурой гуангала (300–200 гг. до н. э. – 700 г. н. э.), то между мантенья и предшествовавшей ей на территории Манаби культурой баия (300 г. до н. э. – 500–650 гг. н. э.) существует некоторый пробел [Славинская, Табарев, 2022; Табарев, 2015].

Начало систематических исследований этой культуры связано с экспедициями американского археолога М. Савиля в 1906–1908 гг. Так, недалеко от городка Пикоаса (провинция Манаби) на вершинах господствующих холмов он осмотрел и описал целую серию поселений с остатками оснований крупных сооружений (50 × 12 м), построенных из сырцовых кирпичей, алтари с антропоморфными изображениями, скульптуры, а также эффектные каменные «кресла» (троны) с зооморфной символикой (кошачьи хищники и летучие мыши) [Saville, 1907]. Наибольшее количество каменных изваяний было зафиксировано на памятниках Серро-Хабонсильо, Серро-де-Охас и Серро-Монтекриси. Считается, что таким образом местная элита маркировала подконтрольную территорию и одновременно создавала на господствующих высотах сакральные зоны для погребений, церемоний и астрономических наблюдений [Lunniss, 2007].

Помимо каменной скульптуры образ летучей мыши встречается в орнаментике сосудов, на характерных для культуры мантенья-уанкавилка глиняных цилиндрических печатях-штампах (рис. 1), а также в мелкой фигурной пластике [Parducci, 1966]. Так, например, в книге М. Савиля на одной из таблиц с находками имеется небольшая глиняная фигурка летучей

мышь, которая является свистком, что напрямую связано со звуками, издаваемыми этими животными [Saville, 1907].

Насколько же глубоко в древность уходят свидетельства ритуализации образа летучей мыши? По имеющимся на сегодняшний день археологическим данным, они относятся как минимум к позднему этапу культуры вальдивия (ок. 4–3,5 тыс. л. н.). Это иллюстрируют материалы погребения из памятника Капа-Перро (среднее течение р. Хама, провинция Манаби). В погребении находились останки молодой (15–20 лет) женщины со скромным, но значимым сопровождением, сконцентрированным в районе брюшной полости: небольшой керамический сосуд (*кокоро*), полированная подвеска из зеленого камня, глиняная женская фигурка, а также фрагменты челюстей кошачьего хищника (*Felis pardalis*, оцелот) и кости летучей мыши (*Artibeus*). Авторы раскопок интерпретируют этот комплекс находок как «шаманские атрибуты», а само погребение – как «погребение молодой шаманки» [Zeidler et al., 1998].

Отметим важность сочетания атрибутов кошачьего хищника и летучей мыши. Так, Й. Уилберт в работе о символизме искусства малых форм в древних культурах Эквадора специально подчеркивает, что в южноамериканской иконографии и мифологии летучая мышь присутствует как «...многоголосый символ... и часто ассоциируется с кошачьими и признаками плодородия...» [Wilbert, 1974, p. 55–68]. Более того, эта пара персонажей основана не на противопоставлении, а, скорее, на сходстве: «...Летучая мышь – животное пещер и ночи, она – единственная из млекопитающих, которая кормит своих детенышей двумя сосками, как человек, у нее клыки, как у ягуара, крылья, как у птицы... А связь с мраком и ночью указывает на погребальный контекст...» [Zeidler et al., 1998, p. 118–119].

### По следу летучей мыши

Многочисленные подтверждения связи образа летучей мыши с погребальным обрядом и символикой погребального инвентаря обнаруживаются в археологических материалах доиспанских культур на территории соседней Колумбии. Один из наиболее ярких примеров – погребальные маски, выполненные из металла (золото, его сплавы с медью и платиной) или керамики. Несколько таких масок были обнаружены, например, в погребениях некрополя Коронадо на территории муниципалитета Пальмира (департамент Валье-дель-Каука). В процессе исследований, проводившихся колумбийскими археологами в конце 1990-х гг., там было изучено более 120 грунтовых погребений, по большей части неразграбленных. Возраст некрополя оценивается в пределах 200 г. до н. э. – 200 г. н. э., что совпадает с финалом культуры илама и началом культуры йотоко [Rodríguez et al., 2007].

Особый интерес для нашего сюжета представляет могила № 51 – погребение «шамана». В ней отсутствуют характерные для подавляющего боль-

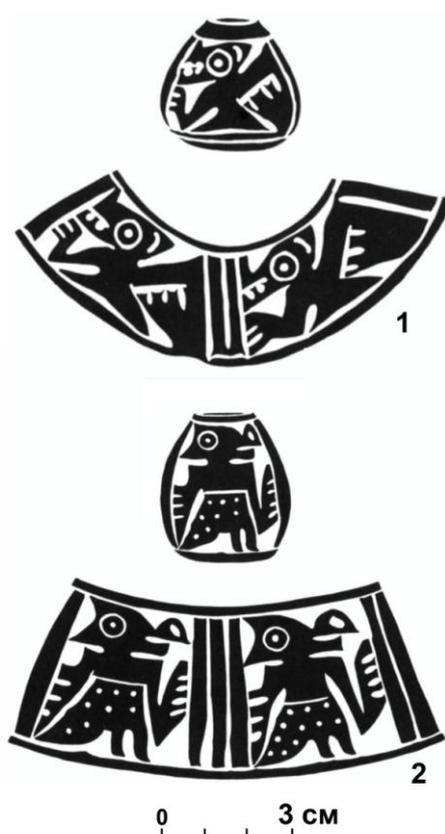


Рис. 1. Изображения летучей мыши на цилиндрических печатях в культуре мантеña (по: [Wilbert, 1974, p. 59])

Fig. 1. Bat images on the cylindrical seals, the Manteha culture (as per: [Wilbert, 1974, p. 59])

шинства могил морские раковины, миски, куранты и терочники, нет украшений из золота, которые, как правило, указывают на погребения вождей (касиков). Погребальная камера находится прямо под вертикальным ходом на глубине 2,3 м под деревянным перекрытием. Несмотря на частичную кремацию, основные характеристики погребения фиксируются отчетливо: покойный (взрослый мужчина) был помещен на горизонтальную поверхность в вытянутом положении в сопровождении двух изящных керамических сосудов, а также двух масок в изголовье. Одна из них (зооморфная, морда летучей мыши) закрывала череп, а вторая (фрагментированная антропоморфная, губы в «трубочку», как в случае со свистом) положена с правой стороны. Отметим также, что зооморфная символика характерна как для погребений касиков, так и для погребений шаманов, однако в случае с касиками преобладают ягуары и крокодилы, а для шаманов чаще всего свойственны летучие мыши и змеи, и только на третьем месте по встречаемости – кошачьи хищники [Табарев, 2016].

Образ летучей мыши присутствует и в иконографии многих доиспанских культур на побережье Перу, например в культуре мочика (I–IX вв. н. э.) – по всему ареалу распространения памятников, от долины р. Ла Лече на севере до р. Кулебрас на юге. Стилизованные и реалистичные изображения летучих мышей в разнообразии встречаются в сценах на сосудах, в форме сосудов (рис. 2, 1), в фигурной пластике, настенной лепке, изделиях из золота, кости, раковин и т. д. Тематически эти сцены связаны с ритуалами жертвоприношения, плодородия, а также с престижными технологиями, подчеркивающими статус элиты. По мнению специалистов, образ летучей мыши в значительной степени отражает биологические особенности этих животных: ночной образ жизни – культ Луны, шаманская практика, отправление ритуалов, связанных с погребением; проживание в пещерах, сон вниз головой – вход в нижний мир, альтернативная реальность; характерный свист – специальные ритуальные сосуды, издающие звуки при потреблении напитков (рис. 2, 2); опыление растений, распространение семян, возможность использования гуано в качестве эффективных удобрений – покровительство земледелию и т. д. [Alaica, 2020].

Летучая мышь также является неотъемлемой частью фольклора доколумбовых культур Месоамериканского региона. В дошедшем до нас памятнике древней индейской литературы «Пополь-Вух» излагается сакральная история о майянском народе киче (коренное население Гватемалы), о сотворении мира и людей, а также повествуется о божественных близнецах Хун-Ахпу и Шбаланке, об их путешествии в подземное царство Шибальбу, где они подвергаются испытаниям. Последним испытанием был дом Летучих мышей, в котором Камасоц / Камасотц, бог-летучая мышь смерти, отсек голову одному из братьев – Хун-Ахпу: «...Орудия убийства были у него, как у Чакицама...». Чакицама – животное в виде летучей мыши, вместо носа у которого обсидиановый или кремниевый нож [Мифы индейцев..., 2006, с. 71–72]. Образу Камасоца уделяется большое внимание на протяжении всей доиспанской эпохи, он часто встречается в изображениях на керамических сосудах (например, посуда, найденная в археологическом памятнике майя Баламку, в штате Кампече) (рис. 3, 1). Кроме того, образ летучей мыши также можно обнаружить в кодексах миштеков (Ватиканский кодекс В (Códice Vaticanus V), кодексе Фехервари–Мейера (Códice Fejérváry–Meyer), кодексе Борджиа (Códice Borgia)), составленных для религиозных, календарных или астрономических целей. В них представлены различные иллюстрации бога-летучей мыши (рис. 3, 2).

Летучие мыши занимали важное место в пантеоне месоамериканских богов – об этом свидетельствуют археологические материалы (стелы, керамические фигуры, каменные изваяния) и письменные источники (кодексы). В археологическом памятнике Такалик–Абах (Takalik Abaj) в муниципалитете Эль-Асинталь на юге Гватемалы была найдена скульптура, названная «Носитель предков» (El cargador del ancestro). Она имеет большое значение для исследований перехода от ольмеков к майя, поскольку именно в этой фигуре проявляются как характерные ольмекские элементы, так и иероглифические тексты майя. Скульптура

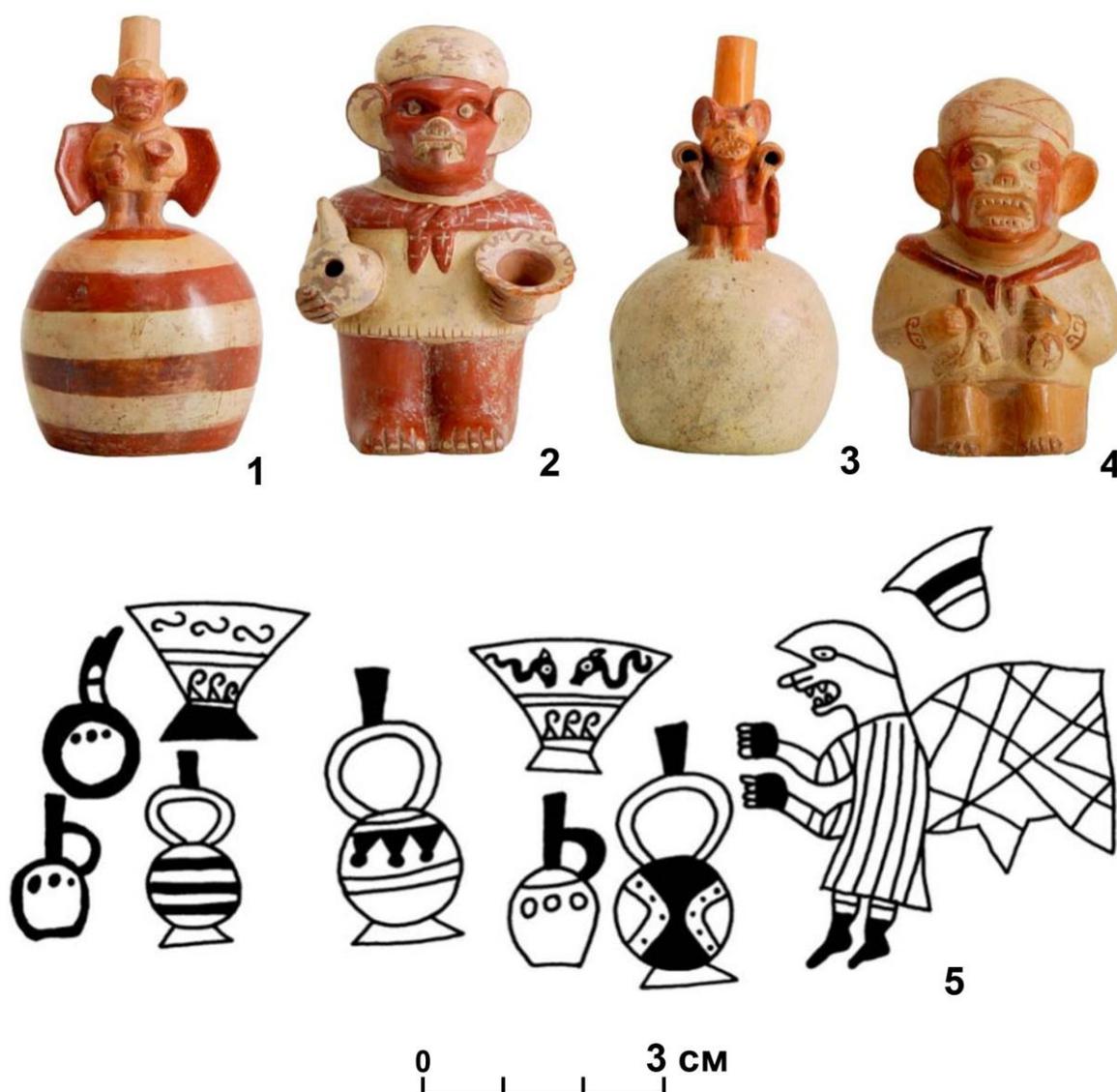


Рис. 2. Изображение летучей мыши в культуре мочика, Перу:  
 1–4 – керамические сосуды (по: [Alaica, 2020, p. 8]);  
 5 – сцена на керамической вазе, летучая мышь и ритуальные сосуды  
 (по: [Alaica, 2020, p. 11])

Fig. 2. Bat images in the Moche culture, Peru:  
 1–4 – ceramic vessels (as per: [Alaica, 2020, p. 8]);  
 5 – scene on the vessel with the bat and ritual pots  
 (as per: [Alaica, 2020, p. 11])

позднего преклассического периода (300 г. до н. э.) имеет четыре части, которые образуют колонну высотой 2,3 м [Álgias, 2013, p. 145]. Средняя часть представляет собой барельеф головы летучей мыши, у которой характерный листовидный нос, открытый рот с обнаженными клыками и вытянутый вниз язык. Считается, что на верхней части скульптуры изображен правитель, а летучая мышь помогает ему попасть в подземный мир в качестве посредника.



1



2

*Рис. 3. Изображение летучей мыши в культурах Месоамерики:*

- 1 – сцена на сосуде, памятник Баламку (штат Кампече, Мексика), культура майя (по: [Árias, 2013, p. 152]);  
2 – изображение божества-летучей мыши в кодексе Мейера (Códice Fejérváry-Meyer), культура миштеков (по: [Árias, 2013, p. 167])*

*Fig. 3. Bat images in the Mesoamerican cultures:*

- 1 – scene on the vessel, the Balamku site (Campeche, Mexico), the Maya culture (as per: [Árias, 2013, p. 152]);  
2 – Bat-God image in Códice Fejérváry-Meyer, the Mixtec culture (as per: [Árias, 2013, p. 167])*

### Заключение

Таким образом, в настоящей работе было доказано и проиллюстрировано примерами, что Тинтин – лишь один из множества персонажей эквадорского и, шире, южноамериканского фольклора, истоки образов которых связаны с мощными пластами доиспанской мифологии. Так, в образе Тинтина существенную роль играют атрибуты летучей мыши – животного, биологические особенности которого всегда привлекали и одновременно пугали человека<sup>3</sup>, порождая множество мифов, легенд и поверий [Sieradzki, Mikkola, 2022].

Проведенный анализ показывает, что летучая мышь занимает исключительно важное место в мифологии и иконографии (мелкая пластика, керамика, изделия из драгоценных металлов, дерева, раковин и т. д.) доколумбовых культур, в особенности тех, чьи ареалы совпадают с ареалами распространения различных видов летучих мышей.

Несмотря на то что наиболее крупным и внушающим страх хищником, очевидным символом элиты и шаманов является ягуар, «...летучая мышь более глубоко связана с культом плодородия, загадочна, зловеща и предстает в большем символическом разнообразии...» [Benson, 1987, p. 175].

Приведем еще одну очень интересную легенду, события которой связаны с районом работ российской археологической экспедиции в Эквадоре. В 1654 г. в ближайшей к современной коммуне Печиче небольшой бухте потерпел крушение груженный золотом, серебром и свежечеканенными монетами (реалами)<sup>4</sup> испанский галеон «La Capitana» [Salazar, 2005]. Большую часть сокровищ удалось достать и перегрузить на другое судно, но и его постигла печальная участь, оно затонуло в океане. Уже в конце XX в. была организована частная экспедиция, удалось поднять со дна части корабля, а также некоторое количество монет, которые сегодня являются исключительной нумизматической редкостью.

В истории с крушением «La Capitana» не все ясно: по одной из версий, несмотря на хорошую погоду и видимость, рулевой (или даже вся команда) неожиданно заснул, судно трижды ударило о прибрежные рифы и затонуло. Остается добавить, что мыс, закрывающий бухту с запада, носит название «Тинтин», а на его поверхности обнаружены следы памятника культуры вальдивия (5,5–3,5 тыс. л. н.). Шторм иногда выносит монеты на песчаный пляж бухты, но местные жители считают их «проклятыми» (чужими) и выбрасывают обратно в океан.

Данное направление имеет очевидную исследовательскую перспективу: представляется интересным продолжить в будущем сюжет о Тинтине, в частности обратиться к сходным демоническим персонажам в фольклоре и мифологии народов Эквадора, Колумбии, Перу и Чили и к истокам их образов в археологических материалах.

### Список литературы

- Гаврилина Т. А., Табарев А. В.** Дело о надоедливом Тинтине: демонический персонаж в традиционном фольклоре индейцев мантенья, Эквадор (из архива российской археологической экспедиции 2014–2018 гг.) // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: Сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. Москва; Томск: Изд-во ТГУ, 2021. С. 120.
- Мифы индейцев Центральной Америки: Пополь-Вух; Родословная владык Тотоникапана / Пер. с языка киче, коммент. и послесл. Р. В. Кинжалова. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 240 с.
- Славинская Е. Е., Табарев А. В.** Антропоморфная пластика доиспанских культур в прибрежных частях Эквадора и Западной Мексики // Тихоокеанская археология: новые ма-

<sup>3</sup> Для этого феномена есть даже специальный термин – *хироптофобия* – страх перед летучими мышами, сопровождающийся паническими атаками, учащенным сердцебиением, истерикой и даже обмороками.

<sup>4</sup> Отсюда и название небольшой деревни (Эль-Реаль), а также название археологического памятника (Реаль-Альто).

- териалы, проекты, исследования. 5-й Международный симпозиум, Владивосток, 6–9 мая 2022 г. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2022. С. 140–145.
- Табарев А. В.** Каменные и деревянные изваяния в культуре мантенья-уанкавилка, Эквадор // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 21. С. 405–408.
- Табарев А. В.** Погребальные маски в доиспанских культурах юго-западной Колумбии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 22. С. 424–427.
- Табарев А. В., Маркос Х. Г., Попов А. Н.** Совсем не «печальные» тропики: Российская археологическая экспедиция в Эквадоре // Наука из первых рук. 2015. № 5–6. С. 156–171.
- Alaica A. K.** Inverted Worlds, Nocturnal States and Flying Mammals: Bats and Their Symbolic Meaning in Moche Iconography. *Arts*, 2020, vol. 9, pp. 1–23.
- Árias S. U.** La Importancia de la Representación del Murciélago en Mesoamérica. Puebla, Colegio de Historia, 2013, 215 p.
- Benson E. P.** Bats in South American Iconography. *Andean Past*, 1987, vol. 1, pp. 165–90.
- Entre Nieblas. Mitos, Leyendas e Historias del Páramo. Proyecto Páramo Andino y Editorial Abya, Quito, Yala, 2009, 174 p.
- Ecuadorian Legends. Guayaquil, Editorial Grupo Compás, 2020, 59 p.
- Lunniss R.** Vida y costumbres de los pobladores del Ecuador antiguo. Guayaquil, Museo Presley Norton, 2007, 149 p.
- Parducci Z. R.** Sellos zoomorfos de Manabí (Ecuador). *Cuadernos de Historia y Arqueología*, 1966, no. 28–29, pp. 123–128.
- Rodríguez A., Blanco S., Clavijo A.** Rituales funerarios y chamanismo en el cementerio de Coronado (siglos III A.C. a III D.C.). In: Territorio ancestral, rituales funerarios y chamanismo en Palmira prehispánica, Valle del Cauca. Bogotá, Universidad Nacional de Colombia, 2007, pp. 81–138.
- Salazar E.** La Capitana. *Apachita*, 2005, no. 4, pp. 8–9.
- Saville M. H.** The Antiquities of Manabi, Ecuador: A Preliminary Report. New York, Irving Press, 1907, 135 p.
- Sieradzki A., Mikkola H.** Bats in Folklore and Culture: A Review of Historical Perceptions around the World. Bats – Disease-Prone but Beneficial. London, IntechOpen, 2022, 150 p.
- Tabarev A. V., Kanomata Y., Popov A. N., Poshekhonova O. E., Zubova A. V.** Towards the Characteristics of Early Formative, Coastal Ecuador: Joint Russian-Japanese-Ecuadorian Excavations at Real Alto site in 2014–2017. In: Valdivia, una Sociedad Neolítica: Nuevos aportes a su conocimiento. Portoviejo, Ediciones UTM – Universidad Técnica de Manabí, 2021, pp. 64–97.
- Wilbert J.** The Thread of Life. Symbolism of Miniature Art from Ecuador. *Dumbarton Oaks Studies in Pre-Columbian Art and Archaeology*, 1974, no. 12, 112 p.
- Zeidler J. A., Stahl P., Sutlif M. J.** Shamanistic Elements in a Terminal Valdivia Burial, Northern Manabi, Ecuador: Implications for Mortuary Symbolism and Social Ranking. In: Recent advances in the Archaeology of the Northern Andes: In memory of Gerardo Reichel-Dolmatoff. Los Angeles, Cotsen Institute of Archaeology Press, 1998, pp. 109–120.

## References

- Alaica A. K.** Inverted Worlds, Nocturnal States and Flying Mammals: Bats and Their Symbolic Meaning in Moche Iconography. *Arts*, 2020, vol. 9, pp. 1–23.
- Árias S. U.** La Importancia de la Representación del Murciélago en Mesoamérica. Puebla, Colegio de Historia, 2013, 215 p.

- Benson E. P.** Bats in South American Iconography. *Andean Past*, 1987, vol. 1, pp. 165–90. Entre Nieblas. Mitos, Leyendas e Historias del Páramo. Proyecto Páramo Andino y Editorial Abya, Quito, Yala, 2009, 174 p.
- Ecuadorian Legends. Guayaquil, Editorial Grupo Compás, 2020, 59 p.
- Gavrilina T. A., Tabarev A. V.** Delo o nadoedlivom Tintine: demonicheskii personazh v traditsionnom fol'klore indeitsev manten'ya, Ekvador (iz arkhiva rossiiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 2014–2018 gg.) [The case of natty Tintin: Demon personage in traditional folklore of mantena Indians, Ecuador (from the archives of Russian archaeological expedition 2014–2018)]. In: XIV Kongress antropologov i etnologov Rossii [XVI Congress of Russian anthropologists and ethnologists]. Tomsk, July 6–9, 2021. Moscow, Tomsk, TSU Press, 2021, 120 p. (in Russ.)
- Lunniss R.** Vida y costumbres de los pobladores del Ecuador antiguo. Guayaquil, Museo Presley Norton, 2007, 149 p.
- Mify indeitsev Tsentral'noi Ameriki: Popol'-Vukh; Rodoslovnaya vladyk Totonikapana [Myths of the Central American Indians; Popol-Vooh; The Genealogy of Totonikapana rulers]. Trans. and comments by R. V. Kinzhalov. Ekaterinburg, U-Faktoriya, 2006, 240 p. (in Russ.)
- Parducci Z. R.** Sellos zoomorfos de Manabí (Ecuador). *Cuadernos de Historia y Arqueología*, 1966, no. 28–29, pp. 123–128.
- Rodríguez A., Blanco S., Clavijo A.** Rituales funerarios y chamanismo en el cementerio de Coronado (siglos III A.C. a III D.C.). In: Territorio ancestral, rituales funerarios y chamanismo en Palmira prehispánica, Valle del Cauca. Bogotá, Universidad Nacional de Colombia, 2007, pp. 81–138.
- Salazar E.** La Capitana. *Apachita*, 2005, no. 4, pp. 8–9.
- Saville M. H.** The Antiquities of Manabi, Ecuador: A Preliminary Report. New York, Irving Press, 1907, 135 p.
- Sieradzki A., Mikkola H.** Bats in Folklore and Culture: A Review of Historical Perceptions around the World. Bats – Disease-Prone but Beneficial. London, IntechOpen, 2022, 150 p.
- Slavinskaya E. E., Tabarev A. V.** Antropomorfnyaya plastika doispanskikh kul'tur v pribrezhnykh chastyakh Ekvadora i Zapadnoi Meksiki [Anthropomorphic figurines of pre-hispanic cultures of Ecuador and Western Mexico]. In: Tikhookeanskaya arkheologiya: novye materialy, projekty, issledovaniya. 5-i Mezhdunarodnyi simpozium [Pacific archaeology: New materials, projects and researches. V International Symposium], Vladivostok, May 6–9, 2022. Vladivostok, FEPU Press, 2022, pp. 140–145. (in Russ.)
- Tabarev A. V.** Kamennye i derevyannye izvayaniya v kul'ture manten'ya-uankavilka, Ekvador [Stone and wooden sculptures in mantena-huancavilca culture, Ecuador]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii: Materialy Itogovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN [Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories. Materials of annual session in the Institute of Archaeology and Ethnography SO RAN]. Novosibirsk: IAE SB RAS Publ., 2015, vol. 21, pp. 405–408. (in Russ.)
- Tabarev A. V.** Pogrebal'nye maski v doispanskikh kul'turakh yugo-zapadnoi Kolumbii [Burial masks in pre-hispanic cultures of Southwestern Colombia]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii: Materialy Itogovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN [Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories. Materials of Annual session in the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2016, vol. 22, pp. 424–427. (in Russ.)
- Tabarev A. V., Kanomata Y., Popov A. N., Poshekhonova O. E., Zubova A. V.** Towards the Characteristics of Early Formative, Coastal Ecuador: Joint Russian-Japanese-Ecuadorian Excavations at Real Alto site in 2014–2017. In: Valdivia, una Sociedad Neolítica: Nuevos aportes a su conocimiento. Portoviejo, Ediciones UTM – Universidad Técnica de Manabí, 2021, pp. 64–97.

- Tabarev A. V., Markos Kh. G., Popov A. N.** Sovsem ne “pechal'nye” tropiki: Rossiiskaya arkhologicheskaya ekspeditsiya v Ekvadore [Not “sad tropics” at all: Russian archaeological expedition in Ecuador]. *Nauka iz pervykh ruk [Science First Hands]*, 2015, no. 5–6, pp. 156–171. (in Russ.)
- Wilbert J.** The Thread of Life. Symbolism of Miniature Art from Ecuador. *Dumbarton Oaks Studies in Pre-Columbian Art and Archaeology*, 1974, no. 12, 112 p.
- Zeidler J. A., Stahl P., Sutlif M. J.** Shamanistic Elements in a Terminal Valdivia Burial, Northern Manabi, Ecuador: Implications for Mortuary Symbolism and Social Ranking. In: Recent advances in the Archaeology of the Northern Andes: In memory of Gerardo Reichel-Dolmatoff. Los Angeles, Cotsen Institute of Archaeology Press, 1998, pp. 109–120.

### Информация об авторах

**Андрей Владимирович Табарев**, доктор исторических наук  
Scopus Author ID 23971572500  
WoS Researcher ID E-3947-2016  
**Евангелина Евгеньевна Славинская**, бакалавр

### Information about the Authors

**Andrey V. Tabarev**, Doctor of Sciences (History)  
Scopus Author ID 23971572500  
WoS Researcher ID E-3947-2016  
**Evagelina E. Slavinskaya**, Bachelor

*Статья поступила в редакцию 17.08.2022;  
одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 15.01.2023  
The article was submitted on 17.08.2022;  
approved after reviewing on 10.01.2023; accepted for publication on 15.01.2023*

## Список сокращений

---

АВИМАИВиВС	–	Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург
АлтГПУ	–	Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул
АлтГУ	–	Алтайский государственный университет, Барнаул
ВИМАИВиВС	–	Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург
ВСОИРГО	–	Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества, Иркутск
ГИМ	–	Государственный исторический музей, Москва
ИА РАН	–	Институт археологии РАН, Москва
ИАЭТ СО РАН	–	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ИИСКиП АлтГПУ	–	Институт истории, социальных коммуникаций и права Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул
НАРК	–	Национальный архив Республики Калмыкия
НГУ	–	Новосибирский государственный университет
РА	–	Российская археология
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов, Москва
СА	–	Советская археология
СО РАН	–	Сибирское отделение Российской академии наук
ТГУ	–	Томский государственный университет

## Информация для авторов

---

Автор (соавторы), направляя статью в редакцию журнала, на безвозмездной основе передает (передают) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ неисключительное право на использование статьи (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных договоров Российской Федерации являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, на распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (и исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на предоставление всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Авторы представляют статьи на русском или английском языке. Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм равняется 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков); объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 8 тыс. знаков. В случае превышения указанных объемов такая публикация может быть принята к печати лишь по отдельному решению редколлегии. Публикация источников – по согласованию с редколлегией.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Подробно ознакомиться с правилами оформления статей, а также проследить за ходом работы с Вашей статьей в редколлегии выпуска можно по адресу: <https://nguhist.elpub.ru/>.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Археология и этнография»: к. 1262, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. Тел. +7 (383) 363 42 62